

ИВАНОВ-РАЗУМНИК

ЛИЧНОСТЬ

ТВОРЧЕСТВО

РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ

Публикации и исследования

Выпуск II

Санкт-Петербург

Издание осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество»
(грант НАН837)

Редактор-составитель
Владимир Григорьевич Белоус

© В. Г. Белоус, 1998 г.: составление

Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908–1944 гг.).

Публикация *Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона.*
Вступительная заметка и комментарии
Е. Обатниной и В. Г. Белоуса

Жизненные и литературные пути Р. В. Иванова-Разумника и А. М. Ремизова в течение почти половины столетия развивались в модусе притяжения-отталкивания. Критик и писатель, будучи представителями принципиально несхожих, но взаимообусловленных сфер литературной деятельности, всегда старались соблюдать паритет между творческой независимостью и личной дружбой. Ремизов нашел в Иванове-Разумнике внимательного исследователя и толкователя; Иванов-Разумник обрел в Ремизове *своего* автора. Трудно назвать другого критика, который бы с таким постоянством отзывался пронизательными статьями о произведениях писателя и так высоко ценил бы его талант¹. Это, однако, не мешало расхождению и в оценках общественно-политических событий, и в реакции на ближайшее литературно-общественное окружение. Дружеские отношения, сложившиеся в конце 1900-х гг. и упроченные взаимным творческим интересом, были прерваны в начале 1918-го. Когда спустя четверть века контакты возобновились в принципиально новых обстоятельствах, каждый из них, обладая уникальным жизненным опытом, с искренней радостью откликнулся на эту последнюю возможность общения, предоставленную судьбой.

Литературная критика была для Иванова-Разумника не только профессией, сколько своего рода жизненной философией — субъективным осмыслением реальности: «критика всегда должна *savoir plus long**, чем самый гениальный художник. Творческая интуиция художника подсознательна; критический анализ выявляет ее, ясно видит невидимое художнику; истинный критик *должен savoir plus long*, чем художник, иначе его “критика” не заслуживает этого имени»². отождествляя литературную критику и философию, Иванов-Разумник видел основной задачей критика отыскание смысла литературного произведения, а от него — выход к смыслу жизни.

---

* знать больше (фр.)

В свою очередь, Ремизов считал зазорным объяснять собственные произведения и оставлял литературную интерпретацию на долю критиков. Он полагал, что суть творчества — не в дополнительных рефлексиях автора, а в подлинном самовыражении, не требующем разъяснений: «Когда цыган нахваливает свою лошадь, это само собой понятно. Ведь, иначе и не был бы он цыганом, но, когда писатель печатно критикует свои собственное произведение, т. е. разъясняет его другими словами и многословиями, стараясь показать товар лицом, ей Богу, дело он делает не писательское, а цыганское. Любая критика и самая несурзная, не вызовет и доли того подозрительного чувства, какое оставляет отзыв писателя о своем произведении: критик может сказать о произведении и хорошее, и дурное, но ведь сам-то сочинитель, критикуя печатно свое сочинение уж обязательно скажет одно только хорошее»³.

Их знакомство состоялось в конце апреля — начале мая 1908 г., о чем Иванов-Разумник восторженно написал А. Н. Римскому-Корсакову 4 мая: «Приезжайте — расскажу Вам, как на днях был в СПб Лев Шестов, как я познакомился с Ремизовым — и еще кучу интересных вещей»⁴. С этого времени Иванов-Разумник принимал деятельное участие в творческих и житейских делах писателя. Критик и писатель особенно сблизились после скандала, разразившегося в связи с обвинением Ремизова в плагиате, когда он был буквально подвергнут литературному ostracismu. На фоне собственного бедственного положения — человека, «отлученного» от печати, — образ критика представлялся Ремизову «всемогущим» заступником: «Венгеров считает Иванова-Разумника за нашего Белинского». «Иванова-Разумника из почтения величали “профессор” — это не то что “подожди” или “не велено пускать” мое», — не без иронии писал позже Ремизов в своих воспоминаниях⁵.

Неизменная готовность Иванова-Разумника помочь Ремизову в преодолении бытовых трудностей не только душевным сочувствием, но и конкретной денежной помощью, запечатлелась в памяти писателя символической, но вместе с тем вполне конкретной трехрублевой купюрой, «со стеснением» предложенной ему критиком: «Эту зелененькую я буду помнить, вспомню и повторю при имени Иванов-Разумник: в 1920 году, арестованный по делу вооруженного восстания левых эсеров, участвовал в альманахах “Скифы”, следовательно не сразу понял значение этих трех рублей — подлинно, жертвы отзывчивого сердца»⁶. Памятными были и семейное путешествие Ивановых и Ремизовых по Волге летом 1909 г., и совместный отдых в 1910-м. Реми-

зов всегда тепло отзывался о человеке, не только многократно способствовавшем публикации его произведений, но с которым его связывало значимое для биографии обоих сотрудничество в журнале «Заветы» (1912–1914), издательстве «Сирин» (1912–1915) и альманахе «Скифы» (1917).

Тектонические сдвиги 1917 года вызвали к жизни ремизовское «Слово о погибели русской земли» и ответную статью Иванова-Разумника «Две России». В этих произведениях воплотились два индивидуальных восприятия истории, объединенные идеей осознанного личностного самоопределения в катастрофически переживаемом хронотопе. Однако, намеренное (т. е. организованное Ивановым-Разумником) столкновение двух текстов на страницах вторых «Скифов» раскрыло взаимоотрицающий *идеологический* максимализм их авторов. Если «Слово о погибели» было полифоническим выражением многовекового прошлого Отечества⁷, то статья «Две России» отразила субъективно-нормативные представления Иванова-Разумника о будущем русской революции, резко разделив литературный мир на сочувствующих «погребальным» настроениям Ремизова⁸ и тех, кто видел в ней грядущее духовное преображение⁹.

Лирико-философские фрагменты «Взвихренной Руси» — хроники революционных лет, где явь переплетается со сном, а сон с явью — в высоком поэтическом регистре передают подлинные переживания Ремизовым т. н. «битв под Разумником»¹⁰. Здесь, в «снах» нередко возникает иронический образ Иванова-Разумника-«Скифа», то провозглашающего новое восстание в Петербурге, то пророчествующего «с пудовым портфелем, словно бесноватый из Симонова монастыря»: «Это вихрь! На Руси крутит огненный вихрь. В вихре сор, в вихре пыль, в вихре смрад. Вихрь несет весенние семена. Вихрь на Запад летит. Старый Запад закрутит, завьет наш скифский вихрь. Перевернется весь мир. И у кого есть крылья — —»¹¹

«Битвы», усугубившие их расхождение в начале 1918-го, обнаружили и явное родство в максималистском упорстве сохранять верность самому себе¹². Вскоре в правозсеровской газете «Воля страны» появилась статья «Подкальватель», подписанная псевдонимом Ип. Трилесов¹³. Так получилось, что исторические события, растворившие литературу в политике, и, вместе с тем, резкая, нелюбимая оценка политической и этической позиций критика, прозвучавшая со страниц газеты, окончательно развели Ремизова и Иванова-Разумника по разные стороны идеологических баррикад.

Тем не менее, вероятно, сразу же после газетной публикации они пожелали найти пути к взаимному личному примирению. Ремизов обратился за советом к Е. Г. Лундбергу и получил следующий ответ: «...готов на всякие услуги, но говорить <за Вас — *зачеркнуто: Е. О. и В. Б.*> с Разумником после “подкальвателя” надо Вам непосредственно, а не через посредников. <...> Самое лучшее, что можно сделать без Вашего участия, это попросить Разумника телефонировать Вам для переговоров по делу — это я сделаю в первое же свидание с ним»¹⁴. Желаемое примирение состоялось, о чем Иванов-Разумник написал П. Н. Сакуллину 23 мая 1919 г.: «Хотя и продолжаю думать, что революция разединила нас “пропастью”, но пропасть эта — в области политических и социальных взглядов, и через нее — для меня по крайней мере — всегда переброшен мост добрых личных отношений и полного уважения к чужому искреннему мнению. Чего уж больше расхождение между мною и Ремизовым, обостренное печатно. — но и с ним мы в прежних отношениях»¹⁵. Впрочем, прежних, душевно-дружеских отношений восстановить не удалось: «с ним <Ремизовым — *Е. О. и В. Б.*> мы слились внешне — не внутренне». — писал Иванов-Разумник М. М. Пришвину 19 сентября 1919 г.¹⁶ С осени 1919-го и до самого отъезда Ремизова из России в августе 1921 г. они, хотя и встречались, в переписку больше уже не вступали.

Значительно позже, когда острота полемики сгладилась, Иванов-Разумник подчеркивал постоянство собственной принципиальности. В частности, в письме к А. Н. Римскому-Корсакову от 10 августа 1937 г. он не без иронического пафоса заявлял: «Начну с опровержения гнусной Вашей клеветы, что если, дескать, писатель мой приятель, то он хорош на 150 %. Стыдно, государь мой, так клеветать. “Приятели моими” были, среди многих других, Ремизов, Сологуб, Белый, Блок; однако прочтите, что писал я о Ремизове в “Скифах” (сборник П-ой, — хорошая статья!), <...> — прочтите и устыдитесь своих 150-ти %-ов. <...> Дружба — дружбой, а правда — правдой»¹⁷.

Однако, в 1942 г., возобновляя переписку, оба пожелали пренебречь давними идеологическими спорами. Неизменными остались взаимное уважение, сочувствие и поддержка. В воспоминаниях Н. В. Резниковой запечатлено подробное свидетельство об отношении писателя к трагической судьбе критика: «Говорили <с Алексеем Михайловичем — *Е. О. и В. Б.*> о Разумнике Васильевиче Иванове-Разумнике. Когда-то в Петербурге они были близки.

Теперь он находился в Германии; они переписывались. А. М. рассказывал о тяжелой судьбе Иванова-Разумника. Ему трудно жилось после революции. Во время войны он оказался в занятой немцами части России и переехал в Германию; там сотрудничал в газете. Издаваемой на русском языке. Иванов-Разумник печатал свои воспоминания. Говорил об ужасе жизни в Советской России. Человек терял себя и вел не свою, а навязанную ему жизнь. Он сравнивал свое существование с жизнью человека из сказки 1001-й ночи, который силой колдовства, опустив лицо в чашу с водой, превратился в немолодую женщину, двадцатый раз беременную. А. М. очень жалел Иванова-Разумника, говорил, какой это был замечательный человек. Тот факт, что он сотрудничал в немецкой газете, не вызывал у А. М. осуждения. Эту тему мы находим в “Вороньем перье” (*Пляшущий демон*). Первопечатник Иван Федоров в конце жизни оказался во “вражеском стане”. он работал, но решительно отказался принять участие в изготовлении пушек»¹⁸.

В диалоге Иванова-Разумника с Ремизовым сегодня имеется возможность представить только голос критика. 160 писем Ремизова за 1908–1919 гг., свидетельство о которых имеется в документе, подготовленном в 1940 г. Ивановым-Разумником¹⁹, погбибли вместе со значительной частью его архива в годы войны. Судьба писем Ремизова военных лет неизвестна. Кроме того, следует учесть, что какая-то часть писем Иванова-Разумника оказалась у коллекционеров (в частности, на п. 8 имеется владельческая печать «профессора, доктора медицинских наук Ивана Михайловича Саркизова-Саразини», а п. 33–35 еще с 1914 года находятся в собрании П. Л. Вакселя²⁰).

Все известные нам письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову публикуются по автографам, хранящимся в архивах: Рукописного отдела Российской национальной библиотеки: Ф. 634. № 115 (п. 1–7; 9–32; 36); Ф. 124. № 1804 (п. 33–35); Рукописного отдела Института Русской литературы (Пушкинский Дом): Ф. 256. Оп. 1. № 103 (п. 37–65); Р. III. Оп. 2. № 1623 (п. 8); Amherst Center for Russian Culture, США (п. 66–80). В составе данного корпуса писем два письма (68 и 72) были ранее опубликованы David Lowe с незначительными искажениями²¹. Все остальные письма публикуются впервые. Слова, подчеркнутые в оригинале, выделены нами курсивом; сокращения раскрываются в угловых скобках.

Перевод текстов на немецком языке выполнен Х. Г. Тупсом. Публикаторы выражают благодарность Л. П. Ильницкой за помощь в подготовке к печати писем на немецком языке.

Примечания

¹ См.: Иванов-Разумник. Библиография / Сост. Я. В. Леонтьев // Библиография. 1993. № 3. Май-июнь. С. 64–73.

² *Иванов-Разумник*. Т. II. Творчество и критика. <СПб., 1911>. С. 5.

³ *Ремизов А. М.* Следует ли авторам отвечать критике? / Анкета «Биржевых ведомостей» // Биржевые ведомости. 1915. 6 декабря. № 15254. С. 4.

⁴ РИИИ. Ф. 8. Р. VII. № 216/2. Л. 205.

⁵ *Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 31.

⁶ Там же. С. 23. Под арестом «в 1920 г.» подразумеваются события февраля 1919 г., когда Ремизов вместе с другими литераторами (Ивановым-Разумником, А. Блоком, К. Эрбергом, Евг. Замятиным и др.) был арестован по подозрению в участии в заговоре левых эсеров против советской власти.

⁷ См.: Наст. изд. С. 195–207.

⁸ См.: *Ремизов А.* «Вонючая торжествующая обезьяна» / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Обатниной // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 124–153.

⁹ См.: *Белоус В. Г.* Петроградская Вольная философская ассоциация (1919–1924) — антигиталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997. С. 14–22.

¹⁰ См.: Наст. изд. С. 206.

¹¹ *Ремизов А.* Взвихренная Русь. Париж, 1927. С. 211.

¹² Ср. два высказывания, относящиеся к одному и тому же времени; у Ремизова: «Революция или чай пить? Другими словами: — Стихия — палочки вертящиеся? — или упор, самоупор?» (*Ремизов А.* Взвихренная Русь. С. 251); у Иванова-Разумника: «*свое лицо* — самое дорогое, самое святое, что только может быть у человека» (*Иванов-Разумник.* Год революции. Статьи 1917 года. СПб., 1918. С. 79).

¹³ См.: Наст. изд. С. 118–121.

¹⁴ Письмо от 13/26 февраля <1918 г.>. — ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 150. Л. 48.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. № 361. Л. 95.

¹⁶ Цит. по: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья, подг. текста и прим. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 198.

¹⁷ «Нравственные письма» из 1937 года: Иванов-Разумник А. Н. Римскому-Корсакову / Публ. В. Г. Белоуса // Из фондов Кабинета рукописей Российского института истории искусств. СПб., 1998. С. 170.

¹⁸ *Резникова Н. В.* Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове / Публ. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1980. С. 96–97. Имеется в виду глава «Первопечатник Иван Федоров» из книги «Пляшущий демон. Танец и слово» (1949). Ср.: «А в Кракове ему дан был заказ — Федоров еще мог сделать пуасоны, отлить шрифт, а ему говорят: “отлей пушку”. / И ничего не оставалось как только сказать, наклоня голову: “как прикажете” или по-арабски: “слушаю и повинуюсь”». — *Ремизов А.* Огонь вещей. М., 1989. С. 291.

¹⁹ Опись архива. Письма к Р. В. Иванову. 1901–1939. — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 88.

²⁰ На оригиналах указанных писем имеются владельческие пометы: «получено» 11–3–1914 г. № 3261–3263».

²¹ Russian Literature Triquarterly. No. 8. (Winter 1974). P. 489–501.

1.

15-VII-1908.

Царское Село.

Колпинская ул., д. Кучумова.

Многоуважаемый
Алексей Михайлович.

В Петербурге я бываю по Вторникам и Пятницам. Сегодня быть у Вас не могу, а в Пятницу (18-го июля) зайду к Вам между 2 и 4 ч <аса-ми> дня. Очень рад буду повидать Вас. Поклон Серафиме Павловне¹. Жму Вашу руку.

Р. Иванов.

¹ Серафима Павловна Ремизова-Довгелло (1876-1943) — жена А. М. Ремизова.

2.

19-VII-1908.

Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович, посулил я Вам вчера журавля в небе, а сегодня приходится идти на попятный: вчера же вечером видел я человека в положении вельми гнусном и вынужден был отдать ему квитанцию на получение 35 р <ублей>. У Вас впереди имеются авансы, а у этого человека — и впереди и сзади одинаково пусто.

Не взыщите, что ввел в заблуждение. В крайнем случае все-таки черкните мне — может кое-что и удастся сделать.

А в прочих отношениях — что касается вчерашнего дела — надейтесь на меня, как на каменную стену.

Ваш Р. Иванов.

3.

22-IX-1908.

Царское Село.

Колпинская ул., д. Кучумова

Дорогой Алексей Михайлович,

вряд ли мне удастся быть у Вас завтра, во Вторник, 23/IX; да и Серафиме Павловне придется с недельку пообождать с занятиями по истории¹. Надеюсь зайти к Вам в Среду или Четверг — и самое позднее — в Субботу. Я немного простудился и должен денька два-три посидеть дома.

Жму Вашу руку.

Ваш Р. Иванов.

¹ Вероятно, речь идет о подготовке С. П. Ремизовой-Довгелло к поступлению в Петербургский Археологический институт.

26-X-1908.
Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович,

я пока что, жив и здоров. а не был у Вас так долго потому. что хотел сначала получить окончательный ответ по делу, касающемуся Серафимы Павловны. На днях, вероятно, зайду. На реферате Венгерова¹ я не был, зато была Варвара Николаевна², да Вас не видала. Мы с ней собираемся к Вам как-нибудь на днях вдвоем. Кстати — будем мы 30-го окт<тября> на 2-ом спект<акле> «Саломей»³, — и будем восседать в последних рядах стульев: если будете в театре — разыщите нас.

Спасибо Вам за хлопоты с карточками⁴. Андрей Бельпш⁵ и Мережковский⁶ мне не нужны — я их уже пмею; а вот если можете добыть мне Розанова⁷ — будет хорошо.

Об «Иуде»⁸ поговорим при свидании. Вы читали, конечно, что «Образование» и «Вестник Европы» перешли в новые руки⁹; в «Вестник» приглашен и я, но вероятно откажусь: там все старые и почтенные люди, в роде Нестора Котляревского, которого коробит и от моего «Смысла жизни», а не то что от Вашего «Иуды»¹⁰.

Пока до свидания. Варвара Николаевна шлет поклон. я жму руку.

Ваш Р. Иванов.

P. S. Я Вам недавно послал открытку — неужели не получили?

Пишет мне Лев Исаакович¹¹, что вероятно будет этой зимой в Москве и Петербурге. Кстати, его адрес: Freiburg im Baden, Jacobistrasse, 9II.

¹ 17 октября 1908 г. на собрании Санкт-Петербургского Литературного общества Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920) прочел доклад «Победители или побежденные?», посвященный характеристике литературного модернизма и оценкам творчества отдельных его представителей. В прениях выступали В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский, Вл. Кранихфельд и др. (См.: В литературном обществе // Речь. 1908. 19 октября. № 251. С. 4).

² Варвара Николаевна Иванова (урожд. Оттенберг; 1880–1946) — жена Р. В. Иванова.

³ Речь идет о постановке пьесы О. Уайльда в театре В. Ф. Коммиссаржевской (режиссер Н. Евреинов, композитор В. Каратыгин, художник Н. Калмаков). Премьера спектакля, в афише имевшего второе название — «Царица», была назначена на 28 октября 1908 года; второй спектакль, в соответствии с репертуаром, должен был состояться 30-го октября. Тем не менее, буквально за несколько часов до премьеры спектакль был отменен распоряжением градоначальника в соответствии со статьей о пресечении действий, посягающих на «уважение к вере». См. газетные заметки об этом инциденте: Запрещение «Саломей» // Речь. 1908. 29 октября. № 261. С. 3; Речь. 1908. 31 октября. № 263. С. 5: *Азов Влад.* <Аишкенази В. А.> «Саломей» // Речь. 1908. 3 ноября.

№ 266. С. 3. См. также: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 336–337.

⁴ В 1908 г. Иванов-Разумник приступил к созданию «Критической истории русской литературы», о чем сообщала газета «Новая Русь»: «Вышла новая книга Иванова-Разумника “О смысле жизни”. В настоящее время он предпринял большое исследование о современной русской литературе, начиная с Волынской и кончая А. Ремизовым и М. Кузминным» (1908. 2 октября. № 48. С. 3; см. также план предполагавшегося издания: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 70). По просьбе Иванова-Разумника Ремизов обратился к А. Блоку 3 октября 1908 г.: «Есть у меня к Вам дело: есть писатель Иванов-Разумник, который написал четыре книги <...>. В настоящее время Разумник Васильевич Иванов занимается исследованием писателей от Волынской до нас с вами. Книг у свою он хочет выпустить с портретами. Я взялся достать ему Ваш портрет с автографом на портрете или под портретом» (Переписка с А. М. Ремизовым (1905–1920) / Вступ. статья З. Г. Мишц. Публ. и комм. А. П. Юловой // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 85. С аналогичной просьбой Ремизов обратился 16 октября 1908 г. к М. А. Кузмину (См.: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 336). Работа над книгой продолжалась до 1916 г. и не была завершена.

⁵ Борис Николаевич Бугаев (псевд. Андрей Белый; 1880–1934).

⁶ Фотография Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865–1941) сохранилась в архиве Иванова-Разумника (Ф. 79. Оп. 6. № 17).

⁷ Василий Васильевич Розанов (1856–1919).

⁸ Подразумевается «Трагедия о Иуде принце Искарнотском», впервые опубликованная в журнале «Золотое Руно» (1908. № 1).

⁹ Реплика Иванова-Разумника вызвана двумя сообщениями, появившимися в газете «Речь», в рубрике «Литературная летопись»: «С января 1909 г. “Вестник Европы” переходит в новые руки. Во главе издательства становится М. М. Ковалевский, редактором явится К. К. Арсеньев. В состав редакционного комитета входят: В. Д. Кузьмин-Караваев, Н. А. Котляревский, Л. З. Слонимский»; «Издание журнала “Образование”, после долгих злоключений, переходит в руки Д. А. Карышева, брата известного экономиста» (1908. 25 октября. № 257. С. 6). Еще в июльском номере «Образования» А. Я. Острогорский сообщил, что отказывается от дальнейшего издания и редактирования журнала. Право на его издание он передал И. М. Василевскому, который «объявляя журнал внепартийным», пригласил к сотрудничеству Л. Андреева, Ф. Сологуба, Д. Мережковского, З. Гиппиус, К. Чуковского и др. Тогда же, в июле, редактор-издатель «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич заявил о предполагаемой продаже своего журнала. Иванов-Разумник начал переговоры с М. К. Лемке, Е. Д. Максимовым, Н. С. Русановым и др. о выкупе «Вестника Европы» «на паях» для продолжения его «в левонародническом духе»; однако, вскоре выяснилось, что средств на покупку не хватает (Подробнее см.: *Леонтьев Я. В.* Иванов-Разумник и освободительное дви-

жение в России. Дореволюционный период // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С. 8–9). В октябре Стасюлевич извещал читателей о сложении с себя редакторских полномочий «вследствие слабости здоровья и значительного утомления после сорока трех лет по изданию и редакции журнала» (Вестник Европы. 1908. № 10. С. 858). На предложение сотрудничать в «Вестнике Европы», которое поступило от М. К. Лемке, Иванов-Разумник ответил отказом 24 октября 1908 г.: «Судя по перечисленным Вами именам, не думаю, чтобы это было возможно» (ИРЛИ. Ф. 661. № 469. Л. 30).

¹⁰ Нестор Александрович Котляревский (1863–1925) — литературный критик; в 1908–09 гг. редактировал отдел беллетристики журнала «Вестник Европы». Его взгляды отличались наступательным традиционализмом в области литературы и религии; он полагал, что признание человека высшей ценностью привело в XIX веке к идейному кризису. Концепция Котляревского была полностью противоположной «имманентному субъективизму» Иванова-Разумника, мировоззрение которого было обосновано в его книге «О смысле жизни. Ф. Сологуб. Л. Андреев. Л. Шестов» (СПб., 1908). Не будучи лично знакомым с Н. А. Котляревским, Иванов-Разумник писал ему 26 декабря 1908 г.: «Пользуюсь случаем поблагодарить в Вашем лице новую редакцию “Вестника Европы” за переданное мне еще осенью, через М. К. Лемке, предложение сотрудничества в журнале. Я ответил тоже через М. К. Лемке, что быть постоянным сотрудником не берусь, но буду очень благодарен, если когда-нибудь смогу воспользоваться в качестве случайного гостя страницами “Вестника Европы”» (ИРЛИ. Ф. 135. № 333. Л. 3).

¹¹ Речь идет о философе Льве Исааковиче Шестове (наст. фам. Шварцман; 1866–1938), с которым оба корреспондента поддерживали многолетние дружеские отношения. Знакомство Ремизова с Шестовым состоялось при посредничестве Н. Бердяева в Киеве, в октябре 1904 г. В письме к П. Е. Щеголеву от 3 октября 1904 г. Ремизов сообщал: «Познакомился с Булгаковым и Шестовым, но ничего не разговаривал, а как всегда в первые встречи — единственные слова были глупыми с пропусками букв в словах» (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479–1610. Л. 105). Ср.: *Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 267–268. См. также: Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 133–169; № 3. С. 158–197; № 4. С. 92–133; 1993. № 1. С. 170–181; № 3. С. 130–140; № 4. С. 147–158; 1994. № 1. С. 159–174. № 2. С. 136–185. Инициатором знакомства с Ивановым-Разумником был Шестов: 6 марта 1908 г. он обратился к Иванову-Разумнику с письменной просьбой прочесть лекцию о творчестве Леонида Андреева в Киеве в пользу нуждающегося студента (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 346. Л. 1). Их личная встреча состоялась в Киеве 1 апреля 1908 г. (См.: «Дорогая моя и любимая Варя...». Письма Иванова-Разумника В. Н. Ивановой из саратовской ссылки / Публ. В. Г. Белоуса // Минувшее. Исторический альманах. 23. СПб., 1998. С. 444).

29—XI—1908.
Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович!

Дела у меня теперь — выше головы, и, главное, все дела экстренного, так что не знаю, когда загляну к Вам. А все-таки как-нибудь загляну. Да и Вас ждем к себе; но по этому поводу надо условиться поточнее.

Что узнала Серафима Павловна от Ив. Ив. Лапшина?¹ По-видимому, ничего особенно утешительного — и это меня удивляет. Ну, а как же рекомендации к Преснякову². Полиектову³ и др., обещанные Лапшиным?

У Вячеслава Иванова быть не удалось; не думаю, чтобы это особенно его огорчило. Вы думаете, что мне следует «написать ему что-нибудь», но что же именно? О том, почему не мог быть? Так ведь не для меня же была устроена Вячеславо-Ивановская среда!⁴

Жаль только, что не удалось услышать Вашу «Бедовую долю». Ведь это и есть «сны», отвергнутые Мережковским? Может быть Вы как-нибудь познакомите меня с ними (не с Мережковскими, а со «снами») ⁵.

Кстати: вчера я писал Шестову, как глупо отдал его «tertius ego»* Мережковского, т. е. Философов, в «Московском Еженедельнике» от 15/XI⁶. Фанатики они, а умишком не все вышли.

Когда же увидимся? Свободны ли Вы в пятницу 12-го дек<абря> (либо в субботу 13-го) приехать к нам в Царское на весь день до 8^{1/2} ч<асов> веч<ера> (ибо вечером мы с В<арварой> Н<иколаевной> сами должны уехать в Питер)? — Впрочем, увидимся в Петербурге гораздо раньше. — Как дело с «Лукоморьем»? ⁷

Поклон Серафиме Павловне от нас двоих, и Вам также.

Р. Иванов.

¹ Иван Иванович Лапшин (1870—1954) — философ, психолог. Вероятно, Лапшин обещал содействовать вступлению Иванова-Разумника в Философское общество при Петербургском университете (1897—1922). Ср.: «...я балотируюсь в действительные члены Филос<офского> Общества, и уже говорил об этом с И. И. Лапшиным. Не поговорите ли Вы с ним об этом на ближайшем заседании и не будете ли одним из трех, предлагающих меня в члены? Очень бы этим обязали». — Из письма Иванова-Разумника Д. П. Носовичу от 25 ноября 1908 г. (РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 524. Л. 1 об.).

² Александр Евгеньевич Пресняков (1870—1929) — историк.

* «третье я» (лат.)

³ Имеется в виду Михаил Александрович Полдневков (1872–1942) — историк.

⁴ Знаменитые собрания петербургской творческой элиты проводились у Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949) по средам, в доме, прозванном «башней» по архитектуре строения (Таврическая, 25. кв. 24). Позднее Иванов-Разумник вспоминал, что посетил квартиру Вяч. Иванова «кажется, в 1910 году»: «был я на башне этой, затащенный Л. Шестовым, всего о единожды в жизни, — и больше там не появлялся, до того отвратно там мне показалось». — «Дорогая и любимая моя Варя...». Письма Иванова-Разумника В. Н. Ивановой из саратовской ссылки. С. 440.

⁵ Жанр литературно обработанных подлинных снов Ремизова, анонсированный в журнале «Золотое Руно» (1908. № 11/12. С. 89; разд. «Вестн отовсюду»), получил скандальную известность сразу после публикаций первого цикла «Под кровом ночи» (Всемирный вестник. 1908. № 3; Золотое Руно. 1908. № 5; Весна. 1908. № 8). Д. Мережковский, заведовавший в то время беллетристическим, литературно-критическим и художественным отделом журнала «Русская мысль», а также З. Гиппиус и Д. Философов, входившие в состав постоянных сотрудников журнала, самым живым образом заинтересовались «Бедовой долей». Однако, присланный Ремизовым материал вызвал явное разочарование: «Считали мы, рассчитывали на ваши “Сны”, а вы отдали настоящие в “Руно”, нам же дали поддельные. Штук 6–7 можно бы напечатать (в январе), но <...> и эти 6–7, к тому же, все-таки не так хороши, как ваши первые» (Из письма З. Гиппиус к Ремизову от 22 ноября 1908 г. — РНБ. Ф. 634. № 88. Л. 23–23 об.). Реакция на предложенные Ремизовым «сны», возможно, сказалась и в названии — «Глупые ночи», заявленном в редакционном объявлении ноябрьского номера «Русской мысли». Вероятно, именно после такого анонса и ответа Гиппиус Ремизов стал искать другие пути публикации своего цикла. В настоящем письме речь идет о вечере на башне Вяч. Иванова 26 ноября 1908 г., на котором Ремизов прочитал цикл своих «снов». Накануне, 22 ноября Ремизов обратился к Вяч. Иванову: «Прошу разрешить мне прочитать Вам в среду “Бедовую долю” (ночные приключения). Сегодня мне вручили мою рукопись на приеме у Мережковских, находя рассказы нехорошими» (Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ ст, прим. и подг. писем А. Ремизова — А. М. Грачевой; подг. писем Вяч. Иванова — О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 96. Обращаем внимание, что в данной публикации письмо, вслед за явной опiskeй Ремизова, ошибочно датировано 1909 годом). Попытка пристроить «Бедовую долю» была предпринята 28 ноября, в письме, адресованном владельцу издательства «Шиповник» С. Ю. Копельману, где писатель следующим образом охарактеризовал новый жанр: «Я написал ряд фантастических рассказов. Занимает лист (приблизительно). Объединены общим названием Бедовая доля. Ночные приключения. В них много глупости. (“Sattise”), есть непристойности (не влекущие 1001 ст<атып>, есть то, что в поэзии можно было бы назвать “Légoutant”, да так, кажется, и называется у французов. Похоже рассказы были напечатаны в 3<олотом> Р<уне> <...>. Я не хочу

вам давать, не предупредив о их содержании и некоторой "скандальности". <...> Если такого рода литература может быть принимаема "Шиповником", то я вам доставлю рассказы. <...> Я хочу, чтобы они были напечатаны скоро, так как, собрав штук 100, их можно издать отдельной книгой» (ИРЛИ. Ф. 485. № 21. Л. 2–2 об.). Тем не менее, после письменных переговоров с С. В. Лурье — сотрудником литературного отдела «Русской мысли» цикл был принят к печати в журнале (См.: РНБ. Ф. 634. № 142). 21 февраля 1909 г. А. Кизеветтер писал Ремизову: «Ваш рассказ "Бедовая доля" набран и непременно пойдет в апрельской книге» (РНБ. Ф. 634. № 120). В итоге цикл «Бедовая доля. Ночные приключения», состоявший из 14 снов, увидел свет в майском номере «Русской мысли» за 1909 г. (Отд. I. С. 9–23). Впоследствии с дополнениями и посвящением Л. Шестову он вошел в издание: *Ремизов А.* Рассказы. СПб., 1910.

⁶ В статье «Апофеоз беспочвенности» (Московский еженедельник. 1908. 15 ноября. № 45. С. 43–51) Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940), отделяя Л. Шестова, «от имманентного субъективизма, навязываемого ему г. Ивановым-Разумником», тем не менее, назвал мыслителя видным идеологом «современной неразберихи, современного безволия, того мистического анархизма, который выплеснулся из литературщины в жизнь» (с. 46) и отнес к «шестовщине» сочинения С. Лурье, С. Франка, К. Чуковского, Л. Галлица и др.

⁷ Подразумевается театр-кабаре «Лукоморье», учрежденный Союзом драматических и музыкальных писателей, который открылся 6 декабря 1908 г. в зале Театрального клуба (дом кн. Юсупова) и осуществил лишь одну постановку. По инициативе главного режиссера театра — В. Э. Мейерхольда А. М. Ремизов входил в состав «комитета по устройству спектаклей» «Лукоморья». См.: *Тихвинская Л. И.* Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 1995. С. 38.

6.

4-II-1909.

Царское Село.

Что же это Вы, дорогой Алексей Михайлович, не приехали сегодня к нам на блины? Мы Вас и Серафиму Павловну ждали-ждали и ждать перестали. Если захотите все же собраться к нам, то приезжайте в Субботу к завтраку — тоже будут блины. (Суббота — 7 февраля). Выезжайте с поездом в 1 час дня — будем ждать Вас с завтраком до 2-х часов.

Поклон Серафиме Павловне.

Р. Иванов.

P. S. Кстати: получил я на днях от некоего Григория Новицкого книжку стихов «Необузданные скверны». Действительно, уж так скверно, что заглавие вполне подходит. Ни капли таланту, масса претензии, впечатление почти юмористическое. И как это Вы позволили автору посвятить Вам какое-то его блудописание?¹

¹ Григорий Петрович Новицкий — автор трех поэтических сборников, «узко специализировавшийся на ночной публике Невского проспекта» (*Ave. Вечер северной свирели // Сатирикон. 1908. № 28. С. 6–7*). В письме речь идет о стихотворении «Поэт», напечатанном с посвящением «А. Н. <так! — Е. О. и В. Б.> Ремизову» (*Новицкий Г. Необузданные скверны. Стихи. СПб., 1909. С. 110*). В 1908 г. Новицкий выступал вместе с А. Ремизовым, Ф. Сологубом, С. Городецким, А. Рославлевым и др. на вечерах «Северной свирели» (См.: *Новая Русь. 1908. 13 октября. № 59; Блок А. Вечера искусств // Блок А. Собр. соч. В 8-ми т. М.–Л., 1962. Т. 5. С. 304–308*). Ср. также: «ГРИГОРИЙ ПЕТРОВИЧ НОВИЦКИЙ. 1906 г. Студент Лесного института, зеленый. Страсть к стихам. Выпустил книжку “Необузданные скверны”. Ее арестовали за “кошунство и порнографию”. А в сущности ничего не было предосудительного. Способный, но дурковатый (?). В Париже был шофером. Занимался медовым делом “мед новицкий”. Теперь как сам говорит, пишет музыку» — Из «Рабочей тетради» А. М. Ремизова 1950-х гг. (Алексей Ремизов. Новые материалы / Вступ. зам. и публ. А. М. Грачевой // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 223).

7.

1 апреля 1909.¹

Акrostих.

Алеют зори бледными лучами;
Летит замерзший, почерневший лист,
Едва заметный в поле под ногами...
Как воздух ночи холоден и чист!
Сквозь туч гряды кружит за облаками
Ездок небесный, бледен и лучист.
И тучи тихо сходятся толпами —
Рассеет их полночью ветра свист.

Едва разгонит тучи ветер ночью —
Мы вступим в круг неожиданной тишины,
И страшное мы ўзрим тут во-бчью:
Змей и чертяк, исчадий Сатаны...
О, как с тобой мне быть тогда отрада:
Ведь ты знаком со всем исчадьем ада!

Кто?²

¹ Открытое письмо, без подписи, адресованное Алексею Михайловичу Ремизову; *Здесь, Мальй Казачий, д. 9.*

² Ремизовым приписано: *Р. В. Иванов-Разумник.*

6-V-1909.

Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович —

у меня к Вам просьба: не знаете ли Вы московского адреса Н. С. Бутовой?¹ Она прислала нам билеты на «Синюю Птицу»² (на которой мы уже и до того были, так что получилось два гриба в борще), а денег за них я ей еще не отослал: не знаю ни сколько, ни куда.

На следующей странице Вы найдете стихотворение, полученное Вами 1-го апреля с подписью «Кто?» (на открытке Рериха — декорация к «Снегурочке»)³: Вы не совсем удачно приписывали этот сонет Кузьмину⁴, Блоку⁵ и прочим. Лестно ли это для меня — не знаю, но для них это вряд ли лестно. Одно из двух: либо моя версификаторская пачкотня — стихи одного порядка со стихами этих поэтов, либо стихи этих поэтов — такая же версификация. Что вероятнее?

Кстати: Вы не разглашайте об этой моей шутке, а то мне станет конфузно. Скажут: ведь такой почтенный мужчина, а какой ерундой занимается...

Кстати сказать: за последнее время я сильно охладел к творениям Ваших литературных друзей⁶. Вы — не в счет: я по-прежнему люблю и перечитываю Вашу «Посолонь»⁷ и другие вещи; по-прежнему читаю и перечитываю Брюсова⁸, многое из «старых декадентов»⁹. А вот на молодых — оскомину набил. Проза Кузьмина никогда мне не нравилась; его «Сети» мне показались пиздскими и стильными — но страшно скоро приелся¹⁰. У Блока наполовину версификация, — а его бездарная «Песня Судьбы», которую я вчера лишь прочел¹¹! Вообще все это — «третий сорт», не говоря уже о таких микроскопических величинах, как Ауслендер¹², Чулков¹³ и им подобные. Недавно я перечитывал «Пламенный круг»¹⁴ — вот это талант, да еще какой! И хотя я не люблю Мережковского, но он представляется мне каким-то великаном, по сравнению с современным муравейником «молодых».

Вот расписался! Так, к слову пришлось.

Черкните о себе; кланяемся Серафиме Павловне.

Р. Иванов.

Сонет 1-ое апреля.

Алексею Ремизову

(Акrostих).

Алеют зори бледными лучами;
Летит замерзший, почерневший лист,
Едва заметный в поле под ногами...

Как воздух ночи холоден и чист!
Сквозь дымку туч кружит за облаками
Ездок небесный, бледен и лучист.
И тучи тихо кружатся толпами —
Рассеет их вой бури, ветра свист.

Едва разгонит тучи ветер ночью —
Мы вступим в круг тревожной тишины
И страшное мы узрим тут во-объю:
Змей и чертяк, исчадий Сатаны...
О, как с тобой мне быть тогда отрада:
Ведь ты знаком со всем исчадьем ада!

¹ Надежда Сергеевна Бутова (1878–1921) — актриса Московского Художественного театра.

² В апреле-мае 1909 г. в Петербурге проходили гастролы МХТ.

³ См. п. 7. На открытке изображен эскиз Николая Константиновича Рериха (1874–1947) декорации «Пролог. Лес» (1908) к опере Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка». Сценического воплощения эскизы Рериха не получили. См.: *Яковлева Е.* Театрально-декорационное искусство Н. К. Рериха. <Б. м.>, 1996. С. 27–30.

⁴ Имеется в виду Михаил Александрович Кузмин (1872–1936).

⁵ Александр Александрович Блок (1880–1921). О его отношениях с Ивановым-Разумником см.: Переписка с Р. В. Ивановым-Разумником / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 366–414.

⁶ Будучи секретарем редакции журнала «Вопросы жизни» (1905), Ремизов вошел в круг литературно-художественного бомонда Петербурга. Вероятно, местом личного знакомства Иванова-Разумника с отдельными литераторами-модернистами была квартира Ремизова, о чем косвенно свидетельствует запись в дневнике М. А. Кузмина от 19 ноября 1908 г.: «Ремизов звал поздно, но все-таки мы там еще застали и Вяч <слава>, еле со мной поздоровавшегося, и Сологуба, и Иванова-Разумника» (Цит. по: *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов и Кузмин: к истории отношений // Вопросы литературы. 1998. № 1. С. 232).

⁷ Первая книга Ремизова (М.: «Золотое Руно», 1907).

⁸ Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924). См.: Переписка с А. М. Ремизовым (1902–1912) / Вступ. ст. и комм. А. В. Лаврова; публ. С. С. Гречишчина, А. В. Лаврова, И. П. Якир // Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 137–217.

⁹ Иванов-Разумник подразумевает здесь В. Брюсова, Ф. Сологуба, К. Бальмонта, Д. Мережковского, З. Гиппиус. См. его статью «О декадентстве в современном русском искусстве», написанную в октябре 1901 г. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 86).

¹⁰ К 1909 г. М. А. Кузмин был автором романа «Крылья» (1906), повести «Приключения Эме Лебефа» и др. прозаических произведений. «Сети. Первая книга стихов» вышла в 1908 г., в Москве, в издательстве «Скорпион».

¹¹ Этот критический отзыв Иванова-Разумника выглядит примечательно на фоне последующих восторженных оценок творчества А. А. Блока. Впрочем, и несколько лет спустя, в статье «Роза и крест» (1913) Иванов-Разумник не изменил своего отношения к «Песне судьбы»: «Тут была им написана “символическая” драма “Песня судьбы”, которую я лучше пройду молчанием» (*Иванов-Разумник*. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С. 23).

¹² Сергей Абрамович Ауслендер (1886–1943) — прозаик, критик; в 1908 г. участвовал в Пушкинском семинарии, руководимом С. А. Венгеровым, в том же году выпустил в Москве первый сборник рассказов «Золотые яблоки».

¹³ Георгий Иванович Чулков (1879–1939) — прозаик, поэт, критик; в 1906–09 гг. вместе с Вяч. Ивановым, А. Блоком и др. в журнале «Золотое руно» и альманахе «Факель» выступил с обоснованием «мистического анархизма».

¹⁴ Имеется в виду восьмая книга стихов Ф. Сологуба (М.: «Золотое Руно», 1908).

9.

16–VI–1909.
Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович,

буду у Вас рано утром 18-го в четверг — этак, примерно, часов в 10–10¹/₂. В тот же день беру и билеты. — Выедем 23-го/VI вечером: до 23-го не могу, дела не пускают, а после 23-го — тоже не могу, т.к. непременно должен вернуться назад к 15-му июля¹.

Итак, до свидания.

Р. Иванов.

¹ С 23 июня по 7 июля 1909 г. Ремизовы и Ивановы путешествовали по Волге на пароходе «Великий кн. Владимир». См.: *Ремизов А. М.* Адреса и маршруты поездок (РНБ. Ф. 634. № 3. Л. 12).

10.

16–VII–1909.
Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович

— мое путешествие окончилось почти одновременно с Вашим: я вернулся в Царское Село к 12-му июля. Путешествие было неудачное: доехали мы с В<арварой> Н<иколаевной> и Левой¹ только до Царицына, а там он заболел довольно сильно дизентерией; пришлось спешно пересаживаться на другой пароход (тот самый «Вел<икий> кн<язь> Владимир», на котором мы так хорошо ехали от Нижнего до Казани) и ехать вверх по Волге, поближе к культурным местам. Болезнь дли-

лась долго; пришлось ехать через Нижний и Москву, чтобы показать его доктору. Впрочем, теперь все благополучно: В<арвара> Н<иколаевна> с Левою сидят во Владим<ирской> губ<ернии>², и он там отдыхает от неудачной поездки. А я с удовольствием вспоминаю только наш путь до Казани.

Теперь сижу в Царском Селе. читаю и пишу всякие скучные вещи. зеваю над корректурами — вообще ушел с головой в будничную работу³. Газеты бросил читать — надоел; только бегло просматриваю их по утрам.

В киевских газетах о Вас ничего не было — если только я не пропустил; а вот в одесских — слышал я, что было что-то⁴. Поищите, ведь Вам теперь до Одессы рукой подать, вероятно есть одесские газеты.

О нашем разговоре в Казани в последнюю ночь — я помню; вчера обедал с «генералом», то бишь с действительным статским советником, начальником отделения какого-то департамента министерства земледелия, неким Д. П. Носовичем⁵. Но оказывается, что его в сентябре переводят в Варшаву, начальником какого-то учреждения. Ведь Вы не поедете в Варшаву? — Есть у меня другие «генералы» и чином близкие к ним; непременно буду вести с ними речь о месте⁶. Думаю, что что-нибудь в конце концов да выйдет.

Пишите мне сюда. Скучно, хоть беги: дачи, парк, шоссе, граммофоны, публика. Я бы теперь с радостью сбежал бы отсюда и засел бы в какой-нибудь непроездный и непролазный Ольховый рог⁷ — в роде того, в каком теперь живет Варв<ара> Ник<олаевна>: глухой сосновый лес, в середине усадьба, ближайшая деревня за 7 верст, ближайший помещик за 20 верст, до станции столько же... Я когда-то прожил там почти три года сряду⁸. Хорошо было!

Привет Серафиме Павловне. Не очень сердится она на меня за неудачную вторую половину Вашего путешествия? Ведь всему причиной Казань, а значит и я.

Пишите.

Р. Иванов.

¹ Лев Разумникович Иванов (1904–1938) — сын Р. В. Иванова и В. Н. Ивановой.

² В лесничестве Новоселки, Юрьев-Польского уезда, Владимирской губернии находилось имение Елены Павловны и Николая Густавовича Оттенбергов — родителей В. Н. Ивановой.

³ Ср.: «Что касается моих занятий, то я занимаюсь по-прежнему; т. к. хочу выпустить к началу сентября все три книги сразу (“Смысл жизни”, “Литер<атура> и общественность”, “Об интеллигенции”), то приходится работать много. Думаю закончить все писание числу к 25–30 августа: шла до 10 сентября провожусь с корректурами». — Из письма Иванова-Разумника к В. Н. Ивановой от 29 июля 1909 г. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 198. Л. 110 об.).

⁴ Подразумевается реакция прессы на обвинение Ремизова в плагиате, которое прозвучало в «Письме в редакцию» газеты «Биржевые ведомости», подписанном псевдонимом Мих. Миров (1909. 16 июня. № 11160. С. 5–6). Это обвинение вызвало волну газетных публикаций, склонявших имя писателя на все лады и спротоцировало серьезные осложнения в его творческой и личной жизни. См.: Киевская мысль. 1909. 19 июня. № 167. С. 2; Одесский листок. 1909. 25 июня. № 144. С. 2 (рубрика «Русская печать»). Подробнее об инциденте см.: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья. подг. текста и прим. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 159–160; 168–170; 204–209.

⁵ Судя по двум сохранившимся письмам Ивапова-Разумника к Дмитрию Павловичу Носовичу, их общение в основном носило литературный характер. Ср.: «Увидимся и поговорим vive voix — о Ремизове и Джемсе. О первом, кстати, должна завтра появиться моя статья в “Речи”»; а о Джемсе сим заявляю, что не согласен с Вашим письмом ни в одном слове. — равно как и о Шестове» (Письмо от 10 октября 1910 г. — РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 524. Л. 3; см. также: п. 5, прим. 1).

⁶ Летом 1909 г. проблема профессионального заработка, всегда острая для Ремизова, стала особенно актуальной. После обвинений в плагиате репутация писателя было сильно поколеблено; ведущие периодические издания перестали печатать его произведения (См.: *Ремизов А.* Встречи. Петербургский бусрак. С. 21–23; о трудностях тех лет см. также: *Ремизов А.* Кукха. Розановы письма. Нью-Йорк, 1978. С. 49). Иванов-Разумник старался деятельно помочь писателю в сложившейся ситуации (См.: п. 9, прим. 2).

⁷ С 9 июля Ремизовы отдыхали в Ольховом Роге, Полтавской губернии, в имении Гриневич (РНБ. Ф. 634. № 3. Л. 12).

⁸ Речь идет о периоде с 1903 по 1906 гг., который Иванов-Разумник провел в имении родителей жены после симферопольской ссылки (См.: прим. 3).

11.

17–X–1909.
Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович,

простите, что не сразу ответил: я вел дипломатические переговоры с М. К. Лемке¹. Я прекрасно понимаю, что 50 р<ублей> за сделанную Вами работу — мало, а потому и говорил Вам об увеличении гонорара до 75 р<ублей>. Но я только — редактор; денежная сторона в руках Лемке, а он на увеличение не согласен (он считает: месяц работы — 50 р<ублей>).

Поэтому предлагаю Вам следующее. Вы получите от Лемке еще работу: составление именного указателя ко всем 3 томам Белинского. Эта работа очень легкая — Вам только надо будет за эти полгода прочесть все статьи Бел<инского> нашего издания, отмечая главнейшие имена. Вы будете получать чистые листы из типографии по мере их

выхода. За эту работу Лемке предлагает 25 р <ублей>. А я со своей стороны уплачу Вам из своего гонорара (который получу в Марте-Апреле) 25 р <ублей>, как дополнительные к тем 50 р <рублям>, которые Вы получите за теперешнюю работу. Но это — секрет от Лемке².

Подходит ли это Вам? Напишите. Во всяком случае, возьметесь Вы или нет за составление указателя, но мои 25 р <ублей> Вам «гарантированы»; таким образом за Вашу корректуру Вы получите 75 р <ублей>.

Кстати: Вы напрасно думаете, что Лемке «не оценил» Вашей работы; он теперь имеет Вас «в виду» на случай подобных же работ. Только платит он не очень щедро.

Пока до свидания; поклон от нас Серафиме Павловне. — Читал я Вашего «Зайчика» в «Р <усской> М <ысли>»³ — и сразу же узнал письмо и реестр из Ваших старых бумаг. Рассказ, по-моему, удачный.

Всяческих благ.

Ваш Р. Иванов.

¹ Михаил Константинович Лемке (1872–1923) — историк, публицист, управляющий типографией и книжным складом в издательстве М. М. Стасюлевича.

² Ср.: «Р. В. Иванов-Разумник, с которым познакомились о ту пору, достал нам работу: сверять Белинского. Но эта работа скоро кончилась» (*Ремизов А. Кукха*. С. 49). В письме к М. К. Лемке от 4 октября 1909 г. Иванов-Разумник сообщал: «Ремизов прекрасно выполнил данную ему кропотливую работу; он будет у Вас в Типогр <афии>, во Вторник, 6/X, около 12½ дня — сдаст законченную работу и возьмет предыдущие годы “От <ечественных> Зап <исок>” — если Вы их приготовите к тому времени» (ИРЛИ. Ф. 661. № 469. Л. 44). В следующем письме от 6 октября, Иванов-Разумник обратился к Лемке с просьбой: «Нельзя ли дать А. М. Ремизову, в счет совершенной работы, рублей 10–15? Он очень в них нуждается и в то же время стесняется их попросить у Вас» (Там же. Л. 45). 17 октября Иванов-Разумник выступил с инициативой передать Ремизову составление именного указателя: «Мы с Вами говорили уже о составлении указателя имен; это будет очень ценно для издания. Т <ак> к <ак> издатель — Вы, а след <овательно> и уплата гонораров — Ваше дело, то сообщите мне: согласны ли Вы поручить составление указателя имен А. М. Ремизову, за сумму 25 р <ублей>? Эту работу он будет делать исподволь, по мере печатанья листов» (Там же. Л. 53). Очевидно, Лемке ответил согласием, поскольку в письме от 26 января 1910 г. Иванов-Разумник передал ему просьбу Ремизова выплатить 25 рублей в виде аванса: «Я со своей стороны уверен, что работу он выполнит до конца и хорошо, и готов быть поручителем — вернуть эти 25 р <ублей> в случае чего» (Там же. № 470. Л. 3). Собрание сочинений В. Г. Белинского в 3-х т. под редакцией Иванова-Разумника вышло в 1911 г. Составитель именного алфавитного указателя (Т. 3. С. 1011–1017) не был назван, но, судя по п. 17, именно Ремизов выполнил эту работу.

³ *Ремизов А. Таинственный зайчик. Рассказ // Русская мысль. 1909. Октябрь. С. 131–137.*

22 августа 1910 г.

Wandrock¹.

Дорогой Алексей Михайлович, — как доехали?² Нат<алья> Вас<ильевна>³ и Елена Павловна⁴ вернулись вчера на наш необитаемый остров и сообщили, что Вы опоздали на 3 ч<аса> 10 м<инут> — так что пришлось ехать на Гельсинфорс. Благополучно ли?

Ваши «Крестовые сестры»⁵ все не идут у меня из головы — пришибли Вы меня ими; давно не приходилось читать ничего подобного. А вот только что пришло мне в голову: заглавие — «Кр<естовые> с<естры>» — хорошее и говорящее; но мне придумалось другое, которое дает повести обобщающий смысл: «Бурков двор», — как Вам покажется? Ведь Бурков двор — это не двор, это даже не Петербург, это чуть ли не вся Россия измученная, страдающая, пьющая настой на навозе и ищущая спасения в «Париже». И ведь дело не в одной Вере-Верочке-Верушке и в их крестовых сестрах, а во всякой изнасилованной душе человеческой — а в таком случае заглавие «Крест<овые> сестр<ы>» является требующим пояснения, <т.> е. что и Маракулин и др. — тоже «крестовые сестры». — Все это, однако, Вам виднее.

Приеду в Питер — еще поговорим. Мы выедем отсюда, вероятно, или 27 авг<уста>, или 1 сент<ября> — пишете в Царское. — После Вашего отъезда у нас один день была буря и дождь, а сегодня опять солнце и жара — так что детвора снова бродит в лесу и по скалам, я снова занимаюсь «дикими работами» — на прощанье с Wandrock'ом.

Серафиме Павловне привет от скал и моря, Вам — от леса и грибов, а обоим Вам вместе — от всего острова Wandrock'a и всех обитателей его. До скорого свидания — обнимаю Вас.

Ваш Р. Иванов.

Р. S. А тринадцать рыжих коров?! — ведь это Вы сами «намычали» их на свою голову! Без них пароход не опоздал бы в Або⁶ к поезду. Вот что значит играть с детьми!

А про «Бурков двор» — подумайте. Быть может, я, впрочем, и вру — и «Кр<естовые> с<естры>» еще ярче и яснее осмысливают все содержание повести.

Р. Иванов.

Поводом для написания этого письма было то, что вчера мы получили письмо на имя Сер<афимы> Павл<овны>; пришлось его распечатать, так как конверт не входил ни в один из наших конвертов; — прилагаю это письмо.

Письма к Шестову и Философову отправлены.

¹ Один из Аландских островов на юго-западе Финляндии.

² Ремизовы отдыхали вместе с Ивановыми на острове Вандрок с 30 июля по 20 августа 1910 г.

³ Наталья Васильевна Оттенберг — первая жена Н. Н. Оттенберга, брата В. Н. Ивановой.

⁴ Елена Павловна Оттенберг — мать В. Н. Ивановой.

⁵ См.: *Ремизов А.* Крестовые сестры // Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». СПб., 1910. Кн. 13. С. 159–297. Впоследствии повесть была включена в т. V «Сочинений» (СПб.: «Шиповник». <1911>); отд. изд.: М., 1918; Берлин–М.–Пг.: изд. 3. И. Гржебина, 1923. О работе над этим произведением летом 1910 года Ремизов сообщал Рязановскому в письме с Вандрока от 9 августа: «И опять пишу Вам <...> в дни моих скорбей — опять я захворал воесю. Сижу я все над “Крестовыми сестрами” — третий месяц идет. Но не от лепости тяну. Вы знаете, третий раз переписываю с отделкою. <...> 10-го меня увез к себе (г. Боровичи, Новгородск<ая> г<уберния>). имение Жданы) Е. В. Аничков <...> У Аничкова сидел я по 18-и часов над повестью моей и очень изморился. <...> с 30 июля здесь на Аландских островах у Иванова Разумника. На этой неделе, в крайнем случае на той — в Петербург» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 31. Л. 11). По-видимому, Ремизов перед отъездом с Вандрока предоставил Иванову-Разумнику возможность ознакомиться с последней редакцией «Крестовых сестер».

⁶ Город на юго-западном побережье Финляндии.

13.

5 сент<ября> 1910.

Ц<арское> С<ело>.

Ремизову Алексею от Иванова Разумника:

Пишет мне Игнат¹: «статья Ваша вполне подойдет для Русск<их> Введом<остей> — Мы можем поместить ее в день выхода книги Шиповника или на другой день»². — А потому, Алексей Михайлович, скорее вышлите мне гранки: у меня 2–3 свободных дня, и я могу теперь приняться вплотную за статью о «Крестовых Сестрах».

Кстати: мне *очень важно* иметь впоследствии *все редакции*³: как бы устроить, чтобы мне получить и исправленные Вами гранки? Нельзя ли будет также сказать Шиповнику⁴, чтобы он вернул после набора рукопись — все равно в каком виде? Устройте все это, земно кланяюсь.

Напишите, как насчет Москвы; боюсь, уже не уехали ли Вы? Пошлю письмо на имя Серафимы Павловны — только что получил с Wandrock'a.

Всего лучшего; привет от Варвары Николаевны (Няню нашла!)⁵ Фотографии ждут Вас. Крепко жму руку.

Ваш Р. Иванов.

Р. С. Если не поздно, хочу сказать Вам одно (не помню, говорил ли?): смерть генеральши Холмогоровой у Вас вышла в тонах *кошмара маракулинского*. Вряд ли это было в Ваших целях; да и весь этот эпизод был скомкан — а между тем генеральша эта для Маракулина — не кто-нибудь⁶. Вы говорили, что сокращаете 4–6 главы; не чувствуется ли Вам, что *это* место надо, напротив, удлинить? Впрочем, Вам виднее.

Р. И <ванов>.

¹ Илья Николаевич Игнатов (1858–1921) — журналист, публицист, литературный критик, сотрудник редакции газеты «Русские ведомости».

² Иванов-Разумник приводит слова из письма Игнатова от 3 сентября 1910 года (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 276). Статья, посвященная «Крестовым сестрам», вышла под названием «Бурков двор» (Русские ведомости. 1910. № 213. 17 сентября. С. 2–3); дата ее публикации соответствовала дню появления повести. В письме к И. А. Рязановскому Ремизов сообщал 18 сентября 1910 г.: «Перед отъездом в Москву кончил “Крестовые Сестры” и устроил их в Шиповник. Вчера вышел XIII (13) альманах, в котором он напечатан» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 31. Л. 12).

³ В составе архива Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79) находятся две рукописи «Крестовых сестер»: одна была написана в именн. Ждань (См.: п. 12. прим. 5), другая — на Вандроке. По воспоминаниям Ремизова «Крестовые сестры» оттачивались пятью редакциями; «последнюю прочел Иванов-Разумник» (Встречи. Петербургский буерак. С. 31).

⁴ Вероятно, Соломон Юльевич Копельман (1881–1944) — совладелец (вместе с З. И. Гржебиным) издательства «Шиповник».

⁵ Очевидно, речь идет о няне для дочери Ивановых — Ирины (1908–1996).

⁶ Ср. с рассуждениями Л. Шестова о философском значении образа генеральши Холмогоровой из его письма к Ремизову от 8 декабря 1910 г.: «О “Крест<овых> Сестрах” скажу тебе, что почти присоединяюсь к мнению Иванова-Разумника. Они, несомненно, удалсь тебе. Очень сильно задуманы и местами, хотя не везде ровно, мысль так же сильно выражена. <...> невыгодное впечатление производят два обстоятельства: во 1^х генеральша, а во 2^х смещение стилей. Правда, большой публике генеральша, вероятно, понравится. Поймут, как протест против паразитизма высших классов общества. И, собственно говоря, я против такого протеста ничего не имею — мне кажется только, что именно в “Крестовых Сестрах” он неуместен. Ведь задумана-то повесть *Sub specie aeternitatis*. а тут генеральша, даже если бы ее вдвое от здоровья распырало бы, такое же слабое и немощное существо, как и все попираемые Верочки. Ты не должен был бы давать своим читателям такого исхода для накопившегося в них сомнения. А то генеральша у тебя вроде предохранительного клапана, чтобы взрыву не было. Как же, чтобы не было взрыву, не было вся-то вещь для взрыва написана? Генеральша делает “Кр<естовых> Сест<ер>” понятными. а разве они должны быть понятными? <...> Ибо, как ты говоришь, здесь все да жизнь наряду со смертью. Другой не разберет может, что я говорю — но тебе объяснять, верно, больше не нужно» (Русская литература. 1992. № 4. С. 93–94).

13–IX–1910.
Царское Село.

Сегодня буду браниться с Вами, Алексей Михайлович: ну что это Вы со мной делаете? Мало того, что Ваши «Шиповники» будь они неладны, не прислали мне корректурных листов «Крестовых сестер», о чем я их просил; мало того, что статью свою я должен был поэтому написать по памяти (и перепутал, вероятно, не мало), — а тут еще получаю от Вас вырезки из «Утра России», где встречаю свою фамилию¹. Зарезали Вы меня этим: теперь статью мою мне в пору хоть назад требовать из «Русск<их> Ведомостей»; так это не во время вышло! А ведь как я Вас всегда просил-молил: не поминайте Вы, Бога ради, имени моего в своих беседах с газетными репортерами! Терпеть не могу читать в газетах не о своих книгах, а о себе самом; а тут еще про Ремизова в семье Иванова-Разумника — как раз в то время, когда Иванов-Разумник пишет о вещи Ремизова, написанной в семье Иванова-Разумника... Ну, как же мне не сердиться? И почему Вы не могли рассказать про Вандрок, умолчав обо мне? — Если обещаете впредь со мною так не поступать, то уж так и быть, перестану браниться. А все-таки — подвели Вы меня.

Сильно рад, что Вам лучше. Когда приедете — черкните; когда переедете — тоже; да не забудьте сообщить новый свой адрес². Поклон от Варв<ары> Ник<олаевны>; привет Серафиме Павловне.

Ваш Р. Иванов.

Р. С. А корректурные листы «Крест<овых> сест<ер>» все-таки поскорее пришлите: они мне еще понадобятся в ближайшие дни.

Р. Ив<анов>.

¹ В анонимной заметке, составленной, по-видимому, со слов Ремизова, сообщалось: «А. М. Ремизов, проведя некоторое время в течение этого лета в Финляндии, поселился на небольшом пустынном острове Вандрок (в группе Аландских островов) в нанятом доме, в семействе Г. Иванова-Разумника. Остров совершенно безлюдный, жителей — один рыбак. Густой лес, скалы и песок. Много грибов и брусники и... ни следа цивилизации. Нет ни почты, ни лавок, ни аптеки, ни врачей. Провизию добывали с мимо идущих пароходов. За лето А. М. Ремизов написал большую повесть “Крестовые сестры”, которая пойдет в ближайшем альманахе “Шиповника”» (Утро России. 1910. № 242. 5 сентября. С. 4).

² 18 сентября 1910 г. в письме к Рязановскому Ремизов сообщал: «Со вторника адрес мой: Таврическая Зв, кв. 23 (д. Хренова)» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 31. Л. 12).

23-IX-1910.
Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович,

переехали ли уже Вы? Думаю, что да, а потому и пишу Вам; адрес не твердо знаю.

Ну, кончил я писать о Вас — хотя и не использовал всего материала. Сперва написал небольшую заметку (строк так на 200) в «Киевские Вести»; если интересно — пришло Вам (напечатана в № 253, от 21 сент<ября>)¹. Днем-двумя раньше, а может быть и в тот же день, еще не знаю, напечатали «Русск<ие> Вед<омости>» мою большую статью о «Кр<естовых> с<естрах>»; ее пришло Вам на днях. Наконец, вчера отослал в «Речь» самую большую статью вообще о А. Ремизове; когда напечатают — не знаю². У них там уже давно лежит статья Шестова о Джемсе³.

А по поводу «Кр<естовых> с<естер>» я еще с Вами говорить буду. Я их еще раз перечитал, вместе с рукописными редакциями; есть два-три возражения, о которых я не говорил в статьях. Кстати, во 2-ой редакции встретил я знакомых: «Ломоносова из немцев»⁴ и какой-то учитель, вылитый В. В.⁵ Хорошо, что Ломоносова зачеркнули — а то Лемке прямо бы съел меня живьем!

Теперь вот что: немедленно по получении этого моего письма, садитесь к столу и черкайте* мне ответ на следующий вопрос: пойдете Вы в Субботу в «Шиповник» слушать «Океан»⁶? Я получил от них официальное приглашение⁷ — и пошел бы, если бы была у меня там хоть одна душа живая знакомой. Пойдемте, а? Если да, то в Субботу я зайду к Вам вечером часов в 8–9, а потом вместе поедем. От «Океана» я многого не жду, если ошибаюсь — тем приятнее, если нет — уедем незаметно хоть в начале. — Если Вы официального приглашения не получали — ничего: ведь Вы у них *persona grata***⁸, а я — незнакомец.

Привет Серафиме Павловне; поклон от Варвары Николаевны. Когда же к нам в Царское Село?

Ваш Р. Иванов.

¹ В статье, вышедшей под заголовком «“Крестовые сестры”». Статья Иванова-Разумника» и подписанной: «Иванов-Разумник. Август 1910 г. Wandrock», говорилось, что новая повесть Алексея Ремизова «должна быть признана одним из самых выдающихся произведений последнего времени» (Киевские вести. 1910. 21 сентября. № 253. С. 2).

* В первом слого над буквой «е» Ивановым-Разумником приписано «и?».

** желательная персона (лат.)

² Имеется в виду статья «Между “Святой Русью” и обезьяной (Творчество Алексея Ремизова)» (Речь. 1910. № 279. 11 октября. С. 2–3).

³ Американский философ, представитель прагматизма Уильям Джемс (1842–1910) скончался 26 августа. См.: *Шестов Л.* Логика религиозного творчества (Памяти Виллиама Джемса) // Речь. 1910. № 298. 30 октября. С. 3; № 300. 1 ноября. С. 3; а также: *Шестов Л.* Собр. соч. Т. VI. Великие кануны. СПб.: Шиповник, 1910. С. 291–314.

⁴ В ранней редакции «Крестовых сестер», над которой Ремизов работал в июле 1910 г. в имени Ждань (см.: п.12, прим. 5), в значительной степени были усилены автобиографические мотивы в построении образа главного героя, благодаря детальному описанию реальной жизненной ситуации писателя. Так, во фрагменте, впоследствии не вошедшем в основной текст, фигурирует персонаж, прототипом которого послужил М. К. Лемке (См.: п. 9., прим. 1): «У Маракулина после летней удачи с перепискою опять ничего не было. Случилось в это время в Петербурге перепись автомобилей, велосипедов и собак. <...> И с неделю ходил он по всяким бурковым и бельгийским дворам собак считал и что-то рублей семь получил <...> После собак Маракулин уж составлял каталог детских книг и, с детьми покончив, за какой-то именной указатель принялся. причем в первый раз увидел и, должно быть, немаловажное, лицо в книжном деле, по фамилии в роде Ломоносов, из немцев. Этот Ломоносов, сделав указания для указателя и, предложив гроши, дружески распростился с Маракулиным: — Восемь часов работать, восемь часов отдыхать, восемь часов спать — дружески сказал Ломоносов из немцев и чем-то напомнил Маракулину того московского претава, который после одного несчастного столкновения, препровождая Маракулина с городским участком, не менее дружески распростился: — Почетный гражданин Маракулин, пожалуйста в участок, — дружески сказал тогда пристав, ну ей Богу, совсем, как теперь этот Ломоносов о восьми часах» (ИРЛИ. Ф. 79. Неразобранная часть архива).

⁵ Подразумевается «старый русский литератор» Лымарев — персонаж из шестой главы ранней редакции, не сохраненный в каноническом тексте «Крестовых сестер» (ИРЛИ. Ф. 79. Неразобранная часть архива). По-видимому, повышенное внимание этого героя к вопросам семьи, деторождения и пола вызвало у Иванова-Разумника ассоциацию, связанную с интересами и особенностями характера В. В. Розанова. Ср.: «Душа и пол <...> для него идентичны, тождественны; и именно исходя из “пола” входит В. Розанов в Душу Мира, подходит к Великому Пану, Великому Целому. П о л для В. Розанова — это все, то Рāп, всеобщий синтез» (*Иванов-Разумник*. Т. II. Творчество и критика. СПб.: «Прометей», <1911>).

⁶ См.: *Андреев Л.* Океан. Трагедия в 7 картинах. СПб.: «Прометей», <1911>. Подробнее о вечере см.: *Иванова Л. Н.* К биографии Л. Н. Андреева (по материалам коллекции Ф. Ф. Фидлера) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1998. С. 42–51.

⁷ См.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 220. Л. 8.

26–IX–1910.

Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Алексей Михайлович, посылаю Вам гранки со статьей Пришвина¹. Да где он сам, кстати? Когда увидите его — поклонитесь от меня и скажите, что сильно мне понравился этот его рассказ (— положим не рассказ, а что-то «путевое» — и очень «путёвое», пусть извинит за неудачный каламбур). А еще скажите, что очень рад был бы его у себя повидать, а если он ждет моего посещения — то и к нему заехать, когда сообщит адрес. И, наконец, — что-мол не забыл ли он своего обещания прислать мне свою первую книгу («В стране непуганных птиц»)². Вот, значит, Вам поручения.

От «Океана» ушел я вчера на середине третьей картины³. Совсем чужда мне эта вещь, — хотя, по-видимому, «сценична» и может иметь успех на сцене. Язык — невозможный, с самого же начала: все эти «безграничные просторы», «мглыстые сумерки» и не помню еще что — прямо оскорбляют слух; хорошо когда-то писал Мережковский обо всех этих «валерьяновых каплях» в творчестве Андреева⁴. А большой талант и настоящий русский, дубовый: тят да ляп — и вышел корабль Хаггарта⁵. Не понравилось.

Разговаривал вчера с Венгеровым — сами слышали, как он отозвался о «Кр<естовых> с<естрах>». Уж если такие старозаветные люди восчувствовали — это много значит. Расскажите-ка теперь Вы мне, что Вы слышали вчера и от кого о своей повести? С Андреевым не говорили?⁶

Курьезный диалог произошел вчера у меня с Сологубом. Я его не сразу узнал (не привык видеть бритого) и сказал ему об этом. Он иронически ответил мне, что-де и я тоже со времени нашей последней встречи лишился бороды и добавил: «ну что же, теперь нам полагается сказать друг другу: как вы помолодели!» — А меня какой-то мелкий бесенок дернул ответить ему: «нет, не стоит — я и без того чувствую себя молодым...» Он отошел с кислым видом, а я ей-же-ей не хотел обидеть старичка: просто не нравится он мне в своем новом виде, да и только⁷.

Сегодня прочел фельетон Чуковского о Вас. Пошло, поехало! — началась «неделя о Ремизове». Чуковский, конечно, по обыкновению своему вытянул щипцами ту черту «страха», которая действительно есть в творчестве Алексея Ремизова; он как бы — смотрит во все глаза на попавшееся ему красное пятно и прет напролом, не замечая ничего ни справа, ни слева. Если бы я вздумал писать статью о самом Чуковском, то назвал бы ее «Талантливая ограниченность»: он не без талан-

та, но очень ограничен. Сколько вздору наговорил он сегодня, например, что Ремизов *ненавидит* Маракулина *до* его злоключений! Да и вообще много другого — писать об этом не стоит. Апология Холмогоровой — вся его статья⁸.

Я сегодня сделал себе праздник, — отдыхаю, читаю, пишу письма; оттого и Вам написалось такое большое. Черкните о своих вчерашних впечатлениях. Кланяйтесь Серафиме Павловне; обнимаю Вас; до свидания

Ваш Р. Иванов.

¹ Речь идет о рассказе Михаила Михайловича Пришвина (1873–1954) «Черный араб. Степные эскизы» (Русская мысль. 1910. № 11. С. 89–118). Вычитанную корректуру рассказа 1 октября 1910 г. Ремизов отослал в «Русскую мысль» В. Я. Брюсову. Подробнее см.: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 173–174.

² *Пришвин М. М.* В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края. СПб: изд. А. Ф. Девриена, 1907.

³ Публичное чтение пьесы, которое состоялось 25 сентября, освещалось рядом газет. В заметке «Андреевский “Океан”» (Утро России. 1910. 24 сентября. № 256. С. 2) подробно пересказывалось содержание пьесы. Отчет «Чтение “Океана”» появился в «Утре России» спустя два дня (26 сентября. № 258. С. 3): «Вчера вечером в помещении редакции книгоиздательства “Шиповник” состоялось чтение новой пьесы Л. Андреева “Океан”. Собралось около 100 представителей петербургского литературного, артистического и художественного мира, в том числе сам Л. Андреев, Ф. Сологуб, Н. Морозов, И. Репин, Тан, Ремизов, художник Добужинский и др. Пьесу читал артист Александринского театра Ходотов. Несмотря на то, что присутствующие условились не выражать ни одобрения, ни порицания, после каждого перерыва в чтении раздавались шумные аплодисменты. После окончания пьесы на особом листе желающим было предложено охарактеризовать пьесу в нескольких словах. Сам Андреев написал следующее: “Сегодня в первый раз слушал “Океан”, Звучит странно, как мое: печаль моя. Леонид Андреев”. Николай Морозов охарактеризовал “Океан” двумя словами: “вперед”, “ввысь”. Поздно ночью начались прения». Газета «Речь» сообщила, что в прениях «под председательством С. А. Венгерова выступали Арабажин, Боцяновский, Морозов, Рейсер» (*Любош С.* На чтении «Океана» // Речь. 1910. 27 сентября. № 265. С. 3). См. также: *В-н О.* «Океан». Новая пьеса Л. Андреева // Речь. 1910. 25 сентября. № 263. С. 3; *Чуковский К.* Устрицы и океан // Речь. 1910. 20 марта. № 77. С. 3; *Игнатов И.* Литературные отголоски («Океан» Леонида Андреева) // Русские ведомости. 1911. 23 марта. № 67. С. 3; *Безобразов П.* Океан слов // Одесский листок. 1911. 12 мая. № 108. С. 1. Среди приглашенных на чтение был и Ремизов, о чем он позже вспоминал: «В 1910 в альманахе “Шиповник” № 13 появились “Крестовые сестры”. По случаю выхода альманаха вечер в “Шиповнике”. Меня пригласили. Народу набито. Актер Ходотов читает новую пьесу Леонида Андреева “Океан”. Я в другой комнате. Чтенье томительно, Ходотов хочет передать Океан в тихую погоду — акт — ни автор, ни Ходотов не жили на океане. Ходотов читал час» (*Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С. 35).

⁴ Характеризуя литературный стиль Леонида Николаевича Андреева (1871–1919), Мережковский назвал его «красноречием дурного вкуса»: «Для моего человеческого носа тут запах валерьяны слишком чувствителен. И где бы я ни открыл книгу <Андреева — Е. О. и В. Б.>, мелькают все те же цветы красноречия, подобные цветам провинциальных обоев. Не живые сочетания, а мертвая пыль слов, книжный сор. Слова, налитые не огнем и кровью, а типографскими чернилами» (*Мережковский Д.* В обезьяньих лапах. О Леониде Андрееве // *Русская мысль.* 1908. Январь. С. 76).

⁵ Главный герой трагедии «Океан», корсар.

⁶ Суждения Л. Андреева в свое время решающим образом повлияли на творческую судьбу Ремизова. Именно благодаря Андрееву 8 сентября 1902 г. в газете «Курьер» состоялась его первая публикация («Плач девушки перед замужеством» под псевд. Николай Молдаванов). В письме к П. Е. Щеголеву 11 ноября 1902 г. Ремизов так описывал свое знакомство с уже известным писателем: «Сегодня был у Андреева: в блузе, черных шароварах и лакированных сапогах, подвижный, с чистым выговором <...> Принял очень приветливо» (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479–1610. Л. 18). Хотя к 1910 г. Андреев относился к творчеству Ремизова сдержанно (*Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С. 37–38), сам факт публикации «Крестовых сестер» в Альманахе «Шиповник» в немалой степени был определен его авторитетным мнением (Там же. С. 33–34). О разговоре с Андреевым на чтении «Океана» Ремизов вспоминал: «Леонид Андреев подал мне руку. — Читал, — задумчиво выговорилось и скорбью наполнил взгляд. — Что-то у вас там... Мне послышалось “магия”» (Там же. С. 35).

⁷ Федор Сологуб (наст. имя Федор Кузьмич Тетерников; 1863–1927). Ср.: «Женившись и обрившись, Сологуб разучился по-сологубовски любить Смерть и ненавидеть Жизнь» (*Блок А.* Собр. соч. в 8 т. Т. 7. М., 1963. С. 185; запись от 27 ноября 1912 г.).

⁸ Корней Чуковский (наст. имя Николай Васильевич Корнейчуков; 1882–1969) в статье «Для чего мы живем» (Речь. 1910. 26 сентября. № 264. С. 3) назвал главной движущей силой психологии и мировоззрения героев повести «Крестовые сестры» — страх: «Мы думали, Ремизов просто запуганный человек, любящий пугать и пугаться, а он оказывается, апологет, проповедник страха, он верует в страх, как в лекарство, как в чудодейственное средство для выправления, выпрямления человеческих душ». Принимая глубинную экзистенциальную тему повести за экзальтацию, Чуковский осознанно упростил мотивы поведения ее героев. Иванов-Разумник посчитал, будто образ генеральши Холмогоровой, воплощавший в «Крестовых сестрах» самодовольную и тупую сытость, получил в критической статье житейское оправдание. Примечательно, что спустя 34 года, в письме к А. Л. Бему (от 3 октября 1944 г.) Иванов-Разумник упомянет героиню «Крестовых сестер» не без легкой иронии и вполне в позитивном контексте: «Как здоровье Ваше? Полагаю, что у нас у всех теперь физическое состояние во многом зависит от душевного, если не от духовного. Нервы у всех напряжены до отказа, — о каком же тут здоровье можно говорить! Но тем более не надо запускать и физической стороны; всегда завидовал генеральше Холмогоровой (из “Крестовых сестер”) за ее непреоборимую способность есть, пить и закаляться» (Прага. Литературный архив Музея национальной литературы. Фонд А. Л. Бема).

10-X-1910.

Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Алексей Михайлович,

я, вероятно, еще не скоро буду в Петербурге; поэтому отправьте, пожалуйста, «Указатель»¹ в типографию, к Лемке (Васильев<ский> Остр<ов>, 5 лин<ия>, д. 28). Отправьте с посылным, <за> мой счет, NB — хорошо заметьте № посылного. Лучше бы, конечно, самому отвезти, да мне времени нет, а Вас совестно об этом просить. Ну да ведь и с посылным не пропадет.

Получил я сегодня письмо от Шестова: о нем в следующий раз. Черкните мне о своих впечатлениях и встречах <в> Интермедий² и Философско-Религиозном Обществе³.

Просьба к Вам — сделайте мне еще подарок: исправленные оригиналы повестей, которые сдаете в «Шиповник»⁴. Ведь из типографии возвращают текст? А мне очень пригодится со временем.

Серафиме Павловне кланяюсь.

Ваш Р. Иванов.

P. S. Напишите, что было после моего ухода в «Шиповнике»? Я сильно боялся потом, чтобы без меня они снова не пошли на попятный⁵.

¹ См.: п. 9, прим. 2.

² Имеется в виду театр-кабаре «Дом Интермедий» (Галерная ул., 33), который для его организатора В. Э. Мейерхольда был продолжением театра «Лукоморье» (См.: п. 5, прим. 7; подробнее см.: *Тихвинская Л. И.* Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. С. 37–47; 69–86). Открытие «Дома Интермедий» было намечено на 10 октября 1910 г., а затем перенесено на 12 октября. В этой связи газета «Речь» сообщала: «Зрительный зал вполне приспособлен к оригинальным постановкам этого театра. Места для публики не отделены от сцены, и представление будет происходить на подмостках, являющихся продолжением зрительного зала. Для открытия идет “Пролог” М. А. Кузмина и “Шарф Коломбины” А. Шницлера. Предназначена также к постановке пьеса Гуго Гофмансталя “Белый верер”» (1910. 10 октября. № 278. С. 4). На представлении 12 октября была сыграна пантомима А. Шницлера.

³ 13 октября 1910 г. на очередном заседании Санкт-Петербургского религиозно-философского общества был заслушан доклад Д. В. Философова «Желательна ли анкета по религиозному вопросу?». См.: *Каблуков С. П.* Дневник 1910 г. (16 августа — 31 октября) // РНБ. Ф. 322. № 11. Л. 139; а также: *Н. О.* В религиозно-философском обществе // Речь. 1910. 16 октября. № 284. С. 6.

⁴ Речь идет о рукописях, предназначенных для собрания сочинений А. М. Ремизова. В необработанной части архива Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79) находятся наборные рукописи трех первых томов, выпущенных «Шиповником» в апреле 1910 и в августе 1911 г. г., наборная руко-

пись тома «Сказки», обозначенная как т. IV (был издан в 1911 г. как т. VI), а также наборная рукопись восьмого тома «Русальные действия», вышедшего уже в издательстве «Сирин» в 1912 году.

⁵ Иванов-Разумник неоднократно ходатайствовал за Ремизова в издательстве «Шиповник», в частности, об издании собрания сочинений писателя. 10 октября 1910 г. Ремизов подписал договор с главой издательства «Шиповник» С. Ю. Копельманом, согласно условиям которого писатель обязался до 1 января 1918 г. «не печатать ни где и не под каким видом, помимо “Шиповника” своих книг и не приступать к полному собранию своих сочинений» (РНБ. Ф. 634. № 129. Л. 9).

18.

15 апр<еля> 1911.

Ц<арское> С<ло>.

Ведь вот какая история вышла, дорогой Алексей Михайлович: я сообщаю Вам, что гонорар из «Русск<их> Вед<омостей>» Вы получите на днях, а Вы хотите получить обратно «Рождество»¹. — Конечно, взять следует — по причинам экономическим; но тут уж Вы действуйте сами: мне неловко перед Игнатовым. Советую сделать так: завтра Вы получите из «Р<усских> В<едомостей>» сто рублей, завтра же и отошлите их *Илье Николаевичу Игнатову* (Москва, Чернышевский пер., д. 7; редакция «Русских Ведомостей»), а на обороте перевода напишите пару строк благодарственных, пару строк извинительных, и третью пару строк — просительных... Так мол и так — нужна рукопись обратно, а я-де пришлю Вам к декабрю другую вещь, тоже-де очень хорошую... Выйдет и им приятно, и Вам необходимо.

Только что получил Вашу телеграмму и уже ответил на нее. Простудились слегка, сидим дома, никуда не выезжаем. А что у Вас сегодня такое? Гости, чтение, дела? Если что-нибудь важное и спешное — о Наташе², например, — то приезжайте к нам поскорее. Я до среды (20-го) не буду в Петербурге, а в Среду зайду к Вам как всегда — около 12 ч<асов>, если Вы и Серафима Павловна не соберетесь к нам до того.

От Пришвина только что получил вырезку из газеты «Колокол», где какой-то поп, подписавшийся «мирянном», бранит его и меня сквернейшими словами. Поп глупый, а стильно написано³.

Ну так черкните, если что важное. До свидания в Царском или Петербурге. Варвара Николаевна кланяется.

Ваш Р. Иванов.

¹ Рассказ Ремизова «Рождество Христово. Отреченная повесть», отвергнутый в январе 1911 г. журналом «Русская мысль», был послан в газету «Русские ведомости», где его приняли для рождественского номера. Такое решение редакции вызвало желание автора найти более скорый и выгодный вариант публикации (См.: Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. С. 210–211; Переписка с П. Б. Струве // Там же. С. 312, 315; Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 181). Рассказ, тем не менее, увидел свет в рождественском номере «Русских ведомостей» (1911. 25 декабря. № 297. С. 2).

² Наталья Алексеевна Ремизова (1904–1943) — дочь Ремизовых. Почти все детские годы прожила в имении родителей С.П. Ремизовой-Довгелло в Берестовце (См. о ней: *Резникова Н. В.* Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 44–59; *Бунич-Ремизов Б. Б.* Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 267–272).

³ Публицист и литературный критик Н. А. Энгельгардт в цикле статей «Боги зеленые», опубликованных в разделе «Отклики» под псевдонимом *Мирянин* (Колокол. 1911. 13 февраля. № 1466; 17 февраля. № 1469; 27 февраля. № 1477; 3 марта. № 1480), обрушился с черносотенной критикой в адрес «либералов и радикалов, кадетов и кадетоидов и всего жидо-польско-армянско-чухонского кагала», а также «жидовствующих разумников из “Речи”», проповедующих антихристианство. Вероятно, Пришвин прислал Иванову-Разумнику первую статью из этого цикла, обличающую «грязные, ужасающие кощунства из фельетона “писателя” г. Иванова-Разумника “Великий Пан” в “Речи”». Здесь, в частности, утверждалось: «Ясно теперь, кого провозглашают, кого проповедуют всякие Безумники Разумники! Их “светлый”, “зеленый” их “великий пан”, что “светло и радостно” провозглашает “ни в чем греха нет”, очевидно есть антихрист. Ясно это и из того, что христианство нашими хулителями народной веры обозначается как “противоположное мировоззрение”» (№ 1466. С. 1).

19.

17 апреля 1911.

Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Алексей Михайлович,

буду у Вас в Среду — около 11 — 1 ч<аса> дня. А пока имею к Вам следующее дело:

Была у меня сегодня известная Вам д<окто>р Гедройц¹. Узнав, что Вы едете «покорять сердце Европы за полтора рубля с огурцами»² (завидую я Вам и очень рад за Вас, что попадете Вы в Париж) — она *советует* Вам и *предлагает* Вам следующее:

Непременно быть у проф<ессора> Ру (в Лозанне*), главного специалиста по хирургическому лечению болезней желудка³. Она даст Вам письмо к Ру, и визит к нему Вам будет стоить 5 франков. Если Ру

---

* Сверху Ивановым-Разумником приписано: *кажется*.

найдет (что почти несомненно), что никакого хирургического вмешательства не надо, то она направит Вас к проф. Бурже — в той же Лозанне. К этому Бурже она тоже даст Вам письмо. Бурже — специалист по желудочным болезням и, по ее словам (кое-что я слышал и раньше) — величайший европейский авторитет в этой области.

Если желаете получить от Гедройц эти письма, то или немедленно телеграфируйте мне: «жду писем», или поговорите по телефону с самой Гедройц. Для этого потребуйте соединения с Царским Селом, с квартирой доктора Гедройц. — Лучше — телеграфируйте мне; тогда я в Среду привезу Вам и рекомендательные письма и словесные указания. Советую воспользоваться случаем.

Ну, до свидания, счастливые люди. Эх, как бы мы с Варв<арой> Ник<олаевной> хотели присоединиться к Вашей поездке, побывать в Париже, Швейцарии, Италии! Авось еще когда-нибудь вместе поедем.

Пока — до свидания — до Среды.

Ваш Р. Иванов.

¹ Вера Игнатьевна Гедройц (лит. псевд. Сергей Гедройц; 1876–1932) — поэтесса, прозаик, врач; с 1909 г. ординатор Царскосельского дворцового госпиталя. О ее встречах с Ивановым-Разумником см.: Новое о Сергее Гедройц / Предисл., публ. и комм. А. Г. Меца // Лица. Биографический альманах. 1. М.–СПб., 1992. С. 291–316.

² Ср. с репликой Маракулина из последней главы «Крестовых сестер»: «Петр Алексеевич, — сказал он, обращаясь к памятнику. — Ваше императорское величество, русский народ настой из лошадиного навоза пьет и покоряет сердце Европы за полтора рубля с огурцами. Больше я ничего не имею сказать!».

³ Цезарь Ру (1857–1934) — профессор кафедры оперативной хирургии в Лозанне, Швейцария. После окончания в 1898 г. медицинского факультета Лозаннского университета В. Н. Гедройц работала ассистентом в клинике проф. Ру.

20.

2/15 мая 1911.

Дорогой Алексей Михайлович,

сижу за Вашим столом и пишу на Вашей бумаге¹. Сегодня я первый раз собрался к Вам, по пути в пыпинский архив². Все у Вас благополучно; куча газет, штук 5 писем, которые я возьму с собою и завтра перешлю Вам заказным пакетом.

Письмо Ваше получил. Поступаете Вы правильно: раз попали в Париж, то надо исчерпать его до дна — когда еще придется быть там вторично. Значит никакая Волга Вам теперь не нужна; а мы взяли дачу в Териоках — большую, хорошую, в большом сосновом лесу и в пяти минутах от моря. Когда вернетесь в Питер, то приедете погос-

тить к нам, как в прошлом году на Вандрок. Только уж это, разумеется, будет не то: дачное место, а не наш дикий и милый робиноновский остров. — Впрочем, будем иметь собственную лодку и купальню — это к сведению Серафимы Павловны. Переедем в Терноки между 10 и 15 мая; адрес тогда сообщу.

Дела Ваши выполнил с небольшим запозданием. «Георгия»³ мог отдать переписывать только 23 апр<еля>, и перепищица немного затянула дело: только завтра кончит и отошлет Сенилову⁴ списанное, а мне — оригинал. Я перечту его и тотчас же отошлю к Брюсову, вместе с Вашим письмом⁵.

Анне Марковне⁶ пишу о даче.

Ваша Броня⁷ спрашивала меня сегодня о дне Вашего приезда; я отозвался незнанием, т.к. во-первых, действительно не знаю, а во-вторых, известите ее об этом сами, или дайте мне полномочия.

Кстати: перевода из *Русск<их> Вед<омостей> пет.* Вы им писали что-нибудь? Если нет, и если деньги Вам нужны, то черкните мне — я сейчас же напишу Игнатову, и деньги немедленно будут высланы Вам в Париж.

Пока до свидания. У нас в семье время после Вашего отъезда было не веселое. Лева заболел корью и наделал нам много хлопот. Теперь поправляется.

Всего лучшего. Привет от Варв<ары> Нпк<олаевны> и меня Серафиме Павловне. Кланяйтесь Парижу.

Ваш Р. Иванов.

¹ Во время путешествия Ремизовых Иванов-Разумник присматривал за их квартирой.

² Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) — автор 1200 работ по истории древней и новой литературы, палеографии, фольклору; специалист по истории русской общественной мысли. Во время подготовки книги «Белинский, его жизнь и переписка» собрал значительное количество материалов (автографы и копии писем, рукописи), относящихся к творческой биографии критика (См.: *Ухмылова Т.* Материалы о Белинском из архива А. Н. Пыпина // Литературное наследство. Т. 57. В. Г. Белинский. Кн. 3. М., 1951. С. 303 — 319). После смерти ученого архив хранился у наследников, в частности, у его дочери — В. А. Пыпиной, мужем которой был коллега и продолжатель научных изысканий А. Н. Пыпина — Е. А. Ляцкий. Иванов-Разумник в письме от 31 января 1911 г. обратился к Ляцкому с просьбой: «Вот уже два года, как я занимаюсь внимательным изучением Белинского; первым результатом этих занятий явилось вышедшее недавно собрание сочинений Белинского с моими статьями, заметками и примечаниями. — Продолжая эти занятия, встретился с необходимостью обратиться к подлинной переписке Белинского — особенно его письмам к Боткину. Не будете ли Вы так любезны сообщить

мне — имеются ли в архиве покойного А. Н. Пыпина подлинники этих писем или хотя бы полные копии их? — Во втором редактированном Вами издании книги А. Н. Пыпина о Белинском — был целый ряд дополнений в этих письмах: быть может остались еще и неопубликованные дополнения? <...> был бы Вам очень обязан, если бы Вы <...> сообщили мне — могу ли я надеяться найти в архиве А. Н. Пыпина нужные материалы? И вообще — разрешат ли владельцы архива мне ознакомиться с той частью этого архива, которая имеет отношение к Белинскому?» (ИРЛП. Ф. 163. Оп. 2. № 211. Л. 5–6). В течение весны 1911 г. Иванов-Разумник периодически работал с материалами пыпинского архива. В самом начале 1912 г. он писал Ляцкому: «<...> только теперь могу послать Вам мои новые книги — и особенно одну из них (“Великие искания”), в предисловии к которой Вы найдете печатно выраженную ту благодарность, которую я еще весной лично просил Вас передать наследникам А. Н. Пыпина. — Думаю, что эта моя книжка о Белинском не только не может повредить, но наоборот усилит интерес читателей к опубликованно полностью писем Белинского» (Там же. Л. 14). «Великие искания» составили т. III Соч. Иванова-Разумника (СПб.: «Прометей», <1911>). В предисловии к книге, датированном октябрем 1911 г., автор писал: «Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность наследникам А. Н. Пыпина, любезно разрешившим мне изучить неизданные еще письма Белинского, собранные покойным академиком и хранящихся в его архиве. Нельзя не пожелать, чтобы собрание этих писем возможно скорее было издано полностью; только тогда великие искания Белинского станут во всю величину перед читателями» (Там же. С. 2). См. также рецензию Иванова-Разумника «Письма Белинского» на 3-х томное издание писем В. Г. Белинского под ред. Е. А. Ляцкого (СПб., 1913): Заветы. 1913. Отд. II. С. 184–186.

³ Речь идет о драматическом произведении «Действо о Георгии Храбром», которое впервые было опубликовано в конце 1911 г. в «Литературном альманахе» (СПб.: Изд. журнала «Аполлон», 1912. С. 117–162); затем, включенное в т. 8 «Сочинений» Ремизова (СПб.: «Сирин»), вышло в свет в октябре 1912 г.

⁴ Владимир Алексеевич Сенилов (1875–1918) — композитор, автор не получившей сценического воплощения оперы «Георгий Храбрый»; другое название: «Музыкальное действо о Георгии Храбром; текст А. М. Ремизова» (1913). См.: *Тюнеев Б. В. А. Сенилов (Материалы) // Русская музыкальная газета. 1916. № 8–9. С. 170–175. Ср. с автографом на т. 8 «Сочинений»: «Владимиру Алексеевичу Сенилову, написавшему оперу на Егория Храброго. А. Ремизов. 1913 г. 14/27. III» (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 181).*

⁵ Текст пьесы и письмо Ремизова к В. Я. Брюсову, датированное 20 апреля 1911 г., в котором он предложил «Действо о Георгии Храбром» для публикации в «Русской мысли», было отправлено Ивановым-Разумником 13 мая 1911 г. (См.: Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. С. 213).

⁶ Анна Марковна Левина, жена Д. А. Левина. См. о ней: *Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. С. 16–17.*

⁷ Вероятно, домашняя работница Ремизовых.

Финляндия.

3/16 июня 1911.

Станция *Териоки*

Новые Места, дача Калачевой, № 4.

Дорогой Алексей Михайлович,

последнюю Вашу открытку получил я в день отъезда из Царского. Вот уже неделя, как мы в Териоках; дачка милая и уединенная, хотя и близко моря. Как вернетесь с Серафимой Павловной из Парижа — быть может погостите у нас. При даче очень большой сад — почти лес.

Сию и работаю — по утрам; остальное время провожу по-летнему — в разных «диких занятиях и работах», как помните, на Вандроке. Вот даже и письмо не пишется. Напишите хоть Вы. Желаю Вам скорее кончить «Пруд»¹ и пожить в Париже без дела.

Посылаю свою статейку об Ал. Толстом № 2²; Варв<ара> Ник<олаевна> шлет Серафиме Павловне привет.

Ваш Р. Иванов.

¹ Летом 1911 г., находясь в Париже, Ремизов готовил к изданию третью редакцию романа «Пруд». См. также: п. 23, прим. 1.

² «Молодые силы (О XV альманахе «Шиповника»)» (Русские ведомости. 1911. № 15. С. 3). Позже в переработанном виде вошла в т. II Сочинений Иванова-Разумника «Творчество и критика» под заглавием «Алексей Толстой № 2-й» (СПб.: «Прометей», [1911]. С. 71–79).

22.

Алексею Михайловичу Ремизову.

Дорогой Алексей Михайлович,

сию цыдулочку включаю в письмо к Льву Исааковичу, полагая, что Вы проедете через Соррет¹.

Вот Вам отчет о всех поручениях:

Пришвину все нужное сообщено.

«Аполлону» адрес Пришвина послан².

«Геоργия» здесь не получал; вероятно, он ждет меня в Царском, куда я еду через 5–6 дней. И так, Брюсов его не принял³: очевидно, надо было побережечь место для какого-нибудь романа Миртовой или Сергеенко⁴. Ай-да Брюсов!

Серафиме Павловне наш общий привет. Тут у нас море в пяти минутах, и будка своя (да и лодка есть). Пусть имеет в виду. К 10/23 июлю к нам приедет и Николай Николаевич⁵, так что все вандрокское общество будет в сборе.

Адрес Форш:⁹ Ялта; Заречье. Дача генеральши Комаровой. — Я ей на лето «заказал» написать книгу сказок для детей, с собственными рисунками. Пишет и рисует. Кое-что я видел — очень мило. Осенью можно будет в печать пристроить у Девриена или у Вольфа⁶.

Самя теперь все Мережковского читаю, — заканчиваю. Надоел он мне до невыносимости: шутка ли, одолеть его 20 томов⁷! Во вторую половину лета буду отдыхать — перечитывать Л. Толстого⁸.

До скорого свидания. Вероятно, это последнее письмо мое к Вам за-границу.

Итак, приезжайте.

Ваш Р. Иванов.

21/VI–3/VII–1911.

Финляндия.

Станц<ия> *Териоки*

Новые Места, дача Калачевой, № 4.

¹ Летом 1911 года Ремизов из Парижа направился в Швейцарию для врачебных консультаций (см.: п. 19, прим. 3), где останавливался в Коппе у Л. Шестова с 22 июня по 4 июля.

² Символистски ориентированный литературно-художественный журнал «Аполлон» (1909–1918), в котором с начала 1910-х гг. происходило постепенное переосмысление художественных задач модернизма, стремился расширить круг своих авторов, привлекая писателей-реалистов «новой волны». См.: *Корецкая И. В.* «Аполлон» // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917. М., 1984. С. 230–242.

³ Имеется в виду полученное Ремизовым письмо от В. Брюсова, в котором он выражает сожаления в связи с невозможностью в текущем 1911 г. напечатать «Действо о Георгии Храбром» на страницах «Русской мысли» (См.: Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. С. 215–216).

⁴ Ольга Эммануиловна Негрескул-Котылева (1875–1939), писавшая под псевдонимом *О. Миртов*, и Петр Алексеевич Сергеевко (1854–1930), романы которых «Русская мысль» печатала в 1910–1911 гг..

⁵ Николай Николаевич Оттенберг (1878–1956) — брат В. Н. Ивановой.

⁶ Ольга Дмитриевна Форш (1873–1961), близкая кругу «Заветов» и «Скифов», запечатлела Иванова-Разумника в книге воспоминаний «Сумасшедший корабль» (1931) в образе Черномора, а Ремизова в книге «Ворон» (Л., 1934. С. 99–103; глава «За блошным хвостом»).

⁷ Подразумеваются издательства Альфреда Федоровича Девриена, основанное в Петербурге в 1872 г., и Маврикия Осиповича Вольфа — «Товарищество М. О. Вольф». Сказки О. Форш «Духовик» и «Хитрые звери», иллюстрированные автором, были опубликованы в журналах «Тропинка» (1912. № 2. С. 100–120) и «Родник» (1912. № 2. С. 135–146). Книга сказок и рассказов

«Что кому нравится» вышла в московском издательстве И. Д. Сытина в 1914 г. с рисунками Л. Верховской.

⁸ Речь идет о статье «Мертвое мастерство», посвященной Д. С. Мережковскому. См.: *Иванов-Разумник*. Т. II. Творчество и критика. С. 110–179. Начало этой работе было положено двумя публикациями в газете «Русские ведомости» — «Пастырь без стада» (1911. 6 марта. № 53. С. 3) и «Мертвое мастерство» (1911. 27 марта. № 70. С. 4–5).

⁹ Книга Иванова-Разумника «Лев Толстой», законченная в октябре 1912 г., составила т. IV его Сочинений (1912).

23.

6 окт<ября> 1911.

Артек.

Дорогой Алексей Михайлович.

когда будете высылать мне отпечатанные листы «Пруда» — вышлите мне (поскорее) и первую редакцию¹. — Мигуришникову² закажите. «Часы» я внимательно читал параллельно в двух редакциях³: тоже сделаю и с «Прудом». Хочется проследить и читателям показать — эволюцию былого «декадентства». Не знаю только, подойдет ли статья моя для «Русск<их> Вед<омостей>», а больше нигде⁴. — Впрочем, пишут мне много из «Современника», но я с ними не вступил еще ни в какие сношения, и во всяком случае в журнале с июльским манифестом — работать не буду⁵. Разве только что у них еще какая-либо реформа произойдет. Впрочем, все это пока — между нами.

Напишите мне обещанное письмо «веселѣ». Да черкните, кстати, — что со Львом Исааковичем? Я уже два месяца жду от него письма — а сам посылал ему и простое, и заказное, и напоминающую открытку.

Здоровье Ваше, видимо, на-лад идет — хорошо. Эх, если бы Вам да сюда приехать! Здесь в имении — три пустые дома (т. е. «пустые» — от людей, а не от мебели), парк громадный, море... Хозяева имения Вам знакомы по «Вопросам Жизни» — Метальников⁶. Жена его писала мне, что-де была бы очень рада, если бы нашлись желающие воспользоваться пустыми домами. Ну-ка, подумайте с Серафимой Павловной. Я Пришвина звал — гостить к себе, а Вы рядом в отдельном доме заживете. Серьезно пишу.

Пишите и Вы мне — обо всем. Кланяемся Серафиме Павловне и Вам.

Ваш Р. Иванов.

¹ В конце октября 1911 г. в издательстве «Шиповник» вышла в свет третья редакция романа «Пруд» (впервые роман был напечатан в 1905 г. в журнале «Вопросы жизни» — с редакционными сокращениями; вторая редакция вышла отдельным изданием в 1908 г.: СПб.: «Стирус»), составившая т. 4 «Сочинений» Ремизова. Третья редакция романа, по мнению многих критиков и друзей писателя, представляла собой совершенно новое произведение, весьма отдаленно напоминающее его предшествующие варианты. См.: Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым // Русская литература. 1992. № 4. С. 105; Кузмин М. [Рец.] Сочинения А. Ремизова, т. 4. Роман «Пруд» // Аполлон. 1911. № 9. С. 74; Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 187. Сравнительный анализ второй и третьей редакций «Пруда» см.: *Shane A. Remizov's Prud: From Symbolism to Neo-Realism* // *California Slavic Studies*. 1971. Vol. VI. P. 75–78; 82. Подробнее об истории издания романа см.: *Ремизов А.* О разных книгах // Воля России. 1926. № 8/9. С. 231–232.

² Иван Иванович Митюрников — владелец книжного магазина в Санкт-Петербурге (Литейный пр., 31).

³ Роман Ремизова «Часы» впервые был опубликован в петербургском издательстве «EOS» в 1908 г.; затем со значительными изменениями был включен в т. 2 «Сочинений» (СПб.: «Шиповник». [1910]). Ср. с письмом Ремизова к П. Е. Щеголеву, в котором он отмечал собственную принципиальную установку на переработку каждого последующего издания: «Во Пт<оме> “Часы” в новой редакции. И все рассказы в прежнем виде не входят, хоть что-нибудь, а исправлю. Иначе не могу» (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479–1610. Л. 144).

⁴ Замысел не был осуществлен.

⁵ В связи с расширением состава редакции в июльском номере ежемесячного журнала литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни «Современник» был опубликован т. н. «новый манифест» («старый» — в № 1 за 1911 г.), в основном написанный В. М. Черновым, за исключением 30 начальных строк, принадлежавших А. В. Амфитеатрову (Подробнее см.: Переписка с А. В. Амфитеатровым / Вступ. ст. Н. И. Дркушиной; публ. и комм. С. И. Доморацкой, Ф. М. Иоффе, Е. Г. Коляды, А. Е. Погосовой // Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века. Незданная переписка. М., 1988. С. 320–321; 364–367). Несогласие Иванова-Разумника с «манифестом» могла вызвать заявленная здесь литературно-эстетическая программа журнала: «Под реалистическим искусством мы разумеем противоположность той манерности, которая в погоне за импрессионизмом теряет связь с нормальной восприимчивостью человека, испещряя художественное творчество затейливыми перолифами, понятными лишь для избранного кружка посвященных, да и то с грехом пополам. Этот изысканный, нарочный субъективизм творчества, избегающий общепонятный, наклонный к мистике и тайне, является в наших глазах весьма нездоровым продуктом нашего времени» (От редакции // Современник. 1911. Кн. 7. С. IV).

⁶ Сергей Иванович Мегальников (1870–1946) — биолог.

1 ноября 1911¹.
Гурзуф, Артек.

Дорогой Алексей Михайлович,

Напишите о себе. Давно не писал Вам: тихо здесь, уединенно, хорошо, — не пишется, лень. А Вы пишете. Что Берлин? Поедете? (или уже уехали?). Подождите до весны — вместе поедем². На лето планы у нас далекие и широкие — думаем соблазнить и Вас, и Серафиму Павловну, ей же кланяемся. — Получил «Пруд» первой редакции от Митюрникова, и второй — от «Шиповника»; попеняйте «Шиповнику», что прислали мне экземпляр вырезанный и перепечатанный, а не первоначальный. — Поблагодарите Чеботаревскую за книгу³. Скоро получите мою⁴. Не можете ли собрать для меня все последние нововременские хамства Розанова⁵? Если бы имел и знал их, прибавил бы еще страничку в статью о нем, — в той книге, которую получите⁶. — Что такое о Пришвине напечатано в «Современнике»? Мирлобов⁸ извиняется, что-де «гадость» эта прошла без его ведома. Какая? — интересно. Напишите и об этом и вообще обо всем, что творится у Вас в Петербург вообще и на Таврической⁹ в частности.

«Пруд» новый прочесть не успел — сильно занят, но скоро приступлю.

Варвара Николаевна тоже ленится писать, как и я; а хотела спросить Серафиму Павловну о Наташе. Напишите.

Что у Вас с Лундбергом¹⁰? Шестов писал, что кошка пробежала. Быть может пробежала и уже убежала?

Напишите о судебном следователе и «обвинительном акте России»¹¹. Подвигается? Приеду — прочтите.

Приедем к 15 декабря. Пока напишите побольше — соскучился.

Ваш Р. Иванов.

¹ На обороте письма имеется черновая глаголическая запись, по-видимому, рукой Ремизова: «Аркадию Павловичу Зонову».

² С 25 сентября 1911 г по 14 июня 1912 г. Ремизовы безвыездно находились в Петербурге (См: РНБ. Ф. 634. № 3. Л. 15, 16). Не состоялась и их совместная с Ивановыми поездка летом 1912 г. В мае-июне 1912 г. Иванов-Разумник посетил Германию. Италию и Швейцарию.

³ Вероятно, сборник статей и заметок «О Федоре Сологубе. Критика» (СПб.: «Шиповник», 1911), составленный женой Сологуба — Анастасией Николаевной Чеботаревской (1876–1921). Статья Иванова-Разумника «Федор Сологуб» открывала книгу (С. 7–34).

⁴ Речь идет о втором томе сочинений Иванова-Разумника («Творчество и критика»), в котором была опубликована статья «Творчество А. Ремизова»

(С. 80–109), объединившая ранее опубликованные — «Бурков двор», «Между “Святой Русью” и обезьяной» и новый текст — «Святая Русь».

⁵ Подразумеваются публикации В. В. Розанова в газете А. С. Суворина «Новое время» (1901–1916), с репутацией печатного органа, потрафляющего обывательскому вкусу, националистическим настроениям и религиозному догматизму, в штате которой Розанов состоял с мая 1899 г. Сотрудничество с этой консервативной и одноязычной газетой давало повод для соответствующего отношения к писателю со стороны либерально-демократической интеллигенции. Тем не менее, именно этот печатный орган позволил ему, практически без ограничений выражать весь комплекс идей, связанный с вопросами пола, брака, религии и многое другое, что вызывало бурные полемике в кругах общественности (Подробнее см.: *Абрамович Н. Я.* Новое время и «соблазненные младенцы». В. В. Розанов // В. В. Розанов: Pro et contra. Антология. СПб., 1995. Кн. II. С. 220–222; а также: *Фатеев В. А.* Публицист с душой метафизика и мистика // Там же. Кн. I. С. 11–12). Ср. также с воспоминаниями А. З. Штейнберга о первых послереволюционных годах: «Перед тем, как их <комплекты “Нового времени” — Е. О. и В. Б.> сжигать, Разумник разворачивал каждый номер и просматривал, нет ли там статей Розанова. И если находил, то старательно вырезал и собирал, потому что все, что писал Розанов, было интересно, своеобразно, оригинально, а иногда и мудро» (*Штейнберг А. З.* Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991. С. 176).

⁶ См.: *Иванов-Разумник.* Юродивый русской литературы (В. В. Розанов) // Творчество и критика. С. 180–211. Вероятно, эта статья была инспирирована критическим откликом В. В. Розанова «И шутя и серьезно...» (Новое время. 1911. 31 марта. № 12590. С. 5) на газетные публикации Иванова-Разумника о Мережковском (См.: п. 22, прим. 8). Уязвленный «Юродивым русской литературы», Розанов ответил статьей «Бляха № 101», где назвал принципиальное отсутствие инициалов в публикациях Иванова-Разумника «безжалостным позитивизмом», подавляющим индивидуальность: «...Хочется чего-то симпатичного в литературе, с именем и даже с отчеством. “Может зашли бы выпить чайку”. С “Разумником” ничего нельзя “выпить”, можно сказать только — “принеси мне вещь”. И он “носит” на спине своей — Белинского, Михайловского, должно быть понесет скоро Лаврова, Огарева, Герцена» (Новое время. 1911. 17 декабря. № 12848. С. 17).

⁷ Имеется в виду анонимная рецензия на 15-ю книгу литературно-художественных альманахов «Шиповник», помещенная в обзоре «Новые книги» журнала «Современник» (1911. Кн. 8. С. 392–396). Трагический финал прищвинского рассказа «Крутоярский зверь» был интерпретирован следующим образом: «<...> звериная смерть придумана автором, очевидно, для того, чтобы слияние героя с природой довести до конца, но невольно кажется, что это придумано. “чтобы почуднее было”» (С. 396). Рецензия принадлежала одному из редакторов журнала — А. В. Амфитеатрову, что подтверждается его письмом к М. Горькому от 14 августа 1911 г., в котором имеются текстуальные совпадения с публикацией. См.: Литературное наследство. Т. 95. С. 332–333.

⁸ Виктор Сергеевич Миролубов (1860–1939) — издатель-редактор «Журнала для всех» (1899–1906), журнала «Трудовой путь» (1907–1908). В 1911 г.

Миролюбов редактировал журнал «Современник»; 1 ноября после конфликта с А. В. Амфитеатовым вышел вместе с В. М. Черновым из состава редакции (См.: Литературное наследство. Т. 95. С. 48–50). Позже принял участие в организации литературно-политического журнала «Заветы», куда был приглашен и Иванов-Разумник.

⁹ См.: п. 14, прим. 2.

¹⁰ Евгений Германович Лундберг (1887–1965). В 1910-х гг. Ремизов и Иванов-Разумник неоднократно содействовали публикации его рассказов и очерков в периодической печати Москвы и Петербурга. Знакомство Ремизова с Лундбергом состоялось в 1905 г. См.: Русская литература. 1992. № 2. С. 136; а также: *Ремизов А. Кукха*. С. 36; На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. Антонеллы Д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1990. Bd. IX. С. 462. О каком инциденте идет речь, установить не удалось.

¹¹ Подразумевается следователь Бобров — главный герой повести Ремизова «Пятая язва» (Альманах издательства «Шиповник». Кн. 18. СПб., 1912) и его обличительное сочинение — «плач над разоренностью земли русской о погибели русского народа».

25.

17 ноября 1911.

Артек.

Дорогой Алексей Михайлович,

Сочувствую Вам: что в Венгеровском предприятии о Вас писать будет Чулков¹ — это совсем плохо. Если бы Гершензон взялся — совсем другое дело, а еще лучше, если бы Лев Исаакович². Я бы на Вашем месте узнал бы у Венгерова — начал ли уже Чулков свою статью? Если да — плохо дело, если нет — скорее бейте челом Гершензону или Шестову³./* Кстати сказать: я в этом издании не участвую, т. к. недавно послал Венгеру отказ — не буду писать о Гиппиус⁴.

О следователе⁵ не пишете, а все читаете — это хорошо; когда доспеет, само «выпрет» (как выражался тот же Гершензон об Алексее Толстом № 2-ом⁶). Хотелось бы, чтобы эта вещь вышла большой повестью, в роде «Сестер»; да вряд ли и выйдет меньше — материал слишком обширен. На «роман» бы хватило. И можно действительно сделать большую вещь (и внешне и внутренне).

Есть еще одна тема, скелет темы — вот бы Вам воспользоваться. Только страшно — тема Л. Толстого. Я на днях нашел в его письме к Черткову поразившее меня место. «Я себе часто представляю (— переписываю для Вас слова Толстого —) героя истории, которую хотелось бы написать: человек воспитанный. положим. в кружке револю-

---

* В тексте письма после черты и до конца абзаца Иванов-Разумник использует мелкий почерк.

щонеров. сначала революционер, потом народник, социалист. православный. монах на Афоне. потом атеист. семьянин. потом духоворец, все начинает, все бросает, не кончая. Люди над ним смеются. Ничего он не сделал и безвестно помирает где-нибудь в больнице. И, умирая, думает, что он даром погубил свою жизнь. А он-то святой...»⁷

Поразила меня эта тема (не мыслью: я давно знаю, что «жаждущие неудачники» — величайшие из людей земли), поразила своей грандиозностью: какую вещь можно написать на эту тему! Жизнь человеческая вся войдет сюда. Если бы я был художником — только об этой теме и думал бы все время, как бы ее воплотить.

Ну, в письме этого не упишешь. Черкните-ка Вы мне лучше о своих делах: что «Лейла»? Вы получили уже 1000 р.<ублей> (кажется, неожиданно большой гонорар? Хотя лучше было бы «по-спектакльно»), но что Лядов⁸? Пшлет, будет писать, написал? Есть надежда хоть зимою 1912-го года увидеть и услышать ее⁹?

Вернемся в Петербург через месяц. Слишком здесь пока хорошо, да делать нечего, пора ехать. Вы мне все-таки еще раз напишите сюда, а то скучно без писем. Вернусь, тогда и поговорим о всяких делах, «шпировничьих» и других. Я о «Пруде» отдельно писать не буду, а напишу в Январе-Феврале о всем издании 1911 г., сравню его с «первой редакцией»; так лучше будет¹⁰. Пока, до свидания, Алексей Михайлович, кланяемся мы с Варварой Николаевной Серафиме Павловне и Вам.

Ваш Р. Иванов.

¹ Георгий Иванович Чулков (1879–1939).

² Л. И. Шестов.

³ Подразумевается подготовка издания «Русская литература XX века» (См.: Русская литература XX века. (1890–1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: Изд. т-ва «Мир», 1914–1918. Т. 1–3. Вып. 1–8). Русская литература в этом издании была представлена автобиографическими справками ведущих писателей и поэтов эпохи с их портретами, а также статьями известных критиков об их творчестве. По заказу Венгерова статью о творчестве Ремизова написал Г. И. Чулков, что вызвало недовольство друзей Ремизова. Ср. с мнением Гершензона из его письма к Ремизову от 8 ноября 1911 г.: «...я протестовал против Чулкова <...> Мне только хотелось вообще, чтобы была написана дельная статья, а не “80 000 слов под водою”» (РНБ. Ф. 634. № 87. Л. 10). Гершензон, как и Иванов-Разумник, считал лучшей кандидатурой для критического очерка о Ремизове Л. Шестова, который в письме к Ремизову 29 августа 1911 г. отклоняя предложения Ремизова написать такой критический очерк, в свою очередь, сделал предположение, что эта статья по силам Е. Лундбергу (См.: Русская литература. 1992. № 2. С. 102). В письме к Чулкову от 15 ноября 1911 г. Ремизов предоставил ему собственное жизнеописание (РГБ. Ф. 371. Карт. 4. № 46); Венгерову также была отправлена автобиография, датирован-

ная 1912 г. (РНБ. Ф. 634. № 1). Том «Русской литературы XX века» с материалами о Ремизове не вышел. Позже Чулков включил свой очерк, названный «Сны в подполье», в книгу «Наши спутники» (М., 1922. С. 7–37).

⁴ Речь идет об участии Иванова-Разумника в издании «Русской литературы XX века (1890–1910)». В ответ на предложение С. А. Венгерова написать статью о Зинаиде Николаевне Гиппиус (1869–1945) он ответил согласием 23 мая 1911 г.: «Черкните мне, кстати, когда Вам понадобится моя статья о Гиппиус, и каков ее условленный между нами размер. Совсем забыл» (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. № 982. Л. 30). 15 июня, приступив к работе над статьей, Иванов-Разумник писал Венгерovu: «... не можете ли сообщить мне точные данные года и дня рождения Мережковского, Гиппиус и Философова? Это мне нужно для разгадки ребуса, заданного Зинаидой Гиппиус читателям в стихотворении “Числа”. Не помните ли также года, в который Гиппиус стала г-жой Мережковской? И это интересно знать, так как в произведениях этих супругов-литераторов можно отметить, с определенного года, ясное взаимное влияние. Интересно оправдать, à la Лавре, теоретические выводы опытными данными» (Там же. Л. 31). Однако, осенью, когда им уже была написана критическая статья «Мертвое мастерство (Д. Мережковский)», Иванов-Разумник счел неуместным одновременно выступать с «объективной» оценкой творчества Гиппиус в словарном издании, и 20 октября обратился к Венгерovu с просьбой «заменить» его В. Брюсовым: «Я Вам пришлю скоро мою книгу “Творчество и Критика” (выйдет в ноябре); там Вы увидите статью о Мережковском с упоминанием и о Гиппиус. Вы увидите оттуда, что я совершенно не могу писать о З. Гиппиус для *истории литературы*. Там нужна объективность, а у меня сложилось субъективнейшее убеждение, что З. Гиппиус была тем упырем, который высосал кровь из Д. Мережковского и сделал его “живым трупом”, что она и есть самая настоящая “чортова кукла”. Я таки напишу о ней отдельную статью — но она совершенно не подойдет для редактируемого Вами издания» (Там же. Л. 34). Позже в обзоре «Русская литература в 1912 году» Иванов-Разумник резко критически отзывался о «Романе-царевиче» З. Гиппиус: «Этого романа нет в русской литературе, он — пустое место, он вовсе не нужный, а просто мертвый и нудный роман, нудное и тягучее продолжение никому не нужной “Чортовой куклы”» (Заветы. 1913. № 1. Отд. II. С. 65).

⁵ См. п. 24, прим. 9.

⁶ Неустановленный источник.

⁷ Письмо от 26 сентября 1889 г. (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 86. М., 1937. С. 265).

⁸ Анатолий Константинович Лядов (1855–1914) — композитор.

⁹ 1911 г. в творчестве Ремизова отмечен созданием «русалий» — нового жанра, по природе восходившего к русским плясовым действиям и построенного на единстве народной обрядности, танцев и музыки. Первым подобным опытом, хотя и опубликованным значительно позже остальных, стала «русалия» «Алалей и Лейла», написанная на основе второй части книги «Посолонь» — «К Морю-Океану» (Впервые: Колядный. Литературно-художественный альманах для детей 9–12 лет. Пг., 1919, С. 52–62; впоследствии вошла в

кн.: Ремизов А. Русалия. Театр. Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1922). Возможно, что сама идея создания «русального действия» была подкреплена проектом балета по мотивам «Посолони» (композитор А. К. Лядов, постановщик В. Э. Мейерхольд, балетмейстер М. М. Фокин, художник А. Я. Головин), который предполагался к постановке в Марининском театре. В начале января Ремизов подготовил набросок либретто (См.: письмо к И. А. Рязановскому от 9 января 1911 г. — РНБ. Ф. 634. № 31. Л. 15). 22 февраля Ремизов писал тому же адресату: «А пришлось-таки засесть за балет. Последний срок подошел» (Там же. Л. 17). К марту работа была закончена и в письме к Рязановскому от 6 марта писатель сообщал: «Сейчас я в ожидании часа — идти надо читать балетное действие “Лейлу”» (Там же. Л. 18). О положительном отклике композитора свидетельствует письмо А. Я. Головина Ремизову от 4 апреля: «Мейерхольд говорил с Лядовым и он в восторге, что есть сюжет» (РНБ. Ф. 634. № 91. Л. 1 об.). Создание спектакля растянулось на несколько лет, самым плодотворным из которых был 1912 г. О подготовке театральной постановки «Алалей и Лейлы» см.: *Ремизов А.* Пляшущий демон. Слово и танец. Париж, 1949. С. 31–36. Художник Ю. Анненков, который вместе с С. Прокофьевым в 1916 г. работал над постановкой ремизовской «русалии» «Ясня», вспоминал о судьбе этих балетов: «Революция прервала нашу работу, и постановка “Ясни” осталась неосуществленной <...> С балетами (“русалиями”) Ремизову, вообще, не везло. В конце 1912 года он начал подготавливать “петербургскую русалию” — Алалей и Лейла — “волшебный балет” <...> Либретто Ремизов подписал именем Куринаса. На этот раз, война 1914 года остановила постановку. В том же году умер Лядов, и его партитура не была никогда найдена. Такая же участь постигла русалию “Гори-Цвет”, на музыку Гречанинова» (*Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М., 1991. Т. 1. С. 219).

¹⁰ Ср.: «Интересно сравнить редакцию собрания его сочинений (1911 г.) с первоначальным текстом тех же произведений: ценнейший материал для изучения психологии и эволюции творчества! Сравните “Часы” или “Пруд” первых изданий (1905 и 1907 г.) с текстом этих же романов с собрания сочинений — почти ни одна фраза не осталась без изменений, некоторых страниц узнать нельзя. К изучению всего этого когда-нибудь еще вернется русская критика» (*Иванов-Разумник.* Творчество А. Ремизова // Творчество и критика. С. 109). Заявленная в письме и статье тема не была реализована.

26.

1 декабря 1911.

Артек.

Вот и последнее письмо Вам из Артека, дорогой Алексей Михайлович: через неделю собираемся в путь. Пора домой. Погуляли и будет. А жалко; так бы еще сидел да сидел здесь, весну бы встретил.

Книгу Вы от меня получили дефектный экземпляр, без оглавления. «Прометей» пришлет Вам все три тома в хорошем виде¹. В Париж и Мюнхен² пошлет: приеду — распоряжусь. А что Вы поздравля-

ете меня спобедою и одолением твердыни вроде «Речи», которые обычно побеждаются «Веною» — вздор, баяночка: эти твердыни победил не я, а, вероятно, издатель мой «Прометей»³ (не тот, который помогал в Зоологическом саду случке слонов⁴, а другой). Но и гнусная же газета «Речь»: с 1-го сентября не могу ее переносить⁵ и сто раз жалею, что напечатал там хоть одну статью (о Пришвине)⁶. Если с Левиным⁷ встречаюсь — чувствую, что побранюсь, хотя он и милый человек.

А о Пришвине вот что знаю: писал он мне, что 21-го ноября уже будет в Петербурге, а через неделю написал, что-де заложил велосипед и остался в Новгороде. Продался он «Знанию», а те ему денег не шлют и книги не печатают⁸. Уж лучше бы «Шиповник».

Вышло «Действие о Георгии»⁹? А что VI и VII тт.¹⁰? Как только все издание закончится — пишу в «Русск<ие> Ведом<ости>» статью под мерзким заглавием «Эволюция декадентства»¹¹. Как бы без этих двух гнусных слов обойтись, сохранив при этом весь смысл? Не придумаем ли до моего приезда?

Увидите Павла Елисеевича — кланяйтесь; не видал его четыре года¹².

И с Вами, какжется мне, будто четыре года не видался — так давно сидим в Артеке. Теперь уже скоро увидимся: надеемся числа 10-го (а может и 9-го) быть в Царском Селе. Если бы Вы на «именных» мог¹³ приехали бы к нам в Царское с Серафимой Павловной — это был бы лучший подарок. А другой, «очень большого веса» — с собой захватите (в жилетный карман влезет?)¹⁴.

Шлем Вам и Серафиме Павловне общий наш привет.

Ваш Р. Иванов.

¹ Речь идет об издании трех первых томов («Литература и общественность»; «Творчество и критика»; «Великие искания») собрания сочинений Иванова-Разумника в издательстве «Прометей». Отправленная Ремизову книга — это, по-видимому, «Творчество и критика».

² См.: п. 24, прим. 1.

³ Подразумевается публикация в газете «Речь» (1911. 5 ноября. № 304. С. 2) анонса о выходе из печати первого тома «Сочинений» Иванова-Разумника «Литература и общественность», перечисленного среди других книжных новинок издательства Н. Н. Михайлова «Прометей». Иванов-Разумник намекает, что здесь не обошлось без угощения в знаменитом своей литературно-артистической публикой ресторане «Вена» (на углу Гороховой и Малой Морской в Санкт-Петербурге). См.: Десятилетие ресторана «Вена». Литературно-художественный сборник. СПб., 1913.

⁴ Ср. рассказ о «блудборце» Петре Николаевиче Потапове в книге Ремизова «Кухня. Розановы письма»: «По весне, как всем известно, в Зоологическом саду зверь на звере сидит — слон на слоне, и гиппопотам на гиппопотаме <...> П. Н. Потапов ходил по весне в Зоологический сад для поднимания, как

сам он выражался, потенциальной энергии. Странный он человек! И зачем ему это поднимание, когда и без того вечная его и одна жалоба на обуревание мыслей зоологических» (*Ремизов А. Кукха. С. 108*).

⁵ В связи с покушением на председателя Совета министров П. А. Столыпина 1 сентября 1911 г. и последовавшей его кончиной либерально настроенная газета «Речь» в ряде редакционных статей выступила с идеей объединения правительства на политической основе — в расчете на т. н. «политический объективизм» власти. Неприятие позиции «Речи» Ивановым-Разумником было обусловлено его социалистическим и антигосударственным мировоззрением.

⁶ *Иванов-Разумник. Великий Пан (о книгах М. Пришвина) // Речь. 1911. 24 января. № 23. С. 2.*

⁷ Давид Абрамович Левин (1863–1930) — юрист, публицист, сотрудник газеты «Речь».

⁸ В письме Ремизову от 28 октября 1911 г. Пришвин сообщал о подготовке первого тома собрания своих сочинений: «<...> около Рождества выйдет моя книга с рассказами <...> Эту книгу издает “Знание” <...> Благодаря этой комбинации я стал крошечным рантьером и довольно долго могу не писать из-под палки» (Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 187). Первый том «Сочинений» Пришвина вышел в свет в издательстве «Знание» в самом конце 1911 г.

⁹ См.: п. 20, прим. 3.

¹⁰ В конце февраля — начале марта 1912 г. в издательстве «Шиповник» вышли т. VI («Сказки») и т. VII («Отреченные повести») собрания сочинений Ремизова.

¹¹ См.: п. 23, прим. 4.

¹² Павел Елисеевич Щеголев (1877–1931) — историк литературы и русско-го революционного движения; близкий друг Ремизова. В 1909 г. как издатель-редактор журнала «Былое» Щеголев был приговорен к трем годам тюремного заключения, которое отбывал в Петропавловской крепости, откуда неоднократно обращался к Ремизову с просьбами содействовать в получении книг от различных авторов. 24 февраля 1910 г. (датируется на основании пометы Ремизова о получении — *Е. О. и В. Б.*) он писал: «Увидите Вяч. Ив<анова>, Разумника-Ив<анова>: передайте им мой поклон и просьбу послать мне заказ<ной> банд<еролью> все выпущенное ими в 1908–1910 гг.» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 243. Л. 5 об.). В письме от 2 апреля 1910 г.: «Вы, наверно, знаете местожительство Р. В. Иванова-Разумника и наверно не сочли бы за труд послать и ему аналогичное письмо о его книжках, всех, кроме Ист<ории> общ<ественного> развития. Эта у меня есть, а у него есть Смысл жизни и еще нечто» (Там же. Л. 6–6 об.). 2 сентября 1910 г. после того, как его просьба была выполнена, Щеголев писал: «Разумника поблагодарите за книги, а статья его об Евг<ении> Онег<ине> не понравилась» (Там же. Л. 7 об.). 19 января 1911 г. он обратился к Ремизову с просьбой: «Не знаете ли и не сообщите ли Вы адрес Разумника Вас. Иванова, которому я хотел бы послать книжечку» (Там же. Л. 9), подразумевая книгу «Пушкин и его современники» (СПб., 1911. Вып. 14), где была опубликована его работа «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина» (С. 53–193).

¹³ 12 декабря (по ст. стилю) — день святого мученика Разумника и Спиридона-солнцеворота.

¹⁴ Возможно, имеется в виду подарок, от которого в архиве Иванов-Разумника сохранился лишь небольшой фрагмент — титульный лист рукописи <?> Ремизова, украшенный орнаментальным рисунком и подписями, написанными на глаголице (ИРЛИ. Ф. 79. Неразобранная часть). Сверху — дарственная надпись: «Разумнику Васильевичу Иванову / в день его ангела / 1911 г. 12 декабря / Алексей Ремизов». Посередине листа крупными буквами: «Русские ведомости 1844 года». Ниже: «Принадлежат Алексею Ремизову». Предположительно, обложка была оформлена для рукописи рассказа «Рождество Христово», напечатанного, при содействии Иванова-Разумника в рождественском номере газеты «Русские ведомости» (См.: п. 18, прим. 1).

27.

23/XII 1911
Царское Село
Колпинская, 20.

Дорогой Алексей Михайлович —

Селкой — С праздниками! — Когда к нам на елку? Известите заранее. Что, не приехал ли Кружоярский Зверь¹ из Новгорода? Да Вы его не ждите, раньше приезжайте. — Сам я буду в Петербурге 28-го числа и заеду к Вам — днем ли, вечером ли, еще не знаю.

Только что прочел «Петушка». Так хорошо, что мочи нет. И хоть бы кто-нибудь это понял, хоть бы кто-нибудь из газетных остолопов обратил на этот рассказ внимание². Да что уж!..

Так приезжайте; — Серафиме Павловне наш привет. Кланяется Вам Варвара Николаевна, за «Петушка» благодарит — так он ей полюбился.

Ваш Р. Иванов.

¹ М. М. Пришвин.

² Рассказ Ремизова «Петушок» был опубликован в Альманахе издательства «Шиповник» (Кн. 16. СПб., 1911. С. 205–221). Отзывы о нем см.: *Редько А.* «Сашка Жигулев» Л. Андреева и «Петушок» А. Ремизова (Альманах изд. «Шиповник», кн. 16) // *Русское богатство.* 1912. № 1. Отд. II. С. 139–149; *Бурнакин А.* Литературные заметки. Сомнения и надежды // *Новое время.* 1912. № 12928. 9 марта. С. 6. В книге В. В. Брусянина «Дети и писатели. Литературно-общественные параллели» (М., 1915) «Петушок» был назван «одним из замечательнейших произведений русской литературы за последнее время» (с. 150–151). Наряду с высокими оценками, прозвучало и противоположное суждение об этом произведении, как «не принадлежащем к... лучшим вещам» писателя. «То, что есть в Ремизове детского и милого, здесь переходит в какую-то неуверительную слащавость» (*Кузмин М.* Заметки о русской беллетристке. 13 // *Аполлон.* 1912. № 1. С. 68).

27 декабря 1911.
Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович,

только что Пришвина проводил, — Вы его раньше этого письма увидите. Если вздумаете собраться к нам вместе с ним, то вот Вам на всякий случай «сведения»:

28-го дек<абря> я в Петербурге; буду у Вас

29-го — мы дома только до 3-х ч<асов> дня

30-го — дома только до часу дня

31-го — весь день дома

1-го Янв<аря> — дома с 5 ч<асов>; у нас — Моисеенки (Казанские)¹

2-го, 3-го, 4-го — все дома

Вот как мы завертелись.

Видели Вы «Русские Ведомости» 25 дек<абря>? Задавили Вы там всех: да и то сказать — не трудно и задавить было, на-подбор бездарности². Но не смотришь на них — слишком уж хороша «отреченная повесть». А вот «Глаголица» в «Речи»³ меня огорчила: — неудачно. Тяжело очень написано, пот виден. Каждая глава в отдельности хороша, а все вместе не склеились. По началу такой размах, точно «Крестовые сестры» дальше будут, а потому и впечатление такое: с большим усилием размахнулся великан, обрушил удар и — сломал кулаком пустую картонную коробку. Тема трудная, задумано хорошо, сделано плохо — тяжело. Вот Вам сказ по совести; хотелось бы знать, так ли и то ли чувствуете Вы к «Петушку», «Рождеству» и «Глаголице».

До свидания — до завтра. Кланяется Варвара Николаевна, Серафиме Павловне поклон.

Ваш Р. Иванов.

Препеку — расскажу Вам о журнале; с Нового Года начинаются переговоры и хлопоты⁴. Пока — молчок; одному Пришвину сказал.

¹ Подразумевается семья библиофила Н. Н. Моисеенко. Во время совместного путешествия по Волге летом 1909 г. Иванов-Разумник и Ремизов с 27 по 30 июня останавливались в Казани, где имели возможность ознакомиться с личной библиотекой Моисеенко, от которого Ремизов получил в подарок рукописный сборник притч XVII века. Творческие пересказы легенд из этого кодекса («Властилин», «Притча Златоустого», «Властелин»), впервые были опубликованы в газете «Утро России» (1909. № 32. 39, 67) и впоследствии с посвящением «Разумнику Васильевичу Иванову» включены в седьмой том «Сочинений» Ремизова (СПб.: «Шиповник»; «Сирин» [1912]. С. 64–82). В

авторских примечаниях Ремизов указал источник и происхождение текстов — «дар казанского книгочя Н. Н. Моисеенки» (С. 200).

² См. п. 18., прим. 1. В «рождественском номере» газеты «Русские ведомости» (1911. 25 декабря. № 297), наряду с рассказом А. М. Ремизова «Рождество Христово. Отреченная повесть» (С. 2), были опубликованы произведения Дионео (И. В. Шкловского), Буквы (И. Ф. Василевского), М. А. Осоргина, Кс. Морозовой и Белоруссова (А. С. Белевского).

³ Речь. 1911. 25 декабря. № 354. С. 2–3.

⁴ Еще в начале 1911 г. руководство издательства «Шиповник» вело переговоры с Ивановым-Разумником об организации в Петербурге ежемесячного художественного, литературного и критического журнала, в котором ему предлагалось возглавить литературно-критический отдел. 20 января Иванов-Разумник писал М. К. Лемке: «... дело Копельмана ко мне о редакторстве — быть может и миф, поэтому оно остается между нами» (ИРЛИ. Ф. 661. № 471. Л. 4). См. также: Письма А. М. Пешкова к Иванову-Разумнику (краткий комментарий) // Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М., 1988. С. 712. Ср. с воспоминаниями С. П. Постникова: «Когда я приехал к нему <Иванову-Разумнику — Е. О. и В. Б.> с предложением постоянного сотрудничества в «Заветах» в качестве критика, принял он меня очень любезно, расспрашивал о нашем плане издания, но сотрудничать пока отказался. Он сам, с какой-то литературной компанией, подготавливал издание журнала и даже сообщил мне будущее название журнала «Творчество». Вот если этот журнал не осуществится, то он обещал, после летней своей заграничной поездки, принять участие в нашем деле. Это так потом и вышло. Журнал его не появился на свет, и он стал у нас работать с седьмого номера, с октября месяца». — «Мои литературные воспоминания» (1953) (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 3. Ед. хр. 40. Л. 24–25).

29.

26 янв<аря> 1912.

Царское Село.

Дорогой Алексей Михайлович,

по обыкновению собирался сегодня — в Четверг — к Вам, от 2 до 4-х ч<асов>; но в Воскресенье, когда ездил к Андрееву, простудился на 30°-ом морозе, чихаю и кашляю. Все-таки буду сегодня в Петерб<урге>, должен заехать по делу от 4 до 6 к Копельману в «Шиповник»; оттуда очень хочется на вечер в Философское О<бщест>во¹, да боюсь; — также и к Вам не заеду.

Был я прошлый четверг вечером в «Русск<ом> Богатстве», с Короленко знакомился. Рад был пожать его руку и поговорить с ним. Говорили много, между прочим и о Вас, о «Петушке». Если интересно — расскажу, впрочем, Вы заранее знаете, что ничего хорошего о Вас Короленко сказать не мог. Не нравится ему очень².

Был в Воскресенье с утра до вечера у Л. Андреева. Понравился он мне очень — хотя и в другом роде, чем Короленко. — Говорили с Андреевым целый день и, кажется, договорились до точки; вообще я очень доволен этим посещением. Расскажу потом подробно.

История с Горьким выясняется¹; получил я большое письмо от В. М. Чернова⁴; Горькому написал еще до того тоже большое письмо². Тоже расскажу при встрече.

Вообще должен сказать, что журнал становится все более и более осуществимым планом. — О нем же буду сегодня говорить с Копельманом.

Всего доброго. Приезжайте с Серафимой Павловной (кланяемся ей); мы всегда дома. До свидания; кланяется Варвара Николаевна.

Ваш Р. Иванов.

Л. Шестову написал 21-го в Москву (Лурье⁶); сведений не имеете?

¹ Вероятно, речь идет о заседании Философского общества при Петербургском университете.

² Владимир Галактионович Короленко (1853–1921) — официальный издатель и руководитель журнала «Русское богатство». Неблагодарное отношение Короленко к творчеству Ремизова проявилось еще в 1902 г. Тогда начинающий писатель, находившийся в вологодской ссылке, послал для журнала «Русское богатство» рассказ «Бибка» и получил озорчивый ответ Короленко, обнаруживший существенные расхождения реалистической школы и модернизма: «Очерк Ваш «Бибка», присланный Вашим товарищем Б. Савинковым, прочел. Для журнала он не подходит уже по своей миниатюрности. Написан очерк литературно, но это как будто запись слов и движений одного ребенка, не переработанная в художественный типический образ» (РНБ. Ф. 634. № 249. Л. 3). См. также: Ремизов А. Иверень. Загогулины моей памяти // Ред., послесл. и комм. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. С. 213–214. О своей встрече с В. Г. Короленко летом 1916 г. в Ессентуках Ремизов тепло писал в книге «Взвихренная Русь» (М., 1981. С. 324–328).

³ О конфликте М. Горького с Ивановым-Разумником см.: Переписка с Р. В. Ивановым-Разумником / Вступ. статья, публ. и комм. Е. В. Ивановой и А. В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 95. С. 706–720.

⁴ Письмо В. М. Чернова к Иванову-Разумнику (<декабрь 1911 г.>) содержало следующие наблюдения о ремизовском творчестве: «Я считаю совершенно правильным *общий тон* Вашего отношения к Ремизову и Розанову, хотя в Ремизове отметил бы сильнее ту особенность писательской манеры, котораяближает иные его вещи с изломанностью изложения у А. Белого. Ремизов — сильный писатель, но он, по манере мистиков, склонен часто глядеть на мир, прищурив глаза: тогда все резкие цвета и яркие черты сливаются, сменяются расплывчатыми, контуры превращаются в силуэты, окраски и цвета в нюансы, события — в свои собственные причудливые тени, по которым можно только гадать на святках. Облачности и туманности ему нужны, чтобы на-

бросить на все покрывало какой-то “загадочности” и “тайны”» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 340. Л. 1).

⁵ Письмо от 18/31 января 1912 г. (Литературное наследство. Т. 95. С. 715–717).

⁶ Вероятно, имеется в виду, что письмо было отправлено на адрес Семена Владимировича Лурье (1867–1927), у которого Л. И. Шестов останавливался в Москве.

30.

30 янв<аря> 1912.
Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Алексей Михайлович,
передайте письмо, которое найдете здесь же, А. Н. Бенуа (предварительно прочтя и запечатав). Если будут разговоры, то действуйте не как «стороннее лицо», а по меньшей мере как второй редактор художественного отдела¹. Сообщите о результате.

Получил пару строк от Шестова. Будет в Петербурге 2-го — 3-го февраля. Я встречу его на вокзале, оттуда в гостиницу, оттуда к Вам. Кланяемся Серафиме Павловне и Вам.

Р. Иванов.

¹ Предполагалось, что Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) возглавит художественный отдел журнала при издательстве «Шиповник».

31.

21 апреля 1912.
Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Алексей Михайлович,
в «Табак»¹ не хватает мне страницы 31-ой, начинающейся с нового абзаца: «Давно уж замечал старец Нюх...» и до слов «шлепнулся окаяннай да прямо мякинным своим». Остальное есть.

Венгерову еще не отдал машинной работы. Черкните мне заодно вот о чем: как имя-отчество Балтрушайтиса? Мне надо ему письмо написать².

Что экзамены³?

Привет от Варв<ары> Ник<олаевны>.

Всего лучшего.

Ваш Р. Иванов.

¹ Имеется в виду т. н. «Гоносиева повесть» «Что есть табак», написанная на святках 1906 г. (СПб.: изд. Сиринус. 1908 — в количестве 25 экз.). Это произведение, как и другие, впоследствии вошедшие в его книгу «Заветные сказы»

(СПб.: Алконост, 1920). Ремизов считал началом к созданию «русского Декамерона» (См. его инскрипт. посвященный С. П. Ремизовой-Довгелло: Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. СПб., 1992. С. 21; а также: *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж. 1959. С. 159. Об истории создания «Табак» см.: *Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С. 70–75; *Ремизов А.* О происхождении моей книги о табаке. Что есть Табак. Париж, 1983). Ввиду эротического содержания, отчасти восходящего к апокрифическим источникам, изданная мизерным тиражом повесть мгновенно стала раритетом. Весьма популярная в литературном и дружеском окружении писателя, она не раз переписывалась. См., напр., список, выполненный с рукописи Ремизова и принадлежащий Л. Н. и Е. Н. Замятиным (РНБ. Ф. 292. № 23). Несколько раз Ремизов собственноручно переписывал «Табак», в частности, для Н. П. Рябушинского, С. М. Лифаря и Литературного музея Ф. Ф. Фидлера. О работе над этими, искусно выполненными автографами, см. его письма к Сомову (РНБ. Ф. 634. № 207); письма к И. А. Рязановскому от 14 февраля, 14 марта 1910 г. и 11 октября 1911 г. (РНБ. Ф. 634. № 31); а также: *Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С. 76, 81. В необработанной части архива Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79) хранятся разрозненные страницы авторского списка, размером в четверть листа толстой голубой бумаги с текстом, написанным черными чернилами, без ярко-выраженных элементов декорирования, какие Ремизов использовал, выполняя, например, заказ Рябушинского. На одном из первых листов имеется надпись: «Этот список “Повести” принадлежит Разумнику Васильевичу Иванову А. Ремизов. <Внизу листа:> Написан “Табак” на Святках 1906 г<ода>». Здесь же находятся и разрозненные фотокопии, возможно, сделанные с экземпляра, предназначенного для Рябушинского (предположительное местонахождение которого: РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. № 27). Вполне вероятно, что это именно те фотокопии, о которых Ремизов, вспоминая о работе над автографом для Рябушинского, писал: «Я трудился над перепиской моей повести: на больших листах полуустав с красными и голубыми заглавными буквами; к моим листам вложены листы с оригиналами рисунков Сомова. <...> перед отъездом в Москву мой текст был сфотографирован В. Н. Ивойловым (Княжнин), он достал фотографический аппарат и увековечил. Негативы взял к себе П. Е. Щеголев, обещал сделать оттиски, да так и не собрался, и памяти у меня никакой не осталось» (*Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. С. 76–77.).

² Вероятно, Иванов-Разумник предполагал обратиться к Юргису Казимировичу Балтрушайтису (1873–1944) по делам журнала, организуемого при издательстве «Шиповник». В его архиве сохранился ответ Балтрушайтиса от 22 июня 1912 г. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 224. Л. 1). С 1913 г. Балтрушайтис вместе с Ивановым-Разумником принимал участие в редактировании «Заветов». См.: *Балтрушайтис Ю. К.* Письма к В. С. Мироллобову и Р. В. Иванову-Разумнику / Публ. Б. Н. Капелюш // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 159–177.

³ В 1912 г. С. П. Ремизова-Довгелло заканчивала Санкт-Петербургский археологический институт.

4 июня 1912¹.

Берлин.

Дорогой Алексей Михайлович, сижу теперь с Шестовым третий день в Берлине и еще три дня пересажу — затем на Люцерн, Милан, Генуя; в Соррет попаду к началу православного июня². Черкните мне тогда, а заодно и Шестову.

В Берлине купил Вам рубашки, Серафиме Павловне мыло *Gustav'a Lohse* — по заказу.

В Берлине меня глубоко поразили две вещи — *Sitzplatz'*ы для семейного отдохновения и клозеты в ресторане Кемпинского. Это разрез современной «культуры», по ним можно воссоздать всю жизнь города и удавиться с тоски. С удовольствием отдохну в Италии³.

Поклон Серафиме Павловне. Для Вашего общего сведения наш адрес: *Везо*, Эстляндия, Дача Нилуса.

Пишите.

Ваш Р. Иванов.

¹ Письмо датировано по новому стилю.

² В мае-июне 1912 г. Иванов-Разумник совершил поездку в Германию, Италию и Швейцарию. Во время встречи с В. М. Черновым в Феццано (Италия), была достигнута договоренность о его вхождении в состав редакции журнала «Заветы». Ср.: «... только что приехал я в Швейцарию, а то все время сидел у Чернова и говорил с ним о журнале» (Из письма Иванова-Разумника к М. К. Лемке от 4/17 июня 1912 г. — ИРЛИ. Ф. 661. № 471. Л. 54).

³ В сентябрьском номере журнала «Заветы» (1912. № 6. Отд. II. С. 46–68), в статье «Человек и культура (Дорожные мысли и впечатления)», опубликованной под псевдонимом *Скиф*, Иванов-Разумник, в частности, писал: «Мне осталось пробыть в Берлине еще три-четыре дня; это тяжело. Но с какой же радостью сяду я через три дня в поезд, который унесет меня от улиц-аллей, от асфальта, от бензина и сигар, от тоскливо-шумной берлинской толпы, от *Sitzplatz'*ов, от мраморных пищеварительных храмов, от всей этой комфортабельной культуры — прямо в Италию, к узким улочкам, к яркому морю, к веселым горам, к священным развалинам подлинных храмов!» (С. 67–68). Спустя несколько лет тема «скифства» станет ведущей для публицистики Иванова-Разумника; однако, примечательно, что на момент публикации данной статьи автор не придавал ей «судьбоносного» значения. Ср.: «... для № 6 дал только полу-публицистику, полу-философию культуры: “Человек и культура”, — но под псевдонимом» (Из письма Иванова-Разумника к В. С. Мирлобову от 17 сентября 1912 г. — ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 563. Л. 3 об.). В письме от 22 сентября он объяснял псевдоним тем, что не хотел именно этой статьей дебютировать в журнале (Там же. Л. 4).

24 июня 1912.
 День Ивана Купала.
Везо.

Поздравляю с днем рождения, дорогой Алексей Михайлович; ведь Вы, кажется, в Купальский день родились¹? — Был я у Вас в Петербурге неделю тому назад, нашел письмо. Надолго ли Вы уехали в земли черниговские²? Возвращайтесь, ждем Серафиму Павловну и Вас; комната Ваша так и стоит пустая, готова. Адрес наш для писем: *Везо, в Эстляндии; дача Нелуса*; а чтобы попасть к нам, ехать надо так:

Из Петербурга выехать в 11 ч <асов> 55 м <инут> ноци с Балтийского вокзала, взять билет до *Везенберга*. В Везенберг поезд приходит в 7 1/2 ч <асов> утра. Вылезть. Взять (за 20 коп.) извозчика на коннопочтовую станцию *Андреева*; там заказать пару лошадей в *Везо* (4 р. 70 к.). В Везо — Морская ул., 6-ой переулоч, дача Нелуса — последняя с левой стороны.

Приедете — расскажу Вам о «за-границе»; писать не стоит. Поездка очень мне удалась, вспоминаю с удовольствием.

Ждем Вас. Живем мы здесь на отлете, особняком, совершенно уединенно; с Шиповницей³ видимся редко, с Осипом Дымовым⁴ — совсем не видимся: больно уж истомило меня его «Томление духа»⁵. — Купание чудесное, глухой лес, грибы — ждем.

Привет от Варвары Николаевны; кланяемся Серафиме Павловне.

Ваш Р. Иванов.

¹ А. М. Ремизов родился 24 июня 1877 г. Соотнесение собственного дня рождения с праздником летнего солнцестояния (ночь на Ивана Купалу — народное именование Иоанна Крестителя — с 23 на 24 июня по старому стилю) являлось значимым для аутобиографии писателя: «Оттого, должно быть, что родился я в купальскую ночь, когда в полночь цветет папоротник и вся нечисть лесная и водяная собирается в купальский хоровод и бывает особенно буйна и громка, почувствовал в себе глаз на этих лесных и водяных духов и две книги мои «Посолонь» и «К Морю-Океану», в сущности, рассказы о знакомых и приятелях моих из мира невидимого — «чертячьего»» (Алексей Ремизов о себе // Россия. М.; Пг., 1923. № 6. С. 25). Ср. также с фрагментом из письма Ремизова к А. Н. Чеботаревской, относящимся к 1907 г.: «По обещанию написал Вам краткое жизнеописание <...> Год рождения моего 1877. День: Купальская ночь (с 23 на 24 июня)» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. № 230. Л. 1).

² С 15 июня по 27 июня 1912 г. Ремизовы навещали дочь Наташу в Черниговской губернии (с. Берестовец), где она жила у родственников Серафимы Павловны. См. также: п. 18, прим. 2.

³ Вера Евгеньевна Беклемишева (в замужестве Копельман; 1881–1944) — жена С. Ю. Копельмана, секретарь издательства «Шиповник».

⁴ Осип Дымов (наст. имя и фам. Иосиф Исидорович Перельман; 1878–1959) — прозаик, драматург, журналист.

⁵ См.: Шиповник. Альманах. Кн. 17. СПб., 1912. Летом того же года О. И. Дымовым, Ивановым-Разумником и М. М. Исаевым была написана пародия «Томление плоти, коллективный роман в восьми главах Исайи Везова скритическим исследованием о ней Тихого графомана», копия которой (рукой В. Н. Ивановой), датированная 6 августа, сохранилась в архиве Иванова-Разумника (ИРЛН. Ф. 79. Оп. 1. № 138).

34.

16 июля 1912.

Везо.

Дорогой Алексей Михайлович.

пишу Вам сегодня немного и только вот по какому делу:

Из письма Вашего видно, что Вы боитесь наших 35-ти верст на лошадях при своей больной руке (лучше ей теперь?). Так вот что: эти 35 верст можно миновать, ибо к нам три раза неделю приходит пароход. Сделать надо так: выехать из Петербурга непременно в *Воскресенье*, *Вторник* или *Четверг* вечером и ехать до *Ревеля*, где будете рано утром в *Понедельник*, *Среду* или *Пятницу*. В эти дни из Ревеля в Везо идет пароход *Вирума*; отходит из Ревеля в 1 ч <ас> дня, приходит в Везо в 7^{1/2}–8 ч <асов> вечера.

Вот этим путем к нам и приезжайте; оно и приятнее и дешевле, чем на лошадях. Если же почему-либо Вам лошади больше по душе, то имейте в виду, что Копельман уезжает из Везо 28-го июля на неделю в Петербург, следовательно числа 4 августа будет ехать обратно в Везо и может быть Вашим и Серафимы Павловны чичероне¹.

Письмо Ваше Шиповнику передал, в тот самый момент, когда он садился купно с «Осипом Дымовым» на пароход, чтобы ехать в Ревель, оттуда в Гельсинфорс, оттуда к Л. Андрееву². Дня через три они вернуться, тогда скажу Шиповнику о Вашем деле.

А пока ждем Вас. Комната давно готова; Серафиму Павловну ожидает морское купание в двух шагах от дома. А я ожидаю с нетерпением Вашего чиновника Орлова. Не отдавайте только его пока никуда: я Вам его устрою рублей 400 за лист³.

Итак — ждем. Привет от всех Серафиме Павловне и Вам.

Ваш Р. Иванов.

¹ Проводник (*итал.*), за плату показывающий иностранцу местные достопримечательности.

² Летом 1912 г. Иванов-Разумник активно содействовал формированию редакционного портфеля «Заветов» по отделу беллетристики (к руководству которого приступил в сентябре), о чем писал В. М. Чернову 31 августа 1912 г.:

«... "в портфеле" журнала на 1913 г. будут лежать замечательные вещи. <...> ... Л. Н. Андреев охотно отдаст в журнал все, что попросят у него; я собираюсь съездить к нему в начале сентября, когда вернусь домой и тогда поговорю с ним подробно о журнале. У Андреева есть пьеса "Екатерина Ивановна", которая пойдет теперь в Художественном Театре; он еще не отдал ее в альманах "Шиповник". но в середине сентября вопрос будет уже решен, — имейте это в виду» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 1820. Л. 1об.). Пьеса была опубликована в альманахе «Шиповник» (Кн. 19. СПб., 1913), в связи с отсутствием у «Заветов» средств на ее покупку (См.: прим. 3).

³ Речь идет о повести «Пятая язва», главный герой которой — следователь Сергей Алексеевич Бобров. Вероятно, в ранних редакциях герой носил фамилию Орлов (См.: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 184). Иванов-Разумник, предполагая напечатать ремизовскую повесть в журнале «Заветы», сообщил Чернову (См.: прим. 2): «Ремизов написал повесть (листа 3–4) "Пятая язва", которая произведет еще большее впечатление, чем "Крестовые сестры"; я знаю тему, разработку ее — вещь сильная и глубокая. Надо ее не упустить; я уже писал Ремизову» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 1820. Л. 1об.). Однако, уже 17 сентября Иванов-Разумник поставил в известность В. С. Миролубова о невозможности ее приобретения: «Писал я <...> В. М. <Чернову — Е. О. и В. Б.> о разных видах на новые произведения. Но — денег нет и приходится смириться и молчать. Так, повесть Ремизова "Пятая язва" (автор мне ее прочел), сильная вещь, о которой много говорит <...> будут. — была бы ценнейшим приобретением журнала, — но он уже отдал ее "Шиповнику" — и я не возражал, хотя мог получить ее: повесть в 3–4 листа, "Шиповник" дает 400 р <ублей> за лист, — а Ремизову нужны деньги сейчас же. А где взять 1500 р <ублей>? <...> У Ремизова есть еще две вещи, обе чудесные: одна — размером в 1 лист, — собрание связанных легенд, апокрифов, сказаний, — соединение глубочайшей народной мудрости, народная философия. Я читаю теперь это. — на днях перешло Вам. Мое мнение — печатать это как можно скорее. в № 7. У Вас лежат "Сказки" Ремизова, этот пусгячок (сравнительно) можно отложить до Декабря. — Кроме того, у Ремизова есть еще одна вещь — "Свет немерцающий", рассказы из детской жизни. Удивительные. Эту вещь тоже не упустить бы, но дать ее только в 1913 году (Размер — 1–1½ дл.)» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 563. Л. 2об.–3). 22 сентября Иванов-Разумник писал Миролубову: «На днях послал Вам "Бисер малый" Ремизова: некоторые сказания там — чудесные (напр<имер> о коне старца Герасима, о "разумном дереве" и т. п. Если Вам и В. М. понравится так же, как и мне, то скорее верните для Октябрьской книжки» (Там же. Л. 4). «Заветы» опубликовали «Бисер малый от словес Дебренского старца» (1912. № 8. С. 42–60); «Сказ и Росказни. Сказки» (1912. № 9. С. 9–25); «Свет немерцающий. Рассказы» (1913. № 3. С. 102–120). После выхода повести «Пятая язва» в альманахе «Шиповник» Иванов-Разумник посвятил ей свою статью «Черная Россия ("Пятая язва" и "Никон Староколенный")» (Заветы. 1912. Ноябрь. № 8. Отд. II. С. 40–58).

4 августа 1912.
Везо.

6-19
7-20
8-21
9-22

Дорогой Алексей Михайлович,

беспокоимся: Вас нет и письма от Вас нет. Ждали Вас ежедневно с 29 июля и продолжаем ждать. Что случилось? Черкните хоть в двух словах о причинах опоздания.

Копельман теперь в Петербурге — не ждете ли Вы его? А комната Ваша ждет Вас, а купание ждет Серафиму Павловну, а грибы только что начинаются, а погода все еще чудесная.

Откликнитесь, — лучше всего своим приездом; а мы пока по-прежнему будем ждать Вас каждый день утром с 10 до 12 (на лошадях) и каждый Понедельник, Среду, Пятницу вечером — с пароходом.

До свидания! Все наши кланяются Вам обоим. Ждем!¹

Ваш Р. Иванов.

¹ С 9 по 31 июля 1912 г. Ремизовы находились в с. Бобровка, Тверской губернии; с 10 по 20 августа — в Костроме. Несмотря на то, что 20 августа в письме к Блоку Ремизов сообщал о своем намерении спустя три дня выехать в Везо (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 110), судя по зафиксированному Ремизовым «адресам и маршрутам поездок», планируемое посещение Везо не состоялось. См.: РНБ. Ф. 634. № 3. Л. 16.

8/XI 1912.
СПб.

Дорогой Алексей Михайлович,

посылаю обещанное; сохраните, а если не нужно будет, то снова в «Сирин»¹ пришлите.

Серафиме Павловне привет шлю.

Ваш Р. Иванов.

¹ Издательство «Сирин» было основано 10 октября 1912 г. сахарозаводчиком и меценатом М. И. Терещенко, его сестрами П. И. Терещенко и Е. И. Терещенко и А. М. Ремизовым. Об этом см. «Сирин» — «Дневниковую тетрадь» Ремизова: «Основание издательству «Сирин» положено было 10-ого октября в среду 1912 г. в день св. Иакова Постника. К вечеру того дня было мне извещение по телефону от Михаила Ивановича <Терещенко>, а вечером приехали

сестры его Пелагея Ивановна да Елизавета Ивановна и сказали: — Мы решились. Согласны. Эти слова мне очень памяты. понял тогда я и сообразил, что дело начинается, и только направить надо по хорошему» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 3. Л. 5). 11 октября Ремизов познакомил семью Терещенко с Ивановым-Разумником, который приступил к непосредственной организации издательской деятельности. 12 октября Ремизов записал: «Разумник Васильевич действует. Дело пойдет на лад, верую» (Там же. Л. 8).

37.

21-V-1913 г.

3-VI-1913¹

Дорогой Алексей Михайлович,

сегодня высылается Вам другое заказное письмо — от Сирина, с чеком². Живите в Париже³ спокойно. Здесь стараюсь за Серафиму Павловну, — надеюсь, что все «устроится»⁴.

Поедете через Сорпет — вспомните обо мне в тихой мансарде Льва Исааковича⁵. — Я здесь по-прежнему, — рассказывать нечего.

Всего и всего доброго Серафиме Павловне и Вам.

Ваш Р. Иванов

¹ Бланк издательства «Сирин». Сверху рукой Ремизова проставлена дата получения: 24 V / 6 VI.

² В официальном письме издательства «Сирин» от 21 мая / 3-го июня 1913 г., от издательства подписанном Ивановым-Разумником, сообщалось: «Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, согласно Вашего распоряжения сегодня переведено Вам Руб. 200. — Деньги эти получите по предъявлении препровождаемого билета в банке, адрес которого следующий: *Rue Bergère, 14*. При получении денег необходимо предъявить паспорт. Издательство позволило себе послать деньги не через Русско-Азиатский Банк, как Вы указывали, а посылает через Волжско-Камский, в виду того, что, как нам известно, в этом Банке такие же условия для выдачи, как и в Русско-Азиатском, а между тем перевод денег через В. К. Б<ан>к стоит издательству всего лишь 5к. Когда будете подтверждать получение денег, не откажите сообщить, насколько хлопотливее для Вас получение денег через В. К. Б<ан>к» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 84. Л. 12–12 об.). Сохранился чек в Eidgenössische Bank, Zürich на сумму 767,20 франков, адресованный в Сорпет Леону Шварцману. (Там же. Л. 6).

³ Май-июль 1913 г. Ремизовы провели за границей. В Париже они находились с 14 мая. См.: *Ремизов А. М.* Помесячная роспись петроградских адресов, мест и времени поездок по России и за границу. 1913–1919 (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 6. Л. 1).

⁴ Подразумевается поиск места преподавателя в гимназии для С. П. Ремизовой-Довгелло. Ср. с письмом А. В. Карташева к С. П. Каблукову, председателю педагогического совета петербургской женской гимназии А. П. Никифоровой от 25 июня 1913 г.: «Жена А. М. Ремизова — Сераф<има> Павл<овна> Ремизова

хотела бы найти уроки где-нибудь в гимназии. Она окончила Высшие Женские Курсы (Бестужевские) по историко-филологическому отделу. Одно время преподавала, но, по женской ленности (это мое мнение), бросила. Недавно она окончила Археологический Институт. Ее специальность русский язык. Она изучала вообще славянские яз. Вызубрила и все истории. От себя скажу, что человек она очень хороший, но как преподаватель, конечно, ее не знаю. Можете ли на Вашем горизонте виднее, куда следовало бы обратиться за подходящим местом?» (РНБ. Ф. 322. № 25. Л. 104 об.).

⁵ 30 мая 1913 г. Ремизовы остановились в местечке Фунз (Швейцария), недалеко от Коппе, где жил Л. И. Шестов, и пробыли там приблизительно до 18 июня.

38.

11/24 июня 1913 г.¹

Дорогой Алексей Михайлович,

немедленно по прочтении письма Вашего (вчера) послал еще 200 рублей². Возвращайтесь, приезжайте к нам в Везо, там хорошо, тихо, спокойно, — весь конец лета Серафима Павловна и Вы у нас проживете. Насчет гимназии хорошей — легко устроить; 5-го июля возвращается в Петербург С. И. Метальников — он у «Лесгафта» и большие связи имеет³. Сейчас по приезде с ним переговорю и все устрою.

Мне, Алексей Михайлович, плохо всячески. «Заветы» на краю гибели, а я в них много сил вложил⁴. — К тому же — очень болен я и совсем измучен. Стыдно жаловаться, да уж подступило. Давно не было у меня в жизни такой тяжелой полосы, как теперь, вот уже с неделю. — Еду я завтра в Везо и пробуду там до 1-го июля. Пишите: *Везо*, Эстляндия, дача Нелуса.

Посылаю в другом конверте пачку писем, и сам прибавляю несколько строк Льву Исааковичу⁵. — Кланяйтесь Серафиме Павловне, пусть верит она, что все к ее приезду будет налажено.

Ваш Р. Иванов.

¹ Бланк издательства «Сирин».

² В письме от 11-го июня 1913 г., напечатанном на машинке на бланке издательства «Сирин», сообщалось: «Глубокоуважаемый Алексей Михайлович. При сем издательство препровождает Вам переводной билет на руб. 200. — Деньги посланы на имя г. Л. Шварцмана, который и может получить их в Женеве, предъявив документы, удостоверяющие его личность. Получение денег благоволите при случае подтвердить. За издательство «Сирин» Р. Иванов» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 84. Л. 11).

³ В начале 1910-х гг. С. И. Метальников (См.: п. 23, прим. 6) был директором Санкт-Петербургской биологической лаборатории, а также одним из руководителей Высших Курсов, организованных Петром Францевичем Лесгафтом (1837–1909). См.: *Метальников С. И.* Задачи высших курсов Лесгафта. СПб., 1913.

⁴ Ср.: «... усталая; с "Заветами" все огорчения, со смертью боремся. Майский №-р вышел, завтра пошло тебе; июньский печатаем, а выйдет ли — Бог весть. Дела трудные. Ну, да — авось...» (Из письма Иванова-Разумника к В. Н. Ивановой от 4 июня 1913 г. — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 198. Л. 130). Имеются в виду финансовые затруднения, а также последствия конфликта, вызванного отказом В. С. Мироллобова от работы в журнале в связи с т. н. редакционным «диктатом» Иванова-Разумника. Отвечая на эти претензии, Иванов-Разумник писал Мироллобову 5 мая 1913 г.: «... мною отправлено, по поручению товарищей, письмо к Виктору Михайловичу <Чернову — Е. О. и В. Б.>; на его решение предоставляется — или согласиться с Вашим последним заявлением о выходе Вашем из журнала, — или, наоборот, признать такое заявление совершенно невозможным. В последнем случае все мы, бывшие на собрании — Балтрушайтис, Пришвин, Обозреватель, Иванчин-Писарев, Постников и я — немедленно передаем журнал в Ваши руки. Есть третий выход — дружеская совместная работа вне всякого спора о "прерогативах редакционной власти". Но этот выход Вы не пожелали принять. Об ответе В. М. — немедленно сообщу» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 563. Л. 5). В следующем письме от 26 июня Иванов-Разумник передал Мироллобову позицию Чернова: «Ответ его мне заключал в себе признание Вашего ухода из редакции за un fait accompli* — и сожаление, что Вы решили так категорически в трудное для журнала время. Лично я по-прежнему думаю, что была полная возможность дружеской работы в товарищеском кругу» (Там же. Л. 6).

⁵ Л. И. Шестов.

39.

27 июня 1913.

Везо.

Дорогой Алексей Михайлович,

За письма спасибо. Верно, тяжелый год 13-ый вышел для всех нас, ничего не поделаешь.

Я с начала июля опять в Петербурге, — пишите мне на Спринг, через несколько дней уеду в Везо. Числа 5-го июля увижу в Петербурге Метальникова, которому я уже подробно писал в Крым. Серафима Павловна пусть будет уверена, что все устроится к ее приезду домой.

Заманчиво — ехать осенью к Льву Исааковичу¹, да вряд ли выполнимо; да и не поможет мне это. Вот увидимся — поговорим; расскажете Вы все свои летние впечатления.

Алексей Михайлович, в деньгах трудности случатся — напишите мне; как-нибудь да устрою.

Кланяется Варвара Николаевна Серафиме Павловне и Вам, и я шлю поклонны. Спасибо обоим Вам за участие, а в письме ничего не напишешь.

Всего и всего лучшего Вам; возвращайтесь.

Ваш Р. Иванов.

¹ Л. И. Шестов.

* свершившийся факт (*фр.*)

15 июля 1913 г.¹

Дорогой Алексей Михайлович,

письма Ваши все получил, деньги выслал Вам давно²; все поручения исполнил. «Речь» сообщила, что деньги Вам высланы³, — «Русская» М<ысль> — что рукопись Ваша получена (принята или нет, пока неизвестно)⁴. Газеты все аккуратно Николай⁵ доставляет в Сирин раз в неделю; письма перешлю в Карлсбад⁶, если будут. — «Цепь златая» будет набираться лишь в конце июля, — вероятно даже в августе, так что корректуры в Карлсбаде править не будете⁷.

Вот, кажется, и все «дела», а кроме них — нового ничего; сижу в Петербурге и, вероятно, просижу до конца лета. Как Серафима Павловна и Вы довольны лечением? Я по-прежнему «согбен», но когда-нибудь да выпрямлюсь снова. Пишите, Алексей Михайлович.

Кланяюсь Серафиме Павловне и Вам.

Ваш Р. Иванов.

¹ Бланк издательства «Сирин».

² В письме от 9/22 июля 1913 г., напечатанном на машинке на бланке издательства «Сирин» и подписанном Ивановым-Разумником, сообщалось: «Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, При сем издательство препровождает Вам переводной билет на Карлсбадское отделение Венского банка, за № 13249, на Кч. 1215,15 (Руб. 480. —), каковую сумму составляют 80 р. от ШИПОВНИКА и 400 р. от СИРИНА; получение последней суммы благоволите при случае подтвердить» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 84. Л. 10).

³ Подразумевается гонорар за рассказ «Жук» (Речь. 1913. 29 июня. № 174. С. 2).

⁴ 18 июня 1913 г., из Швейцарии, Ремизов направил уведомительное письмо на имя заведующей беллетристическим отделом журнала «Русская мысль» Л. Я Гуревич: «Я сегодня посылаю на Редакцию “Рус<ской> Мыс<ли>” рукопись — С в е т н е з а х о д и м ы й — 7 рассказов: 1 Птичка, 2 Яблонька, 3 Беда, 4 Дикие, 5 Белое знамя, 6 Спасов огонек, 7 Странник божий» (ИРЛИ. № 20063. Л. 1). По-видимому, первоначально Ремизов выслал рукопись для прочтения лично Гуревич, т. к. 3 июня в ответном письме, она еще до обсуждения с главным редактором журнала П. Б. Струве высказала предположения о размере гонорара. Кроме того, Гуревич писала: «Впечатление мое от этих Ваших маленьких рассказов таково, что если б я не знала раньше Вас, как человека и писателя, одной этой серии было б достаточно, чтобы я навсегда почувствовала и горячо полюбила Вас. Эта серия — по-моему, принадлежит к самому прекрасному, что Вы сделали» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. 65. Л. 3). На следующий день рукопись была направлена в редакцию с резолюцией Гуревич: «Рассказы Ремизова <...> приняты и пойдут, вероятно, осенью» (ИРЛИ. Ф. 264. № 106. Л. 1). Цикл был напечатан в «Русской мысли» за 1913 г.: первые четыре рассказа в № 10, остальные — в № 11; впоследствии эти рассказы вошли в одноименный раздел книги «Весеннее порошье» (СПб.: Сирин, 1915).

⁵ Николай Алексеев — служащий издательства «Сирин».

⁶ Ремизовы находились на лечении в Карлсбаде с 1 июля и, предположительно, по 24 июля 1913 г., так как 25 июля они уже переехали в Прагу (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 6. Л. 1).

⁷ Цикл рассказов Ремизова «Цепь золотая» готовился к печати в альманахе «Сирин» и вышел в свет осенью (СПб., 1913. Кн. 1). Позднее под тем же названием и без изменений был включен в книгу «Весеннее порошье».

41.

2 августа 1913.
Везо, дача Нелуса.
Эстляндия.

Дорогой Алексей Михайлович,

Я уехал на две недели в Везо, — с 1 по 15 августа, может быть даже до 19-го, в виду двух праздников. Пишите сюда, а то приехали бы вдвоем погостить?

Писал Вам в Прагу, до востребования; получили? Дела Серафимы Павловны устроятся к началу Сентября. «Кузовок» Ваш в I-ый сборник никак не попадет, — совсем места мало¹. Пишите мне о деньгах, — постараюсь устроить.

Кланяемся, Варвара Николаевна и я, Серафиме Павловне. Здесь Аленушка² и прочая детвора.

Всего хорошего; до свидания.

Ваш Р. Иванов.

¹ Имеется в виду альманах «Сирин».

² Елена Николаевна Оттенберг (1906–1965) — племянница Ивановых. По-видимому, именно с нее списан образ маленькой девочки из рассказа Ремизова «Аленушка» (Заветы. 1913. № 3. С. 112–115).

42.

15 авг<уста> 1913.
Везо.

Дорогой Алексей Михайлович,

рад узнать, что Вы уже дома. Скоро увидимся — в Понедельник 19-го я до 12-ти и после 4-х — в «Сирине». Если нужны деньги до моего приезда — возьмите авансом из кассы у Сер<гея> Яковл<евича>¹. — покажите ему это письмо.

Так до свидания, Алексей Михайлович, <и> всего хорошего; шлем привет Серафиме Павловне и Вам. Мне по-прежнему плохо всячески, не знаю, как и работать зимою буду; уповаю, что кончится уж, наконец, 13-ый год.

Всего, всего доброго; через четыре дня увидимся; до свидания.

Ваш Р. Иванов.

¹ Сергей Яковлевич Осипов — заведующий хозяйством издательства «Сирин».

14 окт<ября> 1913.
СПб.

Дорогой Алексей Михайлович,

был я в субботу в гимназии; Серафима Павловна будет зачислена первой кандидаткой, — это все, что я мог достичь. Но зато в другом месте — у С. Д. Масловского¹ — на днях должно решиться более важное (и более скорое) дело; о нем расскажу. Думаю, что ко времени выздоровления Серафимы Павловны мне все удастся устроить.

В субботу не мог позвонить Вам по телефону в 7 ч<асов> веч<ера>, — был в это время далеко от всяких телефонов. А сам захватить не решился, — очень плохо чувствовал себя в этот вечер, места себе не находил.

Сегодня у меня с 3 1/2 ч<асов> дня — Сологуб²; просидит, вероятно, до 5-ти. Если буду в состоянии — заеду вечером, сперва позвонив по телефону.

Кланяюсь Серафиме Павловне и Вам. Когда-то кончатся все наши «горя-злосчастия»? Разве в 1914 году?

Всего Вам хорошего.

Р. Иванов.

¹ Сергей Дмитриевич Масловский (псевд. Мстиславский; 1876–1943) — обозреватель журнала «Заветы»; до 1917 г. библиотекарь Академии Генерального штаба. Вероятно, речь идет о поисках работы для С. П. Ремизовой-Довгелло.

² В 1912 г. издательство «Сирин» выпустило собрание сочинений Ф. К. Сологуба в 12 томах; в течении 1913–14 гг. в «Сирине» выходило в 20-ти томное собрание сочинений Сологуба, которое не было доведено до конца.

17 окт<ября> 1913.
СПб.

Дорогой Алексей Михайлович,

вчера, вернувшись в Сирин от брадобрея, был задержан людьми и делами до 7 часов; после был у Масловского, и в 9 1/2 мы с ним оба поехали на вечер — все по тем же делам школьным. Передайте Серафиме Павловне, что *до конца октября* я ручаюсь все, все устроить, пусть будет совершенно спокойна. Простите, что не позвонил Вам вечером по телефону — из чужого дома неловко было звонить; а уехал я оттуда в 1/2 12-го — и с вокзала звонить Вам уже поопасался — не поздно ли?

Сегодня я до 3¹/₂ в «Заветах», в 6 ч<асов> обедаю у М. М. Исаева¹, вечером — на каком-то политическом собрании у адвоката Н. Д. Соколова². Он живет на Сергиевской 81; хотел бы до него быть у Вас хоть на полчаса. Не сегодня, так завтра; очень хочу видеть Серафиму Павловну и сказать ей о положении дел, о том, что до конца этого месяца я навёрное, навёрное доведу дело до конца.

Зайдете в Сирин сегодня?

Кланяюсь Серафиме Павловне; Варвара Николаевна-просила передать привет.

Ваш Р. Иванов.

¹ Михаил Михайлович Исаев (ок. 1880 — после 1948) — юрист, приват-доцент Санкт-Петербургского университета, оказывал юридическую помощь журналу «Заветы».

² Николай Дмитриевич Соколов (1870–1928) — адвокат и общественный деятель; социал-демократ.

45.

19 декабря 1913.
СПб.

Дорогой Алексей Михайлович,

если в «Сирине» к 4-м часам не будет никаких и меня не вызовут по телефону, то я проеду прямо в Царское Село и не увижусь с Вами. На всякий случай оставляю поэтому Вам 300 рублей — передаст их Вам Сергей Яковлевич¹, расписки не надо. Боюсь, что до конца Декабря, т. е. до выхода в свет № 12-го² мне не удастся достать для Вас больше.

Заходите завтра к 4-м, буду ждать.

Серафиме Павловне кланяюсь.

Если окажется, что 300-т рублей мало — скажите мне, постараюсь достать в другом месте.

До завтра; всего Вам хорошего.

Ваш Р. Иванов.

¹ С. Я. Осипов.

² Речь идет о журнале «Заветы».

46.

28/III 1914.
СПб.

Дорогой Алексей Михайлович,

мне приходится теперь (2¹/₂ ч<аса> дня) по спешным делам уйти из Сирина. — до вечера не вернусь. Зайдите завтра, я буду с утра и до 4¹/₂ ч<асов> дня. Кланяюсь Серафиме Павловне. Пришва¹ Вам позвонит по телефону.

Посылаю книжку, изданную якобы на острове Валааме; ее достал Мих <аил> Мих <айлович>² для меня. буде у Вас есть: а если у Вас такой книги нет, то берите ее себе, как дополнение к Афанасьеву³.

До завтра

Ваш Р. Иванов.

¹ М. М. Пришвин.

² Пришвин.

³ Речь идет об издании русских сказок, собранных А. Н. Афанасьевым (1826–1871), значительный корпус которых составили т. н. «заветные», непристойные сказки. Книга была отпечатана в Женеве, в 1872 году с мистифицированными выходными данными, так как в связи с цензурными запретами эти тексты не могли быть опубликованы в России. См.: Русские заветные сказки. Валаам: Типарским художеством монашествующей братии. Год Мракобесия. Второе стереотипное издание вышло там же между 1873–1878 гг. Подробнее см.: *Успенский Б. А. «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева // От мифа к литературе. Сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. М., 1993. С. 117–138: Бессмертных Л. В. Об изданиях «Русских заветных сказок» А. Н. Афанасьева (История. Гипотезы. Открытия) // Афанасьев А. Н. Русские заветные сказки. М., Париж, 1992. С. XVIII–XLV.*

47.

10 февр <аля> 1915.

Дорогой Алексей Михайлович,

хотел быть у Вас сегодня вечером — но приходится сидеть в Царском С <еле> до четверга; буду у Вас в четверг вечером, часов с 8-ми. Если приедет Пришвин — привезу с собой¹. До скорого свидания.

Ваш Р. Иванов.

¹ Ср.: «15 февраля — день моего отъезда из Петрограда на войну. Я здесь провел несколько дней <у> многих своих знакомых. Как будто все постарели — такое мое общее впечатление» (*Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. М., 1991. С. 127.*)

48.

<28.3.15. Царское Село>¹.

Дорогой Алексей Михайлович, — Серафиму Павловну и Вас поздравляем с проходящими праздниками я и Варвара Николаевна. Все думал быть в Петербурге — и все сижу дома, никого не вижу. ничего не знаю — даже телефон не действует — испорчен.

В Москву не поехал, оказалось ненужным; написал подробно Мельгунову в «Голос Минувшего»² и дал Ваш адрес для ответа, указав, что и еще есть подобные письма — даже и семьи Пестеля³. Думаю, что удастся устроить.

Всего лучшего: думаю на будущей неделе побывать в Петербурге. До свидания.

Ваш Р. Иванов.

¹ Датируется по почтовому штампе.

² Сергей Петрович Мельгунов (1879—1956) редактировал ежемесячный журнал истории и истории литературы «Голос минувшего» (М., 1913—1916).

³ Ср. с письмом Иванова-Разумника к С. П. Мельгунову от 16 марта 1915 г.: «Многоуважаемый Сергей Петрович, полгода тому назад, для последнего (так и не вышедшего) №-ра “Заветов” была набрана статья А. Ремизова “Россия в письмах”, — как раз касающаяся “юбилейной” войны 1914 года. Она так и затерялась в моих бумагах. Посылаю ее сегодня (заказной бандеролью) Вам. — быть может она подойдет для “Голоса Минувшего”. О судьбе ее — уведоьте, пожалуйста, автора (Алексей Михайлович Ремизов, СПб., Таврическая, д. 7, кв. 23). Если бы статья подошла, то у него нашелся бы еще ряд писем той эпохи (между прочим — семья Пестеля). Уважающий Вас Разумник Иванов». (На письме имеется резолюция, оставленная синим карандашом, вероятно, рукой Мельгунова: «Послано Семевскому». — РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. № 386. Л. 10). Речь идет о предложении опубликовать в журнале «Голос минувшего» подготовленные Ремизовым тексты из цикла «Россия в письмах», в частности, «Разорение, общественно случившееся» (рукопись, датированная 22 августа 1914 г., сохранилась в архиве Иванова-Разумника — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 140), а также письма семьи декабриста Павла Ивановича Пестеля (1793—1826). Публикация была осуществлена в других изданиях. См.: *Ремизов А. Россия в письмах. Разорение, общественно случившееся* // Полон. Лит. сб. Пг., 1916. С. 121—166; *он же. Россия в письменах. Живая жизнь. Письма Пестелей. 1824—1827* // Воля России. 1925. № 12. С. 3—18.

49.

9 июня 1915.

дер. *Песочки*.

ст. Сольцы, М.—В.—Р. ж-д.

Дорогой Алексей Михайлович,

вот уже месяц, как мы здесь, — и так здесь хорошо, что и в войну перестаешь верить, и в погромы московские, и в сутолоку петербургскую. Приезжайте с Серафимой Павловной хоть на две недели, посмотреть, что здесь за красота, какая река, какой лес, какой народ новгородский. Места у нас много — ждем Вас.

Пришвин не хочет сигару Сингапурскую послать для польского Сборника¹: я, говорит, уже в «Кличе» (московском) осрамился, больше не хочу. А написал он там не плохо, да одной фразой только все испортил, благочестиво-вульгарно-патриотической². Ну, теперь и стыдно. Кланяется он Вам и все писать собирается, да ждет, чтобы сами Вы сюда приехали, это лучше письма.

Что это Замятин³ и Добронравов⁴ голоса сюда не подают? Кланяйтесь им. Они тоже сюда к нам собирались.

Вот что, Алексей Михайлович: если соберетесь Вы раньше их, или они раньше Вас, то пусть первый приехавший привезет мне, хоть на несколько дней, 2-ую *Симфонию А. Белого*. Очень мне она нужна⁵.

Что слышно у Вас нового? Я за месяц от всего отстал. В переписке только с Шестовым.

Варвара Николаевна Серафиме Павловне и Вам поклоны посылает и приглашает в Песочки. Какие мужики здесь! Поведу Вас к одному из них — старик, Крюк по прозвищу: вот о войне услышите вещи неожиданные, о России, о Боге!⁶

Ваш Р. Иванов.

¹ О каком издании идет речь, установить не удалось.

² Речь идет о рассказе М. Пришвина «На братской линии» (День печати. Клич. Сборник на память жертвам войны. Под ред. И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова. М., 1915. С. 127–129). Вероятно, Иванов-Разумник подразумевает заключительную фразу рассказа, обращенную к воюющим солдатам: «Больше сея любви никто же иметь, да кто душу свою положит за други своя».

³ Евгений Иванович Замятин (1884–1937) получил литературную известность после публикации в «Заветах» повести «Уездное» (1913. № 5). Рассказ об «открытии» его литературного таланта Ивановым-Разумником см.: *Штейнберг А. З. Друзья моих ранних лет*. С. 146–148. Ср. также: «Вы очень верно отметили большую зависимость молодого и начинающего Евг. Замятина от А. М. Ремизова; хотя это и не “одно лицо”, но стиль, тема, разработка ее — все “ремизовское”. Но я не думаю, что это только “эпигонство”, т. к. в рассказе много премилых “своих” черточек. С интересом буду ждать второй вещи этого начинающего писателя». — Из письма Иванова-Разумника к Ф. Сологубу от 11 июня 1913 г. (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 296. Л. 19–20). Письма Замятина к Ремизову за 1915–18 гг. см в публикации В. В. Бузник: *Русская литература*. 1992. № 1. С. 176–179. В 1915 г. Замятин написал рассказ «Петька», первоначально предназначавшийся для сборника «Аист» (вышел в Петрограде. в 1916 г. под названием «Пряник осиротевшим детям»), в составлении и подготовке которого принимал активное участие Ремизов. В связи с этим не случайны его пометы и автографы на рукописи рассказа (См.: *Рукописные памятники*. Вып. 3. Ч. 2. *Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина*. СПб., 1997, С. 441; 512). Замятин, будучи близким «скифской» литературной группе, в полемической статье «Скифы ли?» (Мысль. Сб. 1. Пг., 1918) выступил в защиту Ремизова в его конфликте с Ивановым-Разумником.

⁴ Леонид Михайлович Добронравов (1887–1926) — прозаик, драматург, публицист. В «Заветах» (1913, № 6–10) был опубликован его роман «Новая бурса». О Добронравове см. главу «Заветы» в: *Ремизов А. Встречи*. Петербургский бумеранг. С. 256–264. Л. М. Добронравов был одним из немногих, кто разделял антивоенный и общественно-политический максимализм Иванова-Разумника: «Кажется мне, что после войны загорится такая реформа, какая его преподобию Мартину Лютеру и во сне не снилась. Будет новая религия и, может быть, начнется христианство. Хорошо в деревне! Колесо вертится медленнее и можно разглядеть спицы, каждую отдельно». (Из письма к Иванову-Разумнику от 15.08.1914 г. — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1 № 259. Л. 1об.). Сохранилось адресован-

ное Иванову-Разумнику извещение о бракосочетании Л. М. Добронравова с К. В. Клярвской 5 сентября 1915 г. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 260).

⁵ См.: *Белый А.* Симфония (2-я, драматическая). [М.:] «Скорпион», [1902]. Иванов-Разумник работал над статьей «Андрей Белый», которая была опубликована в книге «Русская литература XX века. (1890 — 1910)» (Т. III. Ч. II. [Кн. 7]. М., [1916]. С. 13–64. См. также: п. 25, прим. 1.

⁶ См. цикл статей «Деревенское», в 1916 г. печатавшийся в газете «Русские ведомости» под псевдонимом Вл. Холмский и позднее вошедший в книгу Иванова-Разумника «Перед грозой. 1916–1917» (Пг., 1923). В очерках провище старика — Сук.

50.

9–X–1915.

Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Алексей Михайлович,

был я у Вас дважды, и пробовал звонить по телефону несчетное количество раз. Вчера был я у Замятина, узнал от него, что без дров Вы сидели, и по знакомым ночевали. Отчего не написали мне? — Когда немного устроитесь, приду на новоселье¹.

Придет к Вам, с письмом от меня, некий молодой человек — А. А. Бородин². Примите его, пожалуйста, и устройте ему, что можно.

Серафиме Павловне привет.

Ваш Р. Иванов.

¹ 27 сентября 1915 г. Ремизовы переехали на новую квартиру по адресу: Петербург, Песочная, д. 8, кв. 23 (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 6. Л. 3).

² Александр Александрович Бородин — преподаватель Царскосельского реального училища. См.: *Бородин А. А.* Историко-литературный очерк деятельности Ломоносова. Речь, произнесенная препод. А. А. Бородиным на торжественном акте Царскосельского реального училища имп. Николая II 8 ноября 1911 г. СПб., 1911.

51.

10–X–1915.

Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Алексей Михайлович,

письмо это вручит Вам Александр Александрович Бородин — переводящий сербские народные песни, собр<ания> Вука Караджича¹. Пожалуйста, сделайте для него, что возможно.

Варвара Николаевна кланяется, шлет привет Серафиме Павловне. Получили ли мою открытку?

Ваш Р. Иванов.

¹ Вук Стефанович Караджич (1787–1864) — сербский писатель. См.: Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича. М., 1987. Переводы А. А. Бородина неизвестны.

52.

29 янв<аря> 1916.

Ц<арское> С<ело>¹.

Дорогой Алексей Михайлович,
просьба у меня к Серафиме Павловне и Вам: приютить меня в третий и последний раз «на верохе»² после моего заседания Литер<атурного> Фонда в Понедельник³; если разрешите -- явлюсь к Вам в 1 ч<ас> ночи. Если неудобно — Вы успеете еще черкнуть мне об этом.

Варвара Николаевна кланяется.

Всего доброго и до свидания.

Ваш Р. Иванов.

¹ Сверху имеется помета синим карандашом, предположительно рукой Ремизова: «Р».

² Верёх — северный вариант слова «верх».

³ Иванов-Разумник с 1915 г. являлся секретарем Бюро комитета Литературного Фонда (Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым). См.: Отчет Общества за 1915 г. (Пг., 1916).

53.

19-III-1916.
<Петроград>¹.

Дорогой Алексей Михайлович,
хотел быть у Вас в Воскресение — и не удастся; пишу, чтобы не ждали. Зайду в Понедельник, после 6 часов вечера.

До скорого свидания.

Ваш Р. Иванов.

¹ Устанавливается по штамплу.

54.

18/IV 1916.

Дорогой Алексей Михайлович,
был я у Вас сегодня — тщетно звонил и стучал, и по телефону потом и раньше ничего не добился, с утра и до вечера. Где это Вы? Принес Серафиме Павловне давно обещанного Леонида, ярящегося против Максима¹; возвращаю и «Летопись» (очень слабо, кроме «Людей»)². Имею всякие новости, а хороших мало. Напишите о себе. Скоро мы и уезжаем: надо до лета повидаться.

Поздравляю Серафиму Павловну и Вас с минувшими праздниками!

Ваш Р. Иванов.

Р. С. Литер<атурный> Ф<онд> назначил по 100 р<ублей> на 3 месяца: по истечении их возобновите просьбу еще на 3 месяца.

¹ Имеется в виду статья Л. Андреева «О двух душах» (Современный мир. 1916. № 1. Отд. II. С. 108–112) — полемический отклик на публицистическое выступление М. Горького «Две души» (Летопись. 1915. Декабрь. С. 123–134). в котором автор утверждал: «У нас, у русских, две души: одна — от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя, убежденного в том, что “Судьба — всем делам судья”, “Ты на земле, а Судьба на тебе”, “Против Судьбы не пойдешь”. а рядом с этой бессильной судьбой живет душа славянина, она может вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горит, быстро угасая, и мало способна к самозащите от ядов, привитых ей, отравляющих ее силы» (С. 132). Возражая Горькому, Андреев писал: «... чем больше соглашаемся мы с похвалою активности Запада, чем ненавистнее становится в наших глазах “бессильный и постыдный пессимизм”, не способный отмечать положительные явления. — тем непонятнее становится для нас позиция самого М. Горького, его собственный беспросветный пессимизм, с каким относится он к русскому народу. <...> И если вообще всякий человек нуждается в ободрении, то насколько такое ободрение <нужно> народу, который так или иначе, плохо ли, хорошо ли, борется за свою жизнь? А ведь на страницах всей статьи писателя ни единого бодрого слова о русском народе, ни единого просвета в непроницаемой тьме, которою окутаны обе “Души” его!» (С. 110). См. также: *Рейсер М.* Пролетариат и мещанство. Две души русского народа в учениях Леонида Андреева и Максима Горького. Пг., 1917.

² Вероятно, речь идет о апрельской книжке ежемесячного журнала «Летопись», который в течение всего 1916 г. публиковал повесть М. Горького «В людях».

55.

13–V–1916.
СПб.

Дорогой Алексей Михайлович,

перед отъездом скопилось у меня столько дел, что зайти к Вам не удалось. А о деле Вашем¹ — дважды говорил и с Серг<еем> Дм<итриевичем>² и Мих<аилом> Конст<ангиновичем>³. Толку не вышло ни в каком месте: оба ничего сделать не могут и пугей не знают. Советуют действовать обычным путем, через непосредственное начальство. Так вот, к сожалению неудачей все кончилось, и очень неприятно мне об этом Вам сообщать.

Завтра уезжаем в деревню: напишите о себе, где и как устроитесь. Адрес наш: *Сольцы, Псковск. губ. (Моск.-Влад.-Рыб. ж. д.). Деревня Песочки.* Серафиме Павловне кланяемся, Вам обоим желаем хорошего лета, — насколько оно может быть хорошо в 1916 году.

Ваш Р. Иванов.

¹ Возможно, речь идет о понсках работы для А. М. Ремизова.

² С. Д. Масловский.

³ М. К. Лемке.

12 июля 1916¹.
Сольцы, Пск<овской> губ.
дер. Песочки.

Дорогой Алексей Михайлович, не очень верю я в письма «с передачей», но если получите это письмо мое — сообщите свой адрес. Где Вы и долго ли еще пробудете «там где»? Мы пробудем в Песочках до середины Августа.

Получаю много писем, но мало кого вижу. Писал Добронравов мне, что Вы поручили ему квартирное дело; на это не надейтесь, Алексей Михайлович, — но если в начале Августа попадете в Петербург, то быть может и посчастливится найти.

Что повесть³, что пьеса? О последней читал я в «Биржевке» несуразное что-то (о заглавии)⁴.

Призыв 15/VII Вас не коснулся (как и меня)⁵; но «Андрей Белый», Блок — как они? С обоими я в переписке и обоим пишу сегодня⁶.

Серафиме Павловне шлем привет; что Песочки — не по дороге ли из Черниговской губернии?

Ваш Р. Иванов.

¹ На письме помета А. М. Ремизова красным карандашом: «Ивраз 20VII».

² Ср.: «Алексей Михайлович бросает квартиру, складывает все добро к Пясту <...> и уезжает с Сераф<имой> Павл<овной> в Черниговскую губернию, а потом — неизвестно куда. Книги его печатать никто не берет, и за последнюю-то “Лукоморье” заплатило бесстыдно мало» — Из письма А. А. Блока к Иванову-Разумнику от 8 июня 1916 г. (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 399). См. также: п. 33, прим. 2. См. также письмо Ремизова В. С. Миролюбову от 17 июня: «Квартиру мы нашу Песочную бросили, вещи свезли на Теряеву, комнату сняли там, а нового не нашли себе жилья, и поехали на волку Божью» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 998. Л. 8).

³ Возможно, речь идет о повести «Ров львиный» (другие авторские названия — «Плачужная канава», «Канава»), над которой Ремизов работал в 1914–1918 г.

⁴ В заметке «Между двух миров», помещенной в рубрике «Театр и музыка», сообщалось: «Алексей Ремизов уехал на отдых в Черниговскую губернию. В течение лета он будет заканчивать свою новую пьесу “Между двух миров”» (Биржевые ведомости. 1916. 4 июня. № 15597. С. 6). Драматическое произведение под таким названием неизвестно.

⁵ 7 июля 1916 г. был обнародован высочайший указ о «призыве ратников I и II разрядов». Следующий призыв был назначен на 15 июля, но 12 июля последовала отсрочка до 15 августа. Призыв для ратников 1898 г., под который подпадал Ремизов, был обнародован 23 октября 1916 г. После прохождения медицинской комиссии и обследования в госпитале 28 декабря он не был признан годным к военной службе. См. об этом: *Ремизов А.* Вихренная Русь. С. 223–229; *Ремизов А.* Письма И. А. Рязановскому. 1915–1919 // РНБ. Ф. 634. Оп. 1. № 33. Л. 8–9.

⁶ Б. Н. Бугаев (Андрей Белый) был призван на военную службу 20 сентября 1916 г., но получил отсрочку, которая несколько раз продлевалась до марта 1917 г. (См.: Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А. В. Лавров // Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988. С. 790). А. А. Блок был призван на военную службу согласно призыву 7 июля 1916 г. и зачислен табельщиком в 13-ю инженерно-строительную дружину Всероссийского союза земств и городов. 26 июля он выехал в расположение дружины (район Пинских болот). В письме к Блоку 15 июля 1916 г. Иванов-Разумник писал по поводу мобилизации Белого: «Получил <...> большое письмо его и очень обрадовался за “призыв”: из тяжелой и гнусной мути войдет он снова в живую жизнь <...> Рад был узнать, что Вы едете в “действующую армию” — рад потому, что противно смотреть на сотни патриотов, уютно пристраивающихся в столице. Уверен и за Бор<иса> Ник<олаевн>ча, что поступит он по совести. Когда мой призыв (1900 года) — поступлю по своей совести и я; поступки будут различны, но верность своей вере одинакова» (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 401).

57.

21 авг<уста> 1916.⁹

Песочки.

Дорогой Алексей Михайлович,

очень Вы меня огорчили письмом (месяц тому) о всяких бедах Ваших¹; хотел было ответить — да Вы написали: «30/VII уезжаем из Москвы» — куда? Адреса не было. Написал Шестову. На днях только (он был где-то на Оке) получил ответ; узнал, что Вы в Петербурге. Если письмо это скоро дойдет до Вас, напишите мне в Царское, где Вы? В Царское Село мы возвращаемся к 28 августа.

Лето провели так интересно и хорошо, что хоть бы и не по нынешним временам; как в «Чайничке»², из прошлогоднего моего письма: «почти забыли, что война»³. Рад был узнать, от Л<ьва> И<сааковича>⁴, что он «что-то» собирается устроить для Вас. Как-то квартира? Как-то жить будем? Для всех нас зима будет тяжелая.

Варвара Николаевна кланяется; привет Серафиме Павловне.

Ваш Р. Иванов.

¹ Письмо написано на почтовой карточке, адресованной в Петроград, в Русский Торгово-Промышленный Банк, инспектору Федору Ивановичу Щеколдину «для А. М. Ремизова». На открытке помета Ремизова черными чернилами — «29 сент<ября>».

² Лето 1916 г. для Ремизовых было осложнено трудностями с поиском новой квартиры, чем, вероятно, объяснялись их достаточно частые перемещения. Так, 29 июня они остановились в Москве, проездом с Украины, где провели весь июнь. 31 июля Ремизовы приехали во временную петербургскую квартиру, по адресу: Песочная, 24 А, кв. 11. (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 6. Л. 4).

³ Рассказ Ремизова «Чайничек» впервые был опубликован в журнале «Русская мысль» (1915. № 10. С. 143–163). Примечательна запись в дневнике писателя Б. А. Лазаревского от 14 октября 1915 г.: «Сегодня в редакции “Ежемесячного” миролюбовского журнала я слушал чтение автором А. М. Ремизовым своего рассказа “Чайничек” — удивительный рассказ! Как высоко поднимается русская литература — что значит душа у нее огромная. Сильно чувствуется. Пришли: В. Муйжель, Е. Чириков, А. Ремизов, Чапыгин, С. Городецкiй, сибиряк Шишков и другие <...>» (ИРЛИ. Ф. 145. № 10. Л. 17).

⁴ См.: п. 49. Ср. с фразой из письма одного из героев рассказа «Чайничек»: «Вот уж месяц, как мы здесь, и так хорошо, что и в войну перестали верить» (Русская мысль. С. 146).

⁵ Л. И. Шестов.

58.

10 сент <ября> 1916¹.
Царское Село.
Колпинская, 20.

Дорогой Алексей Михайлович,

заказное письмо сегодня получил и сегодня же послал его (опять заказным) М. Б. Исаевой². Адрес ее таков: Фонтанка. 24. Она писала нам в Песочки, что 4/IX уезжает из Артека, значит теперь она уже дома.

Приедете — сообщите; как дела квартирные? В городе — безнадежно, но если решитесь последовать нашему примеру. «загородному», то устроиться еще есть возможность. — знакомым москвичам привет, если увидите; Варвара Николаевна и я кланяемся Серафиме Павловне. До близкого свидания.

Ваш Р. Иванов.

Р. С. Кланяйтесь Льву Исааковичу, да скажите ему: писал я ему в середине или конце Августа, а ответа нет. В Москве ли он? И еще: не пришлет ли с Вами новую статью свою, если списана³?

¹ Почтовая карточка адресована в Москву, Кречетниковский пер., д. 13, кв. 1. кв. Д. Е. Жуковского, А. М. Ремизову. На открытке помета Ремизова карандашом — «12.IX».

² Мария Борисовна Исаева упоминается в «Дневнике» Ремизова за 1920 г. (См.: *Ремизов А. Дневник 1917–1921* / Подг. текста А. М. Грачевой и Е. Д. Резникова. Вступ. заметка и комм. А. М. Грачевой // *Минувшее. Исторический альманах*. 16. М.–СПб., 1994. С. 497).

³ Речь идет о статье Л. Шестова «Музыка и призраки» (Скифы. Сб. 1. Пг., 1917. С. 213–232). наборная рукопись которой с незначительной авторской правкой сохранилась в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 162). 8 января эту рукопись Шестов переправил из Москвы вместе с С. А. Венгеро-

вым (См. письмо Шестова к Ремизову от 12 января 1917 г. // Русская литература. 1992. № 4. С. 123). Позднее вошла в книгу Л. Шестова «Власть ключей» (Берлин: «Скифы». 1923).

59.

15 сент<ября> 1916.
Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Алексей Михайлович,

получив Ваше последнее письмо — позвонил я к Гржебину¹: могу успокоить Вас, все будет благополучно. Вещи он перевезет в какой-то музей, если Вы не получите до того ответа от Лансере²; Пяст³ ждет до 20-го. Постарайтесь снести с Лансере немедленно, телеграфом; если бы дело с его квартирой устроилось — это был бы наилучший исход. Квартиру найти — тщетная надежда; даже в Царском Селе и Павловске все переполнено.

Письмо заказное получил и переслал Исаевой тоже заказным (адрес ее — Фонтанка, 24)⁴.

Вчера провел у нас «день и ночь» — Бугаев; если увидите его в Москве — кланяйтесь. Я впервые видел его по-настоящему и еще больше его полюбил; один из немногих людей, у которого за душой есть подлинное, кровное⁵. Что же Лев Исаакович⁶ молчит? Кланяйтесь вторично.

Серафиме Павловне и Вам привет. До свидания в квартире Лансере.
Ваш Р. Иванов.

¹ Зиновий Исаевич Гржебин (1869–1929) — совладелец издательства «Шиповник».

² Евгений Евгеньевич Лансере (1875–1946) — живописец, член «Мира искусства».

³ Владимир Алексеевич Пяст (наст. фам. Пестовский; 1886–1940) — поэт.

⁴ См. п. 58, прим. 2.

⁵ Андрей Белый гостил в Царском Селе у Иванова-Разумника 14–15 сентября 1916 г.

⁶ Л. И. Шестов.

60.

<Декабрь 1916>¹.

Дорогой Алексей Михайлович,

— незадача! Дела были всякие, а Вас дома нет. — С Новым годом Вас, зайду уже в 1917 году. Серафиме Павловне кланяемся. «Стремнины»² оставляю: и две тетради: мертвую и живую³.

Ваш Р. Иванов.

¹ Датирован предположительно по содержанию. Текст написан на визитной карточке Разумника Васильевича Иванова.

² Имеется в виду альманах «Стремнины» (Кн. 1. М., 1916), где было опубликовано произведение Ремизова «Кумова кровать. Тотемская бывальщина» (С. 55–60).

³ Подразумеваются альбомы, в которых Ремизов, находясь в военном госпитале на обследовании с 24 октября по 6 декабря 1916 г., зарисовывал свои реальные впечатления о различных рецидивах жизни на фронте и в тылу. 24 декабря Ремизов писал И. А. Рязановскому: «Выпущен я на волю, но еще билета не получил, по которому отпускаюсь впредь до распоряжения, т<о> е<сть> до первого призыва: чего я только навидался, сколько жадного хищного мяса в душной утробе человеческой и скотства людского» (РНБ. Ф. 634. № 33. Л. 9). Об одной из таких рисованных «хроник» упоминает в своих дневниках Е. Ф. Книпович: «смотрела “Книгу мертвую” — сборник лазаретных рисунков, когда он там лежал на испытании. Сборник всяческих бед, смерти, боли, страдания человеческого» (Книпович Е. Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 26). По-видимому именно с этих тетрадей в творчестве Ремизова утверждается жанр графического дневника, в эскизных рисунках фиксирующего острейшие жизненные переживания. Следующим по времени подобным дневником стал альбом рисунков «Последний путь из России. 1921. 5 августа» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 44).

61.

24 янв<аря> 1917.

Дорогой Алексей Михайлович,

расклеился я немного, и дня два-три просижу дома. Не попаду ни к Вам в Среду, ни на Гершензона в Четверг¹. Передайте ему привет от меня; если заглянет в Царское Село, буду очень рад.

А у Вас буду в Понедельник, 30-го.

Кланяемся обоим Вам оба.

Ваш Р. Иванов.

¹ Имеется в виду лекция М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина», прочитанная 26 января 1917 г. в концертном зале Тенишевского училища (Моховая, 33). Газета «Речь» в рубрике «Хроника» (26 января. № 24. С. 5) опубликовала ее тезисы, а в кратком отчете «Мудрость Пушкина» (28 января. № 26. С. 4–5) сообщала: «Лекция, привлекавшая многочисленную аудиторию, среди которой преобладали представители литературного мира и пушкинских семинаристов при высших учебных заведениях, была выслушана с большим вниманием и вызвала оживленные толки в перерыве и после лекции, награжденной аплодисментами».

20-I-1918 г.¹

Дорогой Алексей Михайлович,

— контора «Скифов» поручила мне переслать Вам «Женщин» — с просьбой возможно скорее вернуть². Для этого надо позвонить по № 105–98, в типографию, вызвать Веру Ефимовну и попросить, чтобы она прислала за корректурой.

Всего Вам хорошего, кланяюсь Серафиме Павловне.

Ваш Р. Иванов.

¹ Письмо написано на бланке «Рабочей газеты “Знамя труда”, органа Петроградского Комитета Партии Социал<нстов>-Революционеров». Датируется по помете Ремизова красными чернилами — «20 I 1918».

² Речь идет о подготовке издания книги А. М. Ремизова «Русские женщины. Народные образы» в издательстве «Скифы». В архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 237) сохранился черновик <?> письма на бланке с издательской маркой «Скифов»; с правкой и датой, проставленной синим карандашом рукой неизвестного лица (приводится в угловых скобках): «Контора издательства “Скифы” уведомляет А. М. Ремизова, что книга “РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ” выпущена издательством. <Половина> гонорар<a> в размере <500> 250 руб. И 50 авторских экземпляров могут быть получены Вами немедленно к к<онто>ре издательства (Лиговка, 44 по вторн<икам>, четв<ергам>, субб<отам> от 12–2 часов дня: спросить Ольг. Дмитр. Коноплеву, заведующую конторой “Нашего Пути”). <Вторая половина гонорара будет уплачена Вам по течение июня месяца>. Заведующая редакцией. <1 июня 1918 г.>» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 237).

11/IX 1919.¹

Дорогой Алексей Михайлович,

с Четверга сижу дома больной (бронхит) и вряд ли попаду в город в течение всей недели. Если разговоры наши не спешны — отложим на неделю, если спешны — приезжайте ко мне, я не лежу, а хожу и сижу.

Серафиме Павловне привет; всего доброго.

Ваш Р. Иванов.

¹ На письме помета Ремизова карандашом: «ИР. Ида Елисеевна, к. 9».

16 сент <ября> 1919.

Дорогой Алексей Михайлович,
 просидев дома с неделю (бронхит) — начал выходить; буду у Вас в
 Пятницу в 12 1/2 дня — ровно через неделю после обещанного.
 Привет Серафиме Павловне и Вам.

Ваш Р. Иванов.

27 ноября 1919 г.¹

Дорогой Алексей Михайлович,
 мне приходится, в суете, поднимать такие Гималаи своего архива,
 что не мог доселе найти «Пруд»; переискал в четырех шкапах. значит
 он в пятом, и сегодня же вечером я его раскопаю — и привезу с собой
 в Воскресенье 30/XI на открытое заседание нашей «Скифской Акаде-
 мии»². Буду здесь от 1 до 5 ч <асов> дня. Если за рукописью никто не
 явится, то оставляю ее у Антонины Петровны³ — у ней и спросите.

Зайдите переговорить, кстати, об устройстве вечера из Ваших про-
 изведений — у нас намечается ряд вечеров⁴.

Привет и до свидания.

Ваш Р. Иванов.

¹ Письмо написано на бланке «Кооперативного книгоиздательского това-
 рищества «Колос», Петроград, пр. Володарского (б. Литейный), 21».

² Речь идет о Вольной философской ассоциации (1919–1924), которая возникла по инициативе Иванова-Разумника, Конст. Эрберга, А. Блока, А. З. Штейнберга, А. Белого и др. Своей основной целью Ассоциация поставила философское и творческое осмысление отечественной и мировой культурно-политической ситуации в духе «скифства» (См.: Белоус В. Г. Петроградская Вольная философская ассоциация (1919–1924) — антитоталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997). Уместно обратить внимание, что упоминаемое в письме третье открытое заседание Вольфилы (доклад А. З. Штейнберга «Развитие и разложение в современном искусстве») в хронике Е. В. Ивановой «Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни» ошибочно датировано 1 декабря (Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1992 г. СПб., 1996. С. 30).

³ Вероятно, имеется в виду одна из сотрудниц издательства «Колос», в помещении которого проходили первые заседания Вольфилы.

⁴ Творческий вечер Ремизова в петроградской Вольфиле состоялся 15 июля 1920 г. (См.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 1; Мовиенсон А. Вечер Алексея Ремизова // Жизнь искусства. Пг., 1920. 24–25 июля. № 512–513. С. 1). 21 ноября 1920 г. предполагалось открыть клуб ВФА беседой с писателем. Об отношении Ремизова к Берлинскому отделению Вольной философской ассоциации см.: Обатнина Е. Р., Белоус В. Г. Берлинская Вольфила (1921–1922): хроника // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 141–155.

1 мая 1942¹.

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович — воистину воскресе! И Варв<ара> Ник<олаевна> и я очень обрадовались весточке от Вас², и если я сегодня еще не пишу Вам большого письма, то лишь потому, что хочу первой ласточкой послать эту открытку: дойдет — тогда напишу Вам большое, настоящее письмо, и даже пошлю «ingeschrieben»*. А пока жду от Вас только хотя бы открытку с извещением, что эта моя открытка Вами получена. Но еще лучше — если напишете подробно: ведь Ваше письмо дошло же! И шло не очень долго: с 21 по 30/IV. Значит жду!

Да, воистину воскресаем мы теперь друг для друга, — ведь больше двух десятков лет были отрезаны, и без всякой надежды не то, что увидиться, но даже списаться. Война решила иначе. Из Царского Села нас с Варв<арой> Ник<олаевной>, в качестве Volksdeutsch'ей** (ведь В. Н. — «geboren Ottenberg»***) эвакуировали в Кониц, где пока находимся в карантине³. Дальнейшее пока неизвестно, но надеемся на лучшее, — по крайней мере на отдых после многих лет моих тюрем и ссылок в СССР. Всего сразу не расскажешь! — Вот и о Мих<аиле> Мих<айловиче> Пришвине расскажу Вам чудеса (я жил у него в Москве в 1940 году)⁴. Да и от Вас и про Вас надо столько узнать! Пока списался только с милейшим Серг<еем> Порф<ирьевичем>, который отнесся к нам, как к родным и глубоко нас тронул⁵. А весточка от Вас — большая радость: ведь воистину воскресаем мы друг для друга! Пишите. Ваши В. Н. и Р. В. Ивановы.

¹ На почтовой карточке помета А. М. Ремизова: «15 V».

² Адрес Иванова-Разумника был, вероятно, сообщен Ремизову А. Л. Бемом, которому Иванов-Разумник писал 14 апреля 1942 г.: «В заключение — еще раз сердечное спасибо за доставленную Вашим письмом радость и за отзывчивое Ваше отношение. Вы напрасно думаете, что мой вопрос — говорит ли Вам что-нибудь мое имя? — происходит из ложной скромности. За минувшие четверть века такие дела вершились и свершились, что и более крупные имена стертые или забыты, — как, например, совершенно забыт и неизвестен в России крупнейший художник А. М. Ремизов, о котором Вы мне пишете. Кстати, каков его парижский адрес?» (Прага. Литературный архив Музея национальной литературы. Фонд А. Л. Бема).

³ О пребывании Ивановых в лагере для «перемещенных лиц» см.: Раевская-Хьюз О. Иванов-Разумник в 1942 году // Блоковский сборник. XIII. Тарту, 1996. С. 214–232.

* заказным (нем.)

** здесь: лиц немецкой национальности (нем.)

*** урожденная Оттенберг (нем.)

⁴ В январе-июне 1940 г. Иванов-Разумник по договору с Государственным литературным музеем занимался описанием архива М. М. Пришвина. См.: *Иванов-Разумник*. Архив Михаила Михайловича Пришвина. Опись. Отрывок // ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 34.

⁵ Сергей Порфирьевич Постников (1883–1965) — секретарь редакции журнала «Заветы» (1912–1914); в эмиграции — заведующий библиотекой Русского исторического архива в Праге. Местонахождение писем Иванова-Разумника к С. П. Постникову неизвестно.

67.

4 мая 1942¹.

Дорогой Алексей Михайлович, — посылаю эту открытку в догонку первой, которую послал 1 мая (Ваше письмо получил 30/IV), — и вот почему:

Написал мне из Anglet Георгий Иванов² с просьбой ответить: я и ответил, но открытка моя, прогуляв 10 дней, сегодня вернулась ко мне обратно, ибо была недостаточно оплачена (без дополнительных марок). Боюсь, что и мою открытку от 1/V к Вам постигнет та же участь, сегодня пишу вторично и наклеиваю лишние марки. Повторяю и то, что сказал в первой открытке:

Дорогой Алексей Михайлович, — вот уж порадовали своим письмом! «Невероятное здесь совершается»³, — кто бы мог поверить этому еще год тому назад! Пишите побольше о себе и обо всех; — как только увижу, что письма доходят — напишу Вам обстоятельнейше. И о Мих<аиле> Мих<айловиче> Пришвине расскажу — чудеса!

Дорогая Серафима Павловна — воистину воскрес! И Варв<ара> Ник<олаевна> и я радуемся возможности возобновить с Вами пока хоть письменную связь, а потом — кто знает! — может быть и встретиться!

Буду ждать ответа на обе, или хотя бы на одну из этих открыток; как только получу ответ — сразу напишу Вам уже не «открытку», а «закрытку». Адрес наш будет действителен, по всей вероятности, еще месяца 1½–2, если не больше. Пишите!

А все-таки хорошо, что мы все четверо исполнили пушкинский завет и «постарались быть живы»!⁴

Р. Иванов.

¹ На почтовой карточке помета А. М. Ремизова: «15 V».

² Местонахождение писем Иванова-Разумника к Георгию Владимировичу Иванову (1894–1958) неизвестно.

³ Перевод латинского выражения «incredibile dictu».

⁴ Иванов-Разумник имеет в виду слова из письма к М. П. Погодину (начало ноября 1830 г.): «Прощайте, будьте живы» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.* Т. 14. Переписка 1828–1831. М., 1941. С. 122).

In russischer Sprache

27 мая 1942¹.

Дорогой Алексей Михайлович,

я в свою очередь получил Вашу открытку (от 16/V). — это дает мне надежду, что и настоящая «закрытка» дойдет до Вас; впрочем для большей верности пошлю это письмо заказным.

С чего начать — вот и не знаю: за те 20 лет, что мы с Вами не виделись, целые Ниагары событий прошли перед нами. О себе рассказывать не собираюсь: в «Новом Слове» от 10 и 17 мая напечатаны два моих очерка², в первом из которых находится и краткая моя автобиография — как раз за последние 20 лет. Рассказывать про общих знакомых — тоже не стоит: ведь еще лет пять тому назад жил-был у Вас Евг<ений> Ив<анович> Замятин³, рассказавший Вам, конечно, про все наши тогдашние новости, — и о том, что Вячесл<ав> Шпшков женился на двоюродной молоденькой племяннице (брак оказался очень счастливым, но — оба они теперь — в осажденном Петербурге)⁴, и о том, что Ольга Форш стала знаменитой писательницей и «орденоноской»⁵. . . Но вот Вы в обоих письмах несколько раз упоминаете про Михалмихалыча Пришвина; о нем могу для начала рассказать такое, что Вам еще неизвестно.

Вы пишете: «как М. М. Пришвина калечили — приходилось читать». Недоумеваю, о чем речь и что Вы читали? О нем много вздора писали и пишут (например, в «Новом Слове» от 24/V — совершенная ерунда)⁶. Сам себя он именует: «литературный барин, но опальный», опальный потому, что получил самый жалкий орден — «Знак почета», — в то время как другие его литературные сверстники (не говоря уж о молодежи) получили ордена высшей марки⁷. Во всяком случае — он богат, благоденствует, имеет прекрасную квартиру в Доме Писателя (на Лаврушинском пер., против Третьяковской галереи), имеет дом с большим садом в Троице (ныне город Загорск). Ни разу не слышал от него, чтобы его «калечили» при печатании: и «Кашеева цепь»⁸ и позднейшие работы — прошли без всяких цензурных купюр. Кстати, читали ли Вы последние его (и прекрасные) вещи: «Корень жизни»⁹, и «Неодетую весну»¹⁰ и «Фацелию»¹¹? Первая переведена на немецкий¹² и английский языки¹³, причем роскошное, «золотое» английское издание сопровождается предисловием проф. Гексли¹⁴, восторженно отзывающегося об этой книге (ее второе название — «Жень-шень»). Так что вот: Михалмихалыч благоденствует, зарабатывает (т. е. теперь надо сказать — зарабатывал) тысяч 50–100 в год; несмотря на свои «подсемьдесят» (он родился в 1873 году) — очень бодр, по-прежнему — страстный охотник, делающий иной раз по 40 верст в день с ружьем в

руке. Бодрость и молодость его проявились воочию, когда он два года тому назад влюбился — да еще как! Развелся с Ефросиньей Павловой¹⁵ (большие трагедии были) и женился на сорокалетней, но весьма сохранившейся «Валерии-Калерии»¹⁶ (так он прозвал свою новую жену). Все это происходило на моих глазах (я жил тогда в Москве), в первую половину 1940-го года¹⁷. Молодожены безмерно счастливы — по крайней мере были такими до начала войны, когда я получил от Михалмихалыча последнее письмо; они уезжали из Москвы на восток — куда-то на Алтай, чтобы пережить там «грозу военной непогоды».

Лист пришел к концу, надо и письмо кончать; пусть оно будет — «пришвинским», а продолжение — в следующий раз, когда узнаю, что это мое письмо получили Вы благополучно.

Оба мы шлем приветы и кланяемся

Серафиме Павловне и Вам, Алексей Михайлович.

Р. Иванов.

Р. S.¹⁸ Получил письмо от Бор<иса> Зайцева и сегодня же отвечаю ему¹⁹. За это время прочел кое-что и Ваше, и его: Ваше — роман «С огненной пастью»²⁰, его — роман «Золотой узор»²¹ и «Дом в Пасси»²². Много еще надо мне прочитать, чтобы «ликвидировать безграмотность» за 20 лет!

Р. P. S. Из сегодняшнего «Нового Слова» узнал, что приехали Ната и Тата Гиппиус²³!

Р. P. S. А где теперь наш «Сирин»? — не писатель Набоков²⁴, а Михаил Иванович²⁵? Если переписывается с ним — поклон ему от меня.

NB: Отправляя это письмо — получил Ваше и Серафимы Павловны (от 19/V); ответ — за мною, на днях.

¹ На письме помета А. М. Ремизова: «8 VI».

² Речь идет об очерках «Хождение над бездной» (Новое слово. 1942. 10 мая. № 37) и «Две жизни султана Махмуда» (17 мая. № 39).

³ Е. И. Замятин выехал из СССР в октябре 1931 г.; с февраля 1932 г. проживал в Париже.

⁴ Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) с января 1927 г. жил в Детском Селе (Колпинская, 20), по соседству с Ивановым-Разумником. В июне 1927 г. он женился на Клавдии Михайловне Шведовой. Зимой 1941–42 гг. Шишковы провели в блокадном Ленинграде, после чего, в апреле 1942 г. были эвакуированы. См.: Шишкова К. М. Незабываемые годы, прожитые вместе // Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1987. С. 130–151.

⁵ В мае 1938 г. торжественно отмечалось 65 лет со дня рождения О. Д. Форш, а в ноябре — 30-летие ее литературной деятельности (См.: Литературная газета. 1938. 20 ноября. № 64. С. 3). 31 января 1939 г. «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы» она была награждена орденом Трудового Красного знамени.

⁶ Ср.: «Писатели с истинно русской душой, не желавшие выслуживаться и пресмыкаться перед еврейскими критиками, всячески притеснялись и вытеснялись из художественной литературы. Поистине трагична судьба замечательного русского прозаика, тончайшего художника слова Михаила Михайловича Пришвина. Его роман “Кашеева цепь”, являющийся изумительной поэтической хроникой жизни русского человека, был встречен еврейской критикой в штыки, усмотревшей в нем “идеализацию помещицкого уклада жизни”. Когда Пришвин выпустил свою последнюю книгу “Неодетая весна”, присяжные еврейские критики открыли по ней огонь, обвиняя писателя в “пантеизме и религиозной проповеди”. Пришвин был вынужден удалиться от этой травли в маленький городок Переяславль-Залесский и совершенно обособиться от литературной жизни». — *Горский И.* Евреи и русская литература // Новое слово. 1942. 24 мая. № 41. С. 6.

⁷ 31 января 1939 г. большая группа советских писателей «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы» была награждена орденами СССР; среди них: 21 — орденом Ленина, 49 — орденом Трудового Красного знамени, 102 — орденом Знак Почета. М. М. Пришвин был среди награжденных орденом Знак Почета.

⁸ Различные редакции автобиографического романа Пришвина «Кашеева цепь», над которым писатель работал в 1920–30-х гг., публиковались в собраниях сочинений 1927–30 гг. (т. 5–6) и 1935–39 гг. (т. 2).

⁹ Речь идет о повести «Жень-шень», которая впервые была опубликована в журнале «Красная новь» под заглавием «Корень жизни» (1933. № 3. С. 83–124). См. также: *Пришвин М.* Жень-шень. Корень жизни. М., 1934.

¹⁰ Октябрь. 1940. Кн. 4–5. С. 24–90.

¹¹ Новый мир. 1940. № 9. С. 64–86. Позднее поэма «Фацелия» публиковалась как первая часть книги «Лесная капель».

¹² *Prishvin M.* Einfeng. Die Wurzel des Lebens. Berlin, 1935.

¹³ *Prishvin M.* Jen Sheng: the root of life. London, 1936.

¹⁴ Джулиан Сорелл Хаксли (1887–1975) — английский биолог, философ; один из создателей современной синтетической теории эволюции.

¹⁵ Ефросинья Павловна Смогалева (1883–1953) — первая жена М. М. Пришвина.

¹⁶ Валерия Дмитриевна Лиорко (в замужестве Лебедева; 1899–1979) — вторая жена М. М. Пришвина.

¹⁷ Ср.: «Дела на Лаврушинском наружно наладились, но под лавой горит огонь. ММ снял домик в деревне под Бронницами (1 1/2 часа езды от Москвы на автобусе), в совершенном восторге от местности и собирается вот-вот переехать туда. В Загорске остается его комната, куда он обещается наезжать раза два в месяц на день-другой. Но за его спиной ведутся какие-то шушуканья у Ефр<осиньи> П<авловны> с сыном (Львом) и с “сродственниками”. Результатом пока явилось письмо без подписи на пишущей машине, полученное на днях Калерией-Валерией, переданное ею ММ, — и им показанное мне. Письмо такое очаровательное, что не могу удержаться от искушения переписать его здесь:

“О боже, боже!

Незнаю даже, как назвать вас.

Как вам было не стыдно, не совестно — увлечь старца!

Вы не сумеете ухаживать за ним, оберечь его.

Помните, что за судьбу старца вы ответите перед государством!”

Это прелестное стихотворение в прозе Ефр<осинья> П<авловна>, очевидно, диктовала, а Лев Алпатов выстукивал на машинке. Я сказал ММ, что отныне буду именовать его не иначе, как “государственным старцем”, что привело его в восторг. Одним словом — под левой кипит и клокочет огонь и может в любой момент повести к новому извержению. Жаль по человечеству страдающую женщину, но все же — нельзя быть такой фиолетовой душой» — Из письма Иванова-Разумника к В. Н. Ивановой от 31 марта 1940 г. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 200. Л. 82). См. также: *Пришвин М. М. Мы с тобой*. По дневнику 1940 года / Сост. и сопров. текст В. Д. Пришвиной // Дружба народов. 1990. № 6. С. 236–269; № 7. С. 264–269; № 8. С. 262–270; № 9. С. 217–255.

¹⁸ Здесь и далее приписки — на полях.

¹⁹ Сохранились два письма Иванова-Разумника к Борису Константиновичу Зайцеву (1881–1972) от 27 мая 1942 г. и 8 мая 1946 г. См.: Письма Р. В. Иванова-Разумника Б. К. Зайцеву / Публ. и прим. В. Г. Белоуса, Я. В. Леонтьева и Ж. Шерона // Звезда. 1996. № 3. С. 114–116.

²⁰ Воля России. 1924. № 14–19; 1925. № 1–3.

²¹ Современные записки. 1923. Кн. 15–17; 1924. Кн. 18–22; 1925. Кн. 23–24.

²² Современные записки. 1933. Кн. 51–54.

²³ Гага — Наталья Николаевна Гиппиус (1880–1963); Тата²³² — Татьяна Николаевна Гиппиус (1877–1957). В отделе «Розыски» (Новое слово. 1942. 27 мая. № 42. С. 8) было напечатано следующее объявление: «Татьяна и Наталья Николаевна ГИППИУС (художницы) ищут своих сестер: Зинаиду Николаевну ГИППИУС–МЕРЕЖКОВСКУЮ (писательницу), Анну Николаевну Гиппиус (врача) и Ант<она> Владимировича Карташева, а также просят откликнуться всех родных и знакомых. Писать: Stettin, Postlagermd, für GIPPIUS». О Т. Н. Гиппиус см. вступ. статью С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова к публикации писем А. А. Блока к Т. Н. Гиппиус (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 209–214).

²⁴ Владимир Владимирович Набоков (1899–1977) публиковал свои произведения в эмигрантской печати под псевдонимом *Сирин*.

²⁵ Имеется в виду Михаил Иванович Терещенко (1886–1958) — сахарозаводчик, меценат, министр Временного правительства; в 1912–1915 гг. организатор и совладелец (вместе с сестрами) издательства «Сирин».

69.

29–VI–1942.

Lieber Alexei Michajlowitz!

Ich muss Ihnen in deutscher Sprache schreiben, was Sie garnicht stören muss mir in russischer Sprache zu antworten. — Ich habe Ihnen so lange nicht geschrieben, denn ich habe in Mai und Juni eine Änderung unseres

Schicksals und unserer Adresse erwartet, denn man erwartete die Ankunft in unser Beobachtungslager einer Kommission aus Berlin, die den Entschluss über unser Schicksal nehmen musste; jetzt erwarten wir sie im Juli. Wie es sich nur etwas aufklären wird, werde ich es Ihnen sogleich mitteilen; vorläufig schreiben Sie nach früheren Adresse.

Ich möchte viele von Ihren Büchern lesen, besonders «Взвихренную Русь», von dem ich gelesen und viel gutes gehört habe. Ich hoffe es einmal zu bekommen und dann werde ich es lesen.

Heute schreibe ich nicht mehr; B. N. wollte noch an Serafima Pawlowna schreiben.

Mein innigster Gruss Ihnen und S. P.

Ihr R. Iwanow.

P. S. — 2-VII-1942.

Die Absendung meines Briefes ist verspätet: in diesem post-scriptum füge ich zwei Bitten meiner Barackennachbarn zu:

1) Wissen Sie nicht, wo sich jetzt *Sergius Makowskij* befindet und seine Adresse?

2) Wissen Sie nicht Prosorowskij, Jurij Michailowitsch (geboren 1902) aus Zarskoje Selo, in Paris seit dem 1917 Jahre; zufälligerweise kennen Sie nicht auch seine Adresse?

R. I.

29-VI-1942 г.

Дорогой Алексей Михайлович!

Мне приходится писать Вам на немецком языке¹, что никак не должно Вам мешать отвечать мне на русском. — Я Вам так долго не писал потому, что ожидал в мае и июне изменение нашей судьбы так же как и нашего адреса, так как ожидалось, что к нам в наблюдательный лагерь прибудет комиссия из Берлина, которая должна принять решение о нашей судьбе; теперь мы ее ожидаем в июле. Как только это дело немного выяснится, я Вам немедленно сообщу; пишите пока что по прежнему адресу.

Я бы хотел прочесть многие из Ваших книг, особенно «Взвихренную Русь», о которой я читал, а также слышал много хорошего². Надеюсь получить ее когда-нибудь, тогда я ее и прочту.

Сегодня больше писать не буду: В. Н. хотела еще написать Серафиме Павловне.

Мой самый сердечный привет Вам и С. П.

Ваш Р. Иванов.

P. S. — 2-VII-1942 г.

Отправление моего письма задержалось: в этом постскриптуме добавляю две просьбы со стороны моих соседей по барaku:

1) Не знаете ли Вы, где сейчас находится *Сергей Маковский*³ и какой у него адрес?

2) Не знаете ли Вы Прозоровского, Юрия Михайловича⁴ (родился в 1902 г.) из Царского Села, с 1917 г. в Париже: не знаете ли Вы случайно и его адрес?

P. I.

¹ 8 июня 1942 г. начальником «баракенлагеря» был объявлен запрет отправлять из лагеря письма на русском языке. Ср.: «Пишу Вам на немецком языке в соответствии с приказом, недавно отданным у нас в лагере, что никоим образом не должно мешать Вам отвечать мне на русском языке». — Из письма Иванова-Разумника к Е. А. Ляцкому от 17 июня 1942 г. (Прага. Литературный архив Музея национальной литературы. Фонд Е. А. Ляцкого. Перевод Г. Х. Тупса).

² Книга Ремизова «Взвихренная Русь» вышла в парижском издательстве «Таир» в 1927 году и была оценена как первая эпопея революционных лет. Ср.: «"Взвихренная Русь" — книга совершенно исключительная <...> пронизанная высокой человечностью, освященная тем светом откровения, который дается мученичеством, вернее — сомученичеством в страшнейшем из застенков — в застенке людского быта. Книга эта рождена в революции и останется ее памятником» (*Мих. Ос<оргин>*). <Рецензия> Алексей Ремизов. *Взвихренная Русь*. Изд. «Таир» — Париж 1927 // *Современные записки*. 1927. XXXI. С. 454, 456).

³ Сергей Константинович Маковский (1877–1962) — поэт, искусствовед, редактор журнала «Аполлон», автор мемуаров «Портреты современников» (Нью-Йорк, 1955), «На Парнасе "Серебряного века"» (Мюнхен, 1962) и др.; во время войны проживал в Париже.

⁴ Неустановленное лицо.

70.

5–VIII–1942.

Lieber Alexei Michajlowitsch!

Ihre Postkarte (vom 16/VII) habe ich nur in diesen Tagen erhalten, — wir senden Ihnen unseren beiderseitigen «briefkart'schen» Gruss, Serafima Pawlowna und Ihnen.

Mir läuft das Wasser im Munde zusammen von dem Durchzählen Ihrer mir unbekanntem Bücher. Hoffentlich werde ich das alles irgendeinmal durchlesen, — noch vor dem wie wir mit Ihnen in ein und derselben Zeitschrift mitarbeiten werden. Nun — wann wird das sein? Qui vivra — verra, wie die Franzosen sagen.

Nach der Veränderung unserer Lage (und Lager) und Adresse — werde ich Ihnen einen grossen Brief schreiben; aber jetzt — ist unsere Adresse dieselbe und wir erwarten wie zuvor Ihre Briefe «in russischer Sprache». Es wäre sehr schön einen grossen-grossen Brief — mit einer Erzählung über das ganze zwanzigjährige Leben — zu erhalten; einst würde er in alle Geschichten der russischen Literatur eintreten.

B. N. und ich senden Serafima Pawlowna und Ihnen, Alexei Michajlowitsch, unseren herzlichsten Gruss.

R. Iwanow.

5-VIII-1942.

Дорогой Алексей Михайлович!

Вашу открытку (от 16/VII) получил я только на днях, — мы посылаем Серафиме Павловне и Вам свой «открыточный» привет от нас обоих.

У меня слюнки текут, когда перечисляю все Ваши мне еще неизвестные книги. Надеюсь, что прочту их все когда-нибудь, — ещё до того, как мы с Вами будем сотрудничать в одном и том же журнале¹. Только — когда это будет? Qui vivra — veerra*, как говорят французы.

После того, как изменится наше положение (не говоря уже о нашем лагере), так же как и наш адрес — я Вам напишу большое письмо; а сейчас — наш адрес все тот же, и мы ждем, как прежде, Ваших писем «на русском языке». Было бы замечательно получить какое-нибудь большое-большое письмо — с рассказом о всей двадцатилетней жизни; он вошел бы когда-нибудь во все учебники истории русской литературы. Мы с В. Н. посылаем Серафиме Павловне и Вам, Алексей Михайлович, свой самый сердечный привет.

Р. Иванов.

¹ Одно из несостоявшихся начинаний русской эмиграции военных лет. Ср.: «Был Разумник. Предлагает написать статью о советской живописи для какого-то журнала в Прагу. — Сам будет писать о сов<етской> литературе». — Из дневника О. Клевера; запись от 29 ноября 1942 г. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 154. Оп. 1. Д. 67. Л. 11).

71.

29-IX-1942.

Lieber A. M.!

Wir wohnen ebendasselbst und wie vorher erwarten wir Briefe von Ihnen und Serafima Pawlowna. Ohne Briefe ist es sehr traurig. Uns kann man in russischer Sprache schreiben, — eine Möglichkeit, die wir nicht haben.

Schreiben Sie und vergessen Sie uns nicht!

Ihr R. Iwanow.

Liebe Serafima Pawlowna!

Herz lichsten Dank für Ihre Einladung. Wie würden wir, mein Mann und ich, uns freuen, wenn wir zu Ihnen kommen könnten. Wir haben noch in Puschkin (früher Zarskoje Selo genannt) von den deutschen Soldaten gehört: Paris wäre eine der schönsten Städte. Wir können es «wollen», aber das heisst nicht das wir es «können»: während des Krieges muss man beständig an Goethes Worte («Faust») sich erinnern: «Du glaubst zu schieben und du bist geschoben».

Wir befinden uns schon den fünften Monat im Lager der kleinen Stadt Konitz und erwarten schon längst eine Kommission aus Berlin die unser

---

* Поживем — увидим (фр.)

Schicksal entscheiden muss. Aber schon im voraus kann man sagen: bevor der Krieg nicht endet, kommen wir nicht nach Paris, obgleich wir so vieles einander zu erzählen hätten.

Sie fragten in Ihrem letzten Briefe wie es unseren Kindern und meinen Nichten Олѣнушке und Иринушке geht. Beide Nichten sind verheiratet und obgleich sie schon gar nicht jung sind (38 und 36 Jahre alt sind) hat eine jede von Ihnen noch recht kleine Töchter: Irene — eine sechsjährige Natascha, und Helene eine Tochter von drei Jahren ebenso «Олѣнушка» genannt. Im vorigen Sommer hat meine Schwägerin mit beiden Töchtern und Enkelkindern ebenso der Schwiegertochter und ihrer Tochter, 7–8 Jahre alt, Moskau mitte Juli verlassen, nach Ural gefahren, und dort sind sie aufs Land gekommen. Wir hoffen sie werden da nicht verhungern. Der Mann von Helene ist ebenso alt wie ihr Vater, der Mann von Irene und mein Neffe sind beide mobilisiert und wir wissen nicht ob sie am Leben sind.

Was unsere Kinder anbetrifft, so ist mein Sohn schon im 1938 Jahre gestorben, er lebte in der Provinz und wir haben uns sehr-sehr selten gesehen. Meine Tochter — 34 Jahre alt — lebte die ganze Zeit mit mir, jetzt ist sie in Petersburg geblieben. Was mit ihr ist, wissen wir nicht. Die letzte Zeit, als der Krieg eingebrochen war, wurde sie als Radist (Funker) mobilisiert und musste in der Stadt bleiben, einmal in 1–2 Wochen kam sie auf einige Stunden nach Hause; man musste die Abteilung evakuieren, aber ob es gelungen hat, wissen wir nicht. Vielleicht im Winter? Zum letzten mal war sie bei uns den 7/IX, ihre letzte Postkarte — von 10/IX, die wir den 13/IX erhielten — das war der letzte Tag, wo die Post noch arbeitete und den 17/IX — waren schon die Deutschen in unserer Stadt.

Unsere Tochter hat 2-jährige Kurse der Funkentelegraphie in dem Marine-technikum beendet und war eine der ersten russischen Frauen die als Funker auf einem Momorschiffe der Handelsschiffahrt diente. Fast zwei Jahre war sie in «weitläufiger Seefahrt» (радист «дальнего плавания») und schiffte aus Petersburg nach dem Schwarzen Meere. Im ganzen ist sie neun mal um den Gibraltar gefahren, auf jeder Fahrt war sie in Hamburg gewesen, mehrmals in Italien, in Genova (einmal fast drei Wochen) und in Napoli (fast einen Monat verbrachte sie da). Solch eine Fahrt — hin und zurück — dauerte 3–4 Monate. Unsere Tochter war gesund und froh gestimmt. (Die Korrespondenz — oft eine Postkarte nur mit dem Buchstaben «I.» — ging jetzt verloren).

Das dauerte bis zur Verhaftung des Vaters, als sie ebenso verhaftet wurde und fünf Wochen (nur!) im Gefängnis verbrachte (Aus Petersburg wurden zwei von GPU nach Odessa geschickt um dort vom Schiffe unsere Tochter zu holen). Nachdem wurde sie entlassen ohne beschuldigt zu sein und kehrte in den früheren Dienst zurück; aber nicht auf ein Schiff sondern

auf «Uferfunkentelegraph». Doch musste sie diesen Dienst verlassen und die letzten sechs Jahre war sie auf dem Haupttelegraph. Dieser Dienst war schon nicht interessant, nur zuweilen wie z. B. als die «Hinüberfliegen des Nordpols» statt fanden oder «Papanin» gerettet wurde (meine Tochter funkte mit dem Eisbrecher «Ermak» während eines Monats zwölf Stunden täglich und doch war sie zufrieden mit dieser Arbeit). — So verging das Leben — die ganze Zeit im Dienste — meiner Tochter, meines besten Freunde und Gehilfin.

Hier habe ich eine neue Arbeit: sie besteht in der Übersetzung der Briefe meines Mannes in die deutsche Sprache. Ob es mir gut gelingt, weiss ich nicht.

In diesem Jahre ist der Sommer recht kalt, nur die letzten drei Tage schien es: «der Sommer ist gekommen» und heute ist es wieder kalt und solch ein Wind — man könnte einen Wintermantel anziehen um zu spazieren und zu Hause den Ofen heizen.

Von den Schriftstellern, die in Russland diese Zeit waren, wird Ihnen mein Mann schreiben ein anderes mal. Und wenn wir von hier fortkommen, werden wir Ihnen sogleich unsere neue Adresse geben. Ich möchte sehr meinen Brief mit den Worten «Auf Wiedersehen» schliessen, denn wer weiss vielleicht sehen wir uns ebenso unerwartet, wie wir nach Deutschland gekommen sind?!

Mit den innigsten Glückwünschen

Ihre B. Iwanowa.
29-IX-1942.

29/IX-1942.

Дорогой А. М.!

Мы живем в том же самом месте и, как прежде, ждем еще писем от Вас и Серафимы Павловны. Без писем очень грустно. Вы можете писать нам на русском языке. — у нас такой возможности нет.

Пишите же, не забывайте нас!

Ваш Р. Иванов

Дорогая Серафима Павловна!

Сердечно благодарю Вас за приглашение. Как бы мы с мужем были рады, если бы смогли к Вам приехать. Ещё в Пушкине (раньше назывался Царским Селом), мы слышали, как немецкие солдаты всё говорили: Париж — один из самых красивых городов. «Иметь желание» можно, но это не значит, что мы можем это сделать: во время войны приходится постоянно вспоминать о словах Гёте («Фауст»): «Тебе кажется, что ты толкаешь, а толкают тебя»!

Мы находимся уже пятый месяц в лагере городка Конци и уже давно ждем комиссию из Берлина, которая должна определить нашу судьбу. Но уже заранее можно сказать: пока война не кончится, нам не удастся приехать в Париж, хотя мы много могли бы рассказать друг другу.

Вы в последнем письме спрашивали, как поживают наши дети и мои племянницы Олёнушка² и Иринушка³. Обе племянницы замужем и, хотя они уже вовсе не молодые (одной 38, другой 36 лет), у каждой по еще довольно маленькой дочке: у Ирины — шестилетняя Наташа, а у Елены — трёхлетняя дочка, которую тоже зовут Олёнушкой. Моя золовка вместе с обеими дочерьми и внуками а также со снохой и её дочкой, которой 7–8 лет, уехала прошлым летом, в середине июля, из Москвы на Урал, и там они поселились в деревне. Мы надеемся, что они там с голоду не умрут. Мужу Елены столько же лет, как ее отцу, а муж Ирины и мой племянник⁴ оба мобилизованы и мы не знаем, живы они еще или нет.

Что касается наших детей, то мой сын умер еще в 1938 году, он жил в провинции и мы с ним виделись очень, очень редко⁵. Моя дочь⁶ — ей 34 года — в течение всего этого времени жила со мной, теперь она осталась в Петербурге. Что с ней, нам неизвестно. Последнее время, когда началась война, она была мобилизована как радистка и должна была оставаться в городе, раз в неделю-две приезжала она домой на несколько часов; <их> подразделение должны были эвакуировать, но мы не знаем, удалось ли это. А может быть это произошло зимой? Она была у нас в последний раз 7/IX, ее последняя открытка — от 10/IX, которую мы получили 13/IX — именно это был последний день, когда почта ещё работала, а 17/IX немцы были уже у нас в городе⁷.

Наша дочь окончила двухгодичные курсы радиотелеграфистов в военноморском техникуме и была одной из первых русских женщин, которые служили радистами на борту теплохода торгового флота. Почти два года она была радистом «дальнего плавания» и плавала из Петербурга в Черное море. В целом, она девять раз проплывала через Гибралтар, во время каждого рейса она бывала в Гамбурге, побывала несколько раз в Италии, в Генуе (однажды почти три недели) и в Неаполе (она там провела почти месяц). Такой рейс — туда и обратно — длился 3–4 месяца. Наша дочь была здорова и в хорошем настроении. (Переписка — зачастую открытка лишь с буквой «И.» — теперь пропала).

Это продолжалось вплоть до ареста отца, когда арестовали и ее тоже, и она просидела пять недель (только!) в тюрьме (из Петербурга в Одессу были посланы двое из ГПУ, чтобы там снять с корабля нашу дочь). Потом ее выпустили, без обвинительного приговора, и она вернулась на прежнюю службу; но не на корабль, а на «береговой радиотелеграф». Однако, она была вынуждена покинуть эту службу и последние шесть лет работала на главтелеграфе. Эта работа не была уже интересной, только иногда, напр<имер>, когда совершались «перелёты через Северный полюс» или когда спасали Папанина (на протяжении месяца моя дочь ежедневно по двенадцать часов была на связи с ледоколом «Ермак» и все-таки она была довольна этой работой)⁸. — Так проходила жизнь — все время на службе — моей дочери, моего лучшего друга и помощницы.

Здесь у меня новая работа: она состоит в том, что перевожу письма моего мужа на немецкий язык. Хорошо ли мне это удается. я не знаю.

Лето в этом году довольно холодное, только три последних дня показалось: «наступило лето», а сегодня опять холодно и дует такой ветер, что можно было бы надевать зимнее пальто, чтобы прогуляться, а дома печь затопить.

О писателях, которые были в это время в России, напишет Вам мой муж в другой раз. И если мы отсюда уедем, то сейчас же дадим Вам наш новый адрес. Мне бы очень хотел ось закончить своё письмо словами «До свидания», так как, кто знает, может быть, мы увидимся так же неожиданно, как мы и в Германию попали?!

С самыми наилучшими пожеланиями

Ваша В. Иванова.
29/IX—1942.

¹ Слова Мефистофеля цитируются с искажением. У Гете: «Du glaubst zu schieben, und du wirst geschoben» («Ты думаешь, что сам толкать умеешь, — глядишь тебя ж толкают <все вперед>») (пер. Н. А. Холодковского) — Фауст, I, Вальпургиева ночь).

² Елена Николаевна Оттенберг (См.: п. 41).

³ Ирина Николаевна Оттенберг (1907 — конец 1970-х)

⁴ Георгий Николаевич Оттенберг (1914).

⁵ Лев Разумникович Иванов. О его судьбесм.: «Дорогая моя и любимая Варя...». Письма Иванова-Разумника В. Н. Ивановой из саратовской ссылки. С. 436; 438.

⁶ Ирина Разумниковна Иванова.

⁷ Сохранились копии 19 писем Р. В. и В. Н. Ивановых к дочери (14 августа — 13 сентября 1941 г.), которые были переданы И. Р. Ивановой В. Г. Белоусу и Ж. Шерону в 1995 г.

⁸ См. радиogramмы от И. Д. Папанина, О. Ю. Шмидта и др., принятые И. Р. Ивановой (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 2. № 17).

72.

In russischer Sprache

21—X—1942.

Дорогой Алексей Михайлович,

открытка Ваша шла 10 дней, но все же дошла, наконец; надеюсь поэтому, что и это мое письмецо доползет до Вас к Ноябрью.

Хорошо бы, конечно, посидеть всем нам вместе в Вашей кукушкиной комнате¹, попить яблочного чаю, вспомнить старые времена и поговорить о новых. Но — «и близок рай, да дверь-то где?» — как сказано у Некрасова². Так что о поездке нашей в Париж надо надолго еще отложить попечение. Так что давайте хоть переписываться и не терять друг друга из виду. Впрочем, Вы — человек оседлый, с постоянным адресом, а мы с Варв<арой> Ник<олаевной> — дубовые листки, оторвавшиеся от ветки родимой, и куда занесет нас ветер — неведомо.

Вы спрашиваете о целом ряде людей, — а я некоторых из них давно уже потерял из вида (например С. Я. Осипова³). Федин⁴ и Леонов⁵

оба жили в Москве, печатали свои романы (средние) и вообще стояли «в первых рядах литературы»*. Алянский служил в Госиздате по иллюстрационной части⁶. Кто еще Вас интересует? Скитаясь по тюрьмам и ссылкам я многих порастерял из вида, так как большинство знакомых шарахалось в кусты при встрече с «репрессированным» человеком. Исключений было мало. Пришвин до 1937 года держался молодцом. писал мне в ссылку (в Саратов). но в «суровые времена» (1936 г. и следующие) и он перепугался. Впрочем, с конца 1939 года мы с ним снова «восстановили знакомство»⁷.

Статью Вашу о Зямятине⁸ не читал и не знаю, на что могла обидеться Людм<ила> Ник<олаевна>⁹. Где она, кстати спросить? В Париже или где в иных местах? — Удивляюсь Вашему сообщению, что Мих<аил> Ив<анович>¹⁰, бывая в Париже, ни разу не заходил к Вам: забыл «сирийские» времена. И напрасно забыл: «Сирий» не нанесет ущерба его памяти.

Вы пишете, что Зин. Ник. Гиппиус «вспоминала» меня. Воображаю, как вспоминала! Я прочел здесь ее два тома «Живые лица» (очень мне понравились) и в статье о Блоке нашел себя, как «темную личность», «переметчика» и еще что-то в этом роде¹¹. Здесь я написал ответную статью — не о себе, а о Блоке¹²; занятно было бы, если бы Зин<аида> Ник<олаевна> могла ее прочитать! Да вряд ли придется. А о ней там много. Жалею ее: тяжелая судьба — одиночество в старости¹³. А «Тата и Ната» приехали — и тоже, наверное не могут приехать в Париж? И где теперь А. В. Карташев¹⁴? Разметало всех нас, подлинно, как листья по ветру.

В последнем №-ре «Нового слова» прочел бездарный рассказ Ив. Шмелева: уж лучше бы оставался «задушенным»¹⁵! Кто еще из «старой гвардии» в Париже? Знаю только о Зайцеве и Берберовой¹⁶, которые писали мне. Писал мне и Георгий Иванов откуда-то из-под Биаррица.

Так вот, Алексей Михайлович, пишите и не забывайте. Серафиме Павловне наш двойной привет; вот поговорили бы за чаем, если бы удалось повидаться! Будем надеяться, что когда-нибудь это случится.

Gruss und Kuss! **

Р. Иванов.

¹ Независимо от места жительства Ремизова, «кукушкиной» называлась комната, совмещавшая функции кабинета и гостиной, где обычно висели механические часы с кукушкой. Описание этого особого экзистенциального и творческого пространства, неотделимого от образа хозяина и его аутобиографии см.: Резникова Н. В. Огненная память. С. 22–23; Никитин В. П. «Кукушкина»

* «раки на безрыбьи» (прим. Иванова-Разумника).

** Привет и поцелуй! (нем.)

(памяти А. М. Ремизова). Воспоминания. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 279–295.

² Неточная цитата из поэмы «Кому на Руси жигъ хорошо»: «И рад бы в рай, да дверь-то где?» (Некрасов Н. А. Полное собр. соч. в 15 т. Т. 5. Л., 1982. С. 35).

³ См.: п. 42, прим. 1. В первые годы эмиграции Ремизов поддерживал тесные связи с Осиповым, который в 1921–23 гг. работал над биографией писателя (См.: *Осипов С. Я.* А. М. Ремизов. Материалы для биографии. 1921–1923 // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 38).

⁴ Константин Александрович Федин (1892–1977) — в начале 1920-х гг. активный участник литературной группы «Серапионовы братья». Подробнее см.: *Обатнина Е. А.* М. Ремизов и «Серапионовы братья» (к истории взаимоотношений) // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 223–237.

⁵ Леонид Максимович Леонов (1899–1994). Критика начала 1920-х гг. отмечала влияние ремизовского стиля на отдельные произведения Леонова. См. напр.: *Воронский А.* Литературные силуэты. Леонид Леонов // Красная новь. 1924. № 3. С. 305.

⁶ Самуил Миронович Алянский (1891–1974) — в конце 1910-х — начале 1920-х гг. — руководитель издательства «Алконост»; в 1920–30 гг. — работал в советских издательствах.

⁷ В 1936 г. Иванов-Разумник обратился к Пришвину с просьбой сохранить рукопись воспоминаний — «Юбилей», посвященных его аресту и заключению 1933 года. Тетрадь была запечатана в конверт и в жестяной банке закопана в саду. Летом 1937 г., накануне своего последнего ареста Иванов-Разумник получил от Пришвина письмо с просьбой забрать «экземпляр Чехова» — «под таким псевдонимом скрывалась консервная банка с рукописью»: «Московский друг мой был запуган не менее других. Он выкопал мою рукопись из ее годовой могилы, вернул ее мне и дал понять, что хорошо бы нам “некоторое время” вообще не общаться — ни лично, ни письменно». — *Иванов-Разумник.* Тюремь и ссылки («По тюрьмам на родине») // Мера. 1994. № 1. С. 148. В конце 1939 г., после выхода Иванова-Разумника из заключения и устройстве его на работу в Государственный литературный музей, его отношения с Пришвиным возобновились, и он был приглашен описывать его литературный архив.

⁸ Имеется в виду некролог «Стоять — негасимую свечу (Памяти Е. И. Замятина)» (Современные записки. 1937. Т. LXIV. С. 424–430).

⁹ Возможно, обиду Людмилы Николаевны Замятинной (1883–1965), жены писателя вызвали следующие слова Ремизова: «И каким ненужным показался мне дурацкий кинематограф — работа последних лет Замятина...» (Там же. С. 426).

¹⁰ М. И. Терещенко.

¹¹ В книге воспоминаний «Живые лица», впервые опубликованной в 1925 г., в Праге, З. Н. Гиппиус, характеризуя позиции Андрея Белого в 1917 г., писала: «Связался с издательством одной темной личности — Иванова-Разумника, что-то писалу него, ездил к нему в Царское Село. Далее — о Блоке и Белом: «Оба писали и работали в “Скифах” — издательстве этого переметчика — не то левого эсера, не то уж партийного большевика — Иванова-Разумника». — *Гиппиус З.* Живые лица. Воспоминания. Кн. 2. Тбилиси, 1991. С. 30; 32.

¹² Имеется в виду «статья об очерке Зинаиды Гиппиус про Блока (“Мой лунный друг”)), которую Иванов-Разумник включил в свой сборник историко-литературных статей «Холодные наблюдения и горестные заметы», о чем он писал А. Л. Бему 5 февраля 1944 г.

¹³ О последних годах жизни З. Н. Гиппиус в оккупированном немцами Париже см.: *Гиппиус З.* Письма к А. Л. Бему / Публ. и прим. Ж. Шерона // Новый журнал. 1997. № 209. С. 206–215.

¹⁴ С именем Антона Владимировича Карташева (1875–1960) Иванова-Разумника связывал инцидент, происшедший на заседании Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества 19 января 1913 г. Будучи председателем РФО, Карташев публично назвал проходившие прения «словоблудием», на что Иванов-Разумник откликнулся статьей «Клопные шкурки» (Заветы. 1913. № 2. Отд. II. С. 105–114), где, наряду с резко критической оценкой деятельности общества, изложил свои представления о подлинной религиозной философии. Выступление Иванова-Разумника вызвало широкий полемический резонанс в кругу Мережковского-Гиппиус. См.: *Крайний А.* <Гиппиус З. Н.> 2. Журнальная беллетристика // Русская мысль. 1913. Кн. 4. Отд. II. С. 28–29; *Философов Д.* Письмо в редакцию // Речь. 1913. 6 мая. № 121. С. 3; *Карташев А.* Письмо в редакцию // Речь. 1913. 27 мая. № 142. С. 4. Иванов-Разумник отвечал на критику в «постскрипуме» к статье «Было или не было» (Заветы. 1913. № 4. Отд. II. С. 150–151); в статье «“Полемика” и “критика”» (Заветы. 1913. № 5. Отд. II. С. 138–143; глава «Полемика»); а также в «Письме в редакцию» (Речь. 1913. 11 мая. № 126. С. 6–7), напечатанном вместе с «Ответом» Д. Философова.

¹⁵ Имеется в виду рассказ «От обезьяны» (Новое слово. 1942. 18 октября. № 83. С. 5) Ивана Сергеевича Шмелева (1875–1950) — представителя первой эмиграционной волны. О литераторах, «духовно задущенных» советской цензурой см. статью Иванова-Разумника «Задущенные» из цикла «Писательские судьбы» (Новое слово. 1942. 20 сентября. № 75. С. 4–5).

¹⁶ Письма Иванова-Разумника к Нине Николаевне Берберовой (1901–1993) см.: См.: *Cheron G.* The Wartime Years of Ivanov-Razumnik: Correspondence with N. Berberova // Literature, Culture, and Society in the Modern Age: In honor of Joseph Frank. Part II. Stanford Slavic Studies. Vol. 4:2. Stanford, 1992. P. 396–397. Ответные письма см.: Наст. изд. С. 156–160.

73.

In russischer Sprache

23–XII–1942.

Дорогие Серафима Павловна

и Алексей Михайлович!

Писал Вам ровно два месяца тому назад, — но безответно. Сегодня пишу, чтобы поздравить с наступающим Новым Годом, а после него и с нашим русским Рождеством. Варвара Николаевна и я желаем обо-

им Вам бодрости душевной и здоровья телесного. Не забывайте нас, — авось когда-либо еще и увидимся.

Адрес — прежний.

Сердечный привет!

Ваш Р. Иванов.

74.

In russischer Sprache

17 марта 1943.

Дорогой Алексей Михайлович,

переписка наша идет медленными шагами: на мою новогоднюю открытку Вы ответили 11/II. а ответ этот я получил 28/II, как раз в тот самый день, когда мы (всем лагерем) переехали на новое местожительство¹. Пока мы утряслись и устроились — еще 1/2 месяца прошло. Так-то оно:

Neu! Neu! Fugit irrepairabile tempus!* — если вспомнить старую латынь. Время бежит, мы старимся, — когда-то свидимся?

Но вот прежде всего наш адрес:

Iwanow-Rasumnik

Umsiedlungslager Konradstein

Anstalt/ Haus II, Zimmer 20

Pr. Stargard (Westpr.)

Надолго ли он — Бог весть; предыдущий оказался в целый год длительностью. Во всяком случае пишите нам сюда, когда найдется время и желание.

Очень Вы меня порадовали и удивили, что Юргис² жив и живет в Париже. Если знаете его адрес — сообщите, непременно ему напишу; а если встретите — сообщите мой адрес и передайте заочный привет. Вот кого бы я повидал с удовольствием.

А Серафиму Павловну и Вас надеемся не только «повидать», этого мало; хотелось бы начать разговоры «всерьез и надолго» — за все двадцать с лишним прошедших лет. Но пока длится война — нам пути в Париж заказаны, да и что нам делать в Париже? Вы, старожилы, имете чем жить, да и то, вероятно, живется не легко. Впрочем — кому теперь легко живется? Время трудное, тяжелое, и не о легкости приходится думать, а лишь бы живу остаться. На Военно-Грузинской дороге была нависшая над шоссе скала; это место искони называлось: «Пронеси, Господи!» Экипажи старались проезжать потише и поскромнее. Вот и мы все теперь жизнестествуем под такой мировой скалой «Пронеси, Господи!», — а вот пронесет ли? Кстати сказать — скалы этой на Военно-Грузинской дороге уже нет: не так давно — сорвалась

* Эй! Эй! Летит невозвратное время! (лат.)

и полетела в пропасть, никого не задев. Мировое «Пронеси, Господи!» тоже упадет, но сокрушив под собою миллионы. И лучшее пожелание в наши дни то, которым как-то обмолвился Пушкин, — этим пожеланием и заканчиваю свое письмо, — : «постараемся быть живы».

Желаю этого Серафиме Павловне, Вам и нам с Варварой Николаевной.

Привет сердечный от нас двоих Вам обоим, — пока заочный, а когда-нибудь и лично передадим его Вам на Voileau³.

Р. Иванов.

¹ Вместе с другими поселенцами Коницкого лагеря Ивановы были переведены в Прусский Штаргард (наст. Старгород Гданьский), где их разместили в здании психиатрической лечебницы. См.: *Мор Е. (Сидорова Е.)* Воспоминания об Иванове-Разумнике / Публ. В. Г. Белоуса и Ж. Шерона // *Русская мысль*. 1996. № 4146. С. 11–12.

² Ю. К. Балтрушайтис.

³ Ремизовы жили в Париже на улице Буало, дом 7.

75.

In russischer Sprache

25–IV–1943¹.

Христос воскрес! — дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович! Оба мы поздравляем обоих Вас; будьте добры и здоровы!

Получили ли мое письмо, посланное более месяца тому назад (17 марта)? Если получили — черкните, как живется? Очень скучно без писем.

Дружеский привет от обоих обоим.

Ваш Р. Иванов.

¹ На открытке помета А. М. Ремизова: «3 V».

76.

In russischer Sprache

20–X–1943¹.

Дорогой Алексей Михайлович, пока это письмо дойдет до Вас, наступит, вероятно, уже и полугодовой день со времени кончины Дорогой Серафимы Павловны, с которой так и не привелось нам встретиться². Придется ли встретиться нам с Вами? На письма мои Вы не отвечаете — получили ли их? Вот уже три месяца, как мы живем в имении родственников на Литве (адрес на обороте)³ и проживем еще неопределенное время. Пишите — лучше всего заказным. Когда получу — напишу Вам большое письмо. Сегодня же посылаю открытки и Б. К. Зайцеву и Н. Н. Берберовой, которые тоже совсем меня забыли. Варвара Николаевна кланяется: на могиле Серафимы Павловны вспомните и о нас. Не забывайте!

Р. Иванов.

¹ На открытке помета А. М. Ремизова: «б XI».

² Ср.: «В Праге, вероятно, известно, что 13 мая скончалась Серафима Павловна Ремизова. Недавно получил письмо от Алексея Михайловича об этом; пишет он — тяжело ему досталась вообще жизнь, да и литературная жизнь в частности. Теперь он остался совсем одинок; “сорок лет странствовали вместе” — пишет он про Серафиму Павловну. А в Землю Обетованную так и не попали. Очевидно — это не суждено нашему поколению» (Из письма Иванова-Разумника к А. Л. Бему от 6 июня 1943 г. — Прага. Литературный архив Музея национальной литературы. Фонд А. Л. Бема).

³ «Frau N. Jankauskas (für I.-R.) Ostland. Litauen. Kreis Kedahnen. Post Surviliški. Gut Daniliški». Речь идет об имении Янковских (Янкаускасов) — родственников Иванова-Разумника по материнской линии (Данилишки, Ковенской губернии, Паневежского уезда, Литва). Архивный фонд Департамента земельной реформы, в деле за 1928–38 гг. об имении Данилишкес, волости Сурвилишкис, Кедайняйского уезда, располагает сведениями о том, что с 7.05.1891 имением владел Константин Янкаускас. после его смерти упомянутым имением владела Барбара Янкаускене, которая своим завещанием оставила его своему единственному сыну Платону Константиновичу Янкаускасу (Литовский центральный государственный архив. Ф. 1248. Оп. 9. Д. 717). П. К. Янкаускас — двоюродный брат Р. В. Иванова.

77.

In russischer Sprache

2-II-1944¹.

Дорогой Алексей Михайлович,

очень я виноват пред Вами: так давно не писал, что и вспомнить не могу — когда. Не потому, чтобы мы забыли вас и Серафиму Павловну (напротив, очень помним и часто вспоминаем), а потому, что жизнь теперь взвихренная, дни летят быстро, а время ползет медленно. А вернее, может быть, наоборот: время летит быстро, а дни за днями ползут медлительно. Вообще, по Шекспиру — мир сошел с оси², и пока он не придет в порядок — не войдет в норму и время, не придем в порядок и все мы.

Вот и теперь: прожили мы месяцев 7–8 в деревне, у племянницы (она сама прилагает к моему письму свой листок; помнит, что в давние года, когда она была девчонкой, Вы и Серафима Павловна прозвали ее «Пищик Иванович»³); теперь собираемся в путь — и с середины марта наш адрес будет такой:

Allemagne. An Herrn Amtsgerichtsrat Olaf Welding (für I–R)
Deutschland. Konitz (Westpr.) Denkmalsplatz, 2⁴.

Сколько проживем там — обстоятельства покажут; но пока — пишите нам туда; очень будем ждать Ваших писем. — Сегодня же пишу в Париж и Н. Н. Берберовой, и Б. К. Зайцеву (от последнего только что получил пись-

мо). Знаю из газет о том, что в Париже в первых числах января скончался Ю. К. Балтрушайтис; вот и с ним не удалось повидаться!⁵

В грустном письме Вашем одно порадовало — это то, что Вы усиленно работаете⁶. Всем нам немного осталось работать на свете, годы наши такие, и хорошо последние годы нашей жизни провести в труде «на память потомкам». Но авось — еще проживем, авось еще увидимся и Вы прочитаете нам то, что писали эти годы.

А пока — оба мы обнимаем Вас и просим не забывать.

Ваш Р. Иванов.

¹ На письме помета А. М. Ремизова: «4 III».

² Вероятно, имеются в виду слова Гамлета: «The time is out of joint» («Гамлет», акт I, сцена V).

³ Возможно, под впечатлением этого знакомства Ремизов написал рассказ «Птичка», главной героиней которого была маленькая девочка Мильда — дочка хозяйки усадьбы, где отдыхал писатель (См.: *Ремизов А.* Весеннее порошье. СПб: «Сирин», 1915. С. 13–20).

⁴ Ивановы поселились в Конице у судебного советника Олафа Федоровича Вельдинга. Подробнее см.: *Раевская-Хьюз О.* Иванов-Разумник в 1942 году. С. 224–225.

⁵ Ю. К. Балтрушайтис скончался 3 января 1944 г.

⁶ После смерти С. П. Ремизовой-Довгелло здоровье Ремизова резко ухудшилось; тем не менее, находясь в оккупированном Париже, под ежедневными бомбардировками, он продолжал работать над книгой, посвященной памяти Серафимы Павловны (*Ремизов А.* В розовом блеске. Нью-Йорк. 1952), а также над воспоминаниями о детстве (*Ремизов А.* Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут памяти. Париж, 1951) и начале литературного пути (См.: *Ремизов А.* Иверень. Загогулины моей памяти / Ред., послесл., коммент. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986). Ср. с письмами Ремизова к Н. В. Резниковой этого времени: *Russian Literature Triquarterly*. 1986. No. 19. P. 274. (Публ. S. Aronian).

78.

In russischer Sprache

26-II-1944¹.

Ecrit en russe.

Данилишки.

Дорогой Алексей Михайлович,

вдогонку большому письму, которое я и Пищик отправили Вам с неделю тому назад, пишу сегодня открытку, которая дойдет скорее и вернее, чтобы сообщить главный пункт закрытого письма: со второй половины Марта наш адрес меняется, ибо наш литовский Urlaub* закончился; наш адрес теперь будет:

An Herrn Amtsgerichtsrat Olaf Welding (für I–R) 5^a. Konitz (Westpr.) Denkmalsplatz, 2.

---

* отпуск (нем.)

Будем ждать там Ваших писем; авось они будут доходить туда скорее, чем до нашей литовской деревенской глуши.

Сегодня — Масленица; едим блины и вспоминаем старые времена! Привет от Варвары Николаевны; не забывайте нас.

Ваш Р. Иванов.

Р. С. Одновременно писал и Б. К. Зайцеву, и Н. Н. Берберовой.

¹ На открытке помета А. М. Ремизова: «20 III».

79.

Russisch

7-IV-1944.

Кониц.

Дорогой Алексей Михайлович, авось эта открытка моя дойдет до Вас к нашей Пасхе: Христос воскрес! Варвара Николаевна и я трижды целуем Вас и вспоминаем в эти дни Серафиму Павловну, через месяц уже и годовщина будет. На днях в старом томе «Современных Записок» прочел Ваш рассказ «Кран Гиппопотама», — как Вы встречали Пасху в Париже десять лет тому назад¹; как-то встречаете теперь? Там же прочел, что «Сны» Тургенева вышли еще тогда же². Пушкин. Толстой. Лесков, Достоевский — большие клады снов, но не забудьте и Лермонтова³. Поздравляю, что книгу кончили: когда-то появится она по-русски!⁴ — Я за время сидения в Данилишках закончил по старым материалам целых четыре книги, листов по 12 каждая, а Варв<ара> Ник<олаевна> перестукала их на машинке: вот и все возможности издания по нашему времени⁵.

Из деревни я и Пищик написали Вам большое письмо, да не дошло; спасибо, что хоть открытка дошла. Пишите нам сюда в Кониц, где мы пребываем с конца Марта; комната отдельная, удобная и теплая; у хозяина квартиры библиотека большая; городок маленький и тихий, работать удобно.

Крепко помним Вас оба.

Не забывайте и Вы нас. Ваш Р. Иванов.

¹ Современные записки. 1932. № 50. С. 96–112.

² См.: Ремизов А. Тридцать снов Тургенева // Воля России. 1930. № 7/8. С. 580–623.

³ Имеется в виду «сновидческая» традиция в русской литературе, генеалогию которой Ремизов наметил в своей первой работе о поэтике сновидений, взяв за основу творчество Тургенева (См.: прим. 2). Впоследствии этот текст вошел в книгу «Огонь вещей. Сны и предсонье» (Париж: «Оплешник», 1954), где наряду с осмыслением темы сна в произведениях Гоголя, Пушкина, Толстого и Достоевского, содержался творческий комментарий к стихотворению Лермонтова «Сон» (глава «Сквозные глаза. Сон Лермонтова»).

⁴ Вероятно, подразумевается роман Ремизова «В розовом блеске» (См.: п. 77, прим. 6). Отдельные главы из этого романа выходили по-французски в 1943 году в различных периодических изданиях (См.: Alexis Remizov. Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov / Établie par Hélène Sinany. Paris, 1978. S. 78–79). Полностью на русском языке книга вышла лишь в 1952 г. Ср. также с письмом Ремизова А. Л. Бему от 16 апреля 1944 г.: «К годовщине смерти Серафимы Павловны думаю, закончу всю книгу: сейчас пишу приложение, Выходит “thréne”* и только общее заглавие не могу придумать» (Прага. Литературный архив Музея национальной литературы. Фонд А. Л. Бема).

⁵ Речь идет о книгах воспоминаний «Тюрьмы и ссылки» и «Холодные наблюдения и горестные заметы», сборнике статей на литературные темы «Письма без адресатов», а также об итоговой философской работе «Оправдание человека». «Тюрьмы и ссылки» увидели свет в Нью-Йорке, в 1953 г., судьба остальных рукописей неизвестна.

80.

Russisch

31–V–1944¹.

Конец.

Дорогой Алексей Михайлович, Ваше письмо получили 13 мая, в день памяти Серафимы Павловны, и поминали ее, и вспоминали Вас. Время бежит, нас не ждет, — как скоро год прошел! И не верится даже, что мы уже два с половиной года без отечества, а Вы уж и все двадцать три года... Писал мне недавно Б. К. Зайцев, спрашивал — как я думаю, вернемся ли? Я ответил (вчера письмо послал) словами из Писания: «и покажах ю очесем твоим и тамо не внидеши»²... Это наша судьба.

Будем же последние дни и годы, кому сколько дано, работать на чужбине. Рад за Вас, что Вы много работаете, — как хотелось бы прочесть! Да не по-французски, а по-русски. Авось дождемся времени, когда можно будет печататься и на родном языке. Делаю эту попытку даже сейчас: издательство во Фрейбурге предложило издать две мои книги «Писательские судьбы» (10 печ. лл.) и «Тюрьмы и ссылки» (14 печ. лл.) сразу и по-русски и по-немецки. Послал, но не очень верю в возможность издания теперь, — до того ли!³

Как странно читать в Вашем письме знакомые имена — Ольга Елисеевна⁴, Пелагея Ивановна⁵... Тридцать лет от «Сирина» и от «Заветов» прошло — и мы всё еще живы, после всего пережитого, — иной раз даже и не верится. Также странно получать письма от Сергея Порфирьевича (мы с ним часто переписываемся), от Б. К. Зайцева, да и

---

* погребальный плач (фр.)

вообще от всех людей нашего поколения. Много ли нас однако осталось? И много ли еще останется до конца войны, которой конца не видеть? Но — как сказал Пушкин — «постараемся быть живы». Этим общим пожеланием всем нам сегодня заканчиваю письмо. Не забывайте нас письмами и впредь, дорогой Алексей Михайлович; очень мы с Варварой Николаевной одиноки в безвестном городишке. Оба сердечно приветствуем и кланяемся.

Ваш Р. Иванов.

¹ На письме помета А. М. Ремизова: «б VI».

² Вероятно, имеются в виду слова из Библии, обращенные к Моисею: «Взойди на вершину Фасги, и взгляни глазами твоими к морю, и к северу, и к югу, и к востоку, и посмотри глазами твоими; потому что ты не перейдешь за Иордан сей» (Втор. 3, 27).

³ В анонимной заметке «Разумник Васильевич Иванов», предварявшей нью-йоркское издание «Писательских судеб», указывалось, что работа «“Холодные наблюдения и горестные заметы” (о большевистских и немецких зверствах — ...была закончена и уже набиралась в типографии, когда в нее попала бомба — набор и рукопись сгорели)». — *Иванов-Разумник Р.* Писательские судьбы. С. II.

⁴ Ольга Елисеевна Чернова-Колбасина (1886–1964) — литератор, жена В. М. Чернова. О ее встречах с Ивановым-Разумником и Ремизовым см.: *Резникова Н. В.* Огненная память. С. 33–35.

⁵ Пелагея Ивановна Терещенко — совладелица издательства «Сирин».

Приложение

Подкальватель¹

Подкальваньё — не под силу заурядному нынешнему «революционеру» (я говорю о «революционерах» в кавычках, т. е. о тех «торжествующих», что мчатся вперед на известной «красной тройке»). Так вот, «революционер» сегодняшний из простых, из темных — он дубнет тебя не благословясь наотмашь, и ладно. Гнев народный, глядишь, и утолен. И закурить можно.

Не то — нынешний революционный красно-троечник с культурными вкусами, с буржуазными «литературными» запасами. Дубье или обыкновенная пальба не утоляет его «революционного пафоса». Что-то иное, более утонченное, ему требуется. Он уже в некотором роде «гурман». Он вас заманит за уголок, обмажет ласково всякими словесами, вывернув да оплевав их и тут же, тихонечко, остренько и гаденько вас подколлет.

Так, на наших глазах, заманил Иванов-Разумник Алексея Ремизова в укромный уголок и там его подколот. Укромный уголок — это разумовский «литературный» сборник (II) «Скифы».

Я не буду распространяться о том, кто такой А. Ремизов. Это все знают. Знаем мы, давно, и господина Разумника со всех сторон: нас, ведь, не запугаешь «высоко-литературными» словами, каждому цена известная... Нет, я остановлюсь только на последнем деянии нашего крайнего, нашего правительственного «революционера» (тьфу, чур меня!) Ив.-Разумника: на том, как он, заманив, *подколот* Ремизова.

Ремизов написал очень сильную, яркую и бездонно искреннюю вещь — «Слово о погибели Русской Земли». Нет сомнения: миллионы русских людей (если бы эти миллионы ее прочитали) узнали бы в ней свою душу. Воистину «Слово» их же, еще бессловного вопля. Но Слово станет плотью, и тогда — только тогда, воскреснет Россия. *Революционная*, ныне закованная и мертвая, Россия.

Вот какое это «Слово». Его, впрочем, знают читатели: оно было целиком напечатано в одном из №№ «Воли Народа». Ив.-Разумник упростил Ремизова напечатать «Слово», как прекрасную, сильную вещь и в своем «чисто-литературном» сборнике «Скифы» (заманил в уголок). Действительно, напечатал. Сполна. Но тут же, тотчас после Ремизова, напечатал и свой... доносик на Ремизова. Именно доносик, если не цельный доносище (подколот). Назвать иначе статью Разумника о Ремизове и его «Слове» — нельзя. Весь сопроводительный арсенал литературных красот, все библейские и евангельские цитаты, кощунственно (и невежественно) вывертываемые наизнанку — лишь гурманство подкальвателя, утончение шила, чтобы поглубже вошло. А суть в доносе. И доносит Разумник — следующее: Ремизов защищает «самодержавие, православие и народность». Ремизову ненавистна *всякая** революция. К «обезьяньему гикю» Ремизова, к его «заушенью революции» «присоединится малодушный всесветный мещанин» и т. д.

Следует строка о «каре» Ремизова, «ибо нельзя безнаказанно заушать»... «распинаемую» идею, — читай «торжествующую». Ив. Разумник тут некстати вывернул: ведь если что и «заушает» Ремизов, то как раз торжествующую «красную тройку», на запятках коей примостился и Разумник.

Сделаем дальнейшие выводы.

Черносотенное «Слово» Ремизова было напечатано, без комментариев (т. е. как «свое») на страницах с. р.-ской газеты. Значит, кивая на Ремизова, кивает Разумник и на руководителей газеты. Револю-

---

* Курс. подлинника.

ционеры? Как бы не так! Даже не «калединцы», а прямо «николаевцы»; у них Ремизов «трех китов» и «самодержавие» защищает, нашу «тройку» заушает! Если Разумник не доходит до «Воли Народа», то лишь потому, что выдерживает «чисто-литературный» стиль: в «чисто-литературном» сборнике не принято говорить о «газетах». Он скажет (еще не говорил?) в газете же, в «Правительственном Вестнике» г. Мстиславского, «Знамени Труда». (Г. Мстиславский не может, как все знают, жить без «Вестника» — все равно какого «Правительства»)².

Да, что объяснять? Знают Ив. Разумники, прекрасно все знают. Вот это-то и страшно, что знают. И что Ремизов не черносотенец, не «за самодержавие» стоит, а к подлинному русскому свободному и гордому духу взывает — и это Разумнику ясно. Только Разумник, с его гордой революцией, ему враг. Вот и нужно кивнуть дурным, детским головам на Ремизова, и замануть его в Скифный проулочек, да подколоть шильцем; а чтоб поострее — со святыми цитатами. У Разумников, этих фон-Зонов Достоевского³, для борьбы с врагами, с революционерами настоящими, — все средства хороши. Не брезгают. Так было... при Николае, так есть и при Николайчиках-Разумниках.

Да, между ними и нами — пропасть. Вы еще захотите перескочить ее, будете пытаться, но знайте: мы вам встречной руки тогда не протянем.

И это вздор, что Россия погибнет. Никогда она не погибнет, сколько бы вы ее ни душили и ни рвали. Ее малых детей и ее свободных сынов — подлинных революционеров, — вы сможете еще перебить, сколько успеется. Можете еще и подкалывать, и «плевать и заушать», и кричать (история повторяется) — «распни, нет у нас царя, кроме Кесаря!»

— Кричите, мы не боимся: будет третий день, воскреснет Россия!

А вы, — ничего не боитесь?

Ой, бойтесь! Мчится «красная тройка», пыль, искры и комыя грязи летят в лицо Ив. Разумника, скорчившегося на передке... Птица-тройка! И вдруг... вы не боитесь, Ив. Разумник? Вдруг оборачиваются лошадиные головы, все три, и видите вы их длинные морды, и скалятся желтые зубы (как у Гоголя в «Страшной мести»), скалятся, — смеются: и коренник багровый, и пристяжные кровавые...

Этого еще не было, но это будет. Вы еще вспомните тогда Ремизова, г-да Разумники-Ивановы. Но он не напишет «Слова о гибели»... вашей. Он будет славить возрожденную Россию и ее святую революцию, ее Звезду Утреннюю.

Ип. Трилесов

¹ Статья была опубликована в «Воле страны» (первоначальное название «Воля народа») — ежедневной, литературно-политической газете, издававшейся правыми социалистами-революционерами А. А. Аргуновым, И. А. Гукоским, П. А. Сорокиным, Е. А. Сталинским (1918. 24 января. № 8. С. 1–2). Автор неизвестен. Примечательно, что рядом с «Подкальвателем» был напечатан фельетон близкого друга Иванова-Разумника М. М. Пришвина — редактора литературного приложения газеты — «Россия в слове» и постоянного автора «Воли народа». Откликаясь на «Подкальвателя», Е. Г. Лундберг писал Ремизову 28 января 1918 г.: «Вы знаете, что я далек от партий, литературн<ых> дрязг и пр. и м<ожет> б<ыть> в силу этого по хорошему восприимете мой совет, кот<орый> я вправе дать в 1х, по долговому нашему знакомству, во 2х, потому, что люблю Вас. / Всякая литерат<урная> — и иная — борьба хороша, когда она ведется умными и честными руками. Сегодня я прочел в “Воле Народа” статью об Иванове-Разумнике. Вы знаете, как во многом расходимся мы с Ив<ановым>-Раз<умником> — не меньше, чем с Вами расходимся. Темнить одного, обелять другого у меня нет ни желания, ни причин. / Но ясно одно: 1) статья Воли Народа оскорбительна для Вас, ибо Вы трактуетесь как дурачок в ней 2) статья лично — озлобленная 3) злоба в ней дурная — и глупая. и пошлая и пошло-<прож?>женная; эту статью не мог по тону и по словам написать порядочный человек 4) всем известно Ваше влияние на бедного запутавшегося Мих. Мих. Пришвина 5) всем известны Ваши личные связи, связи серьезные и деловые с Ив<ановым>-Раз<умником>. / Это с одной стороны. / С другой — Разумник делает свое литерат<урное> дело и умно и чисто. / Ну-ка, сопоставьте. Вы понимаете в каком положении оказывается Вы, если Вас будет защищать пошлым тоном какой-то (вероятно, по стилю коллективный) между нами будь сказано дурак? Статья непроходимо глупа и мерзка. Ведь это же марают Вас? Неужели Вы этого не видите? Марают и Пришвина. Если не Вы, то Серафима Павловна должна это видеть. / Что бы ни было впереди. Вы не должны смешиваться с мелкими и пошлыми защитниками. Вы должны как писатель отмежеваться. Если Вы сами, или чужие руки поведут борьбу литерат<урно> умно, зло, ярко, остро — все будет хорошо. Если глупо, мерзко и пошло, это на Вас же упадет. Выгашите Вы *Пришвина* из газетной сутолоки: загубит свой талант, измарается, жалко. И себя поберегите» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 150. Л. 49).

² Намек на сотрудничество С. Д. Мстиславского в дореволюционном «Грамотейственном Вестнике». Подр. см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и комм. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 125.

³ Дело об убийстве фон Зона содержанием притона М. Ивановым и его сообщниками в январе 1870 г. послужило основой для романа Достоевского «Бесы». Образ фон-Зона применительно к Иванову-Разумнику возникает также в статье Антона Крайнего (З. Н. Гиппиус) «Неприличия» (Современное слово. 1918. 16 (3) июня. № 3554).

Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову

(дополнение)

Книга уже находилась в печати, когда Е. Обатниной удалось разыскать в архиве Amherst Center for Russian Culture, США еще одно письмо Иванова-Разумника, которому суждено было стать последним в публикуемой переписке. Публикаторы выражают благодарность Директору Центра С. Рабиновичу за оказанную помощь.

13 b München 42
Zündterstrasse 28
Prof. Georg Jankauskas¹

8-V-1946.
Мюнхен².

Дорогой Алексей Михайлович!

После годового перерыва в нашей переписке, делаю попытку снова связать разорванную ниточку. Если Вы еще на прежней квартире, если это письмо дойдет до Вас и если я получу ответ, то напишу Вам подробнее, а сегодня лишь несколько слов.

Минувший год был черным для нас: в Апреле прошлого года Варвара Николаевна тяжело заболела, и пролежав 11 месяцев в кровати скончалась 18го Марта этого года, в Рендсбурге³. Сорок три года странствовали мы по всем тропинкам жизни, теперь мне надо заканчивать недолгий оставшийся путь самому. Как это не легко — Вы понимаете лучше всякого другого: Серафима Павловна тоже ушла первой от Вас.

Где, как и чем буду дальше жить — совершенно не знаю. Чтобы не быть никому в тягостю мне надо было бы жить там, где есть большая русская колония и где поэтому есть возможность работы. В былые времена я в первую очередь подумал бы, конечно, о Париже; не думаю, чтобы это было осуществимо при нынешних условиях. Как Вы полагаете?

Получил недавно письмо от жены Сергея Порфирьевича⁴ и узнал о его тяжелой участи. В ее письме сказано между прочим: «я думала, что Алексей Михайлович Вам уже обо всех наших делах написал: он должен знать все от Н. О. Лосского⁵, который недавно приехал в Париж к сыну». Сама она в коротеньком письме ничего не сообщает ни о А. Л. Беме⁶, ни о других.

Может быть Вы что-нибудь знаете?

Сообщите также и о знакомых парижанах. Сегодня же пробую написать Б. К. Зайцеву — не твердо уверенный в его адресе (38 Rue Thiers, Boulogne 9/5 ?).

Писал и Н. И. Берберовой. Если случится — сообщите им мой адрес и передайте мой привет.

Написал бы Вам еще о многом да не хочется писать впустую, — подожду сперва Вашего отклика. Переключаться нам уж недолго осталось.

Землю с могилы Варвары Николаевны взял с собою, — где меня ею посыпят?⁷

Мы теперь как перекати поле носимся по ветру мировой истории вот уже пять лет. Вы счастливее — давно уже стоите на якорю.

Сердечный привет.

Ваш Р. Иванов.

¹ Георгий Платонович Янковский (Янкаускас) (?–1981) — двоюродный племянник Р. В. Иванова.

² Слева помета Ремизова красным карандашом: «5 VI».

³ Город на северо-западе Германии, на берегу Кильского канала.

⁴ Имеется в виду Елизавета Викторовна Постникова (1882 ?–1961) — жена Сергея Порфирьевича Постникова.

⁵ Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) — философ. См.: *Лосский Б. Н. Воспоминания Иванова-Разумника // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре.* СПб., 1996. С. 24–27.

⁶ См.: Наст. изд. С. 148–153.

⁷ Р. В. Иванов скончался 9 июня 1946 г. в Мюнхене. Похоронен на кладбище Waldfriedhof.